

И. ЗЕМЦОВ • АНДРОПОВ

И. ЗЕМЦОВ

АНДРОПОВ

ЕЛЬСКИ
ОГАМ

ИЛЛЯ ЗЕМЦОВ

**АНДРОПОВ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ
И
БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ**

**Иерусалим
1983**

Всякое использование этого издания или его части в целях перепечатки, радио- или телепередач, экранизации и т. п. возможно только с разрешения издательства.

Художник Г. Винницкий

Предлагаемая читателю история борьбы за власть в Кремле, запутанная, как сюжет приключенческого романа, основана на анализе информации, нередко противоречивой: поступавших в разное время из Москвы советских публикаций, сообщений западных газет, неподтвержденных слухов и домыслов, распространяемых КГБ, которые, впрочем, часто оказывались важнее реальных фактов, стоящих за ними.

Книгой "Андропов" — первым на русском языке исследованием андроповского периода советского государства — профессор Илья Земцов продолжает обсуждение проблем, поднятых в его же книге "Коррупция в СССР" (изд-во НАСНЕТТЕ, 1976 г.): механизма и технологии коммунистической власти, политической структуры СССР, внутренней и внешней политики советского руководства.

В предлагаемой вниманию читателя новой книге И. Земцова, как и в реальной жизни, соединились судьбы двух генералов — Юрия Андропова и Гайдара Алиева, бывшего главного шефа советской тайной полиции и бывшего председателя КГБ Азербайджана. Они встретились впервые в 1967 году и с тех пор стали необходимы друг другу: Алиев помог Андропову захватить власть в стране, Андропов превратил Алиева, лидера провинциального масштаба, в одного из всемогущих руководителей государства, своего ближайшего помощника. Эволюция советской системы, определенная в книге как "андропологизация режима", отмечена не только личностью нового советского правителя — на ней отчетливо проступают "отпечатки пальцев" Алиева, его "азербайджанского эксперимента".

Илья Земцов познал советскую систему изнутри — он был в СССР профессором, доктором философии и социологии, членом Правления Советской Социологической Ассоциации при Академии Наук, руководителем факультета организаторов производства в одном из ведущих высших учебных заведений Азербайджана, заведующим кафедрой философии медицинского института в Ярославле. Он хорошо знал Алиева, руководя Социологическим Центром Информации в Баку. Им опубликовано более 200 работ — книг, статей, очерков — по различным вопросам советского общества: социальной структуре, преступности, психологии поведения человека, воспитанию. Илья Земцов — член американской Академии и международных Ассоциаций политических наук и социологии.

С 1973 года Илья Земцов живет в Израиле. Он работал профессором Еврейского университета в Иерусалиме, а в настоящее время возглавляет Израильский Государственный Институт исследования современного общества. Его последняя работа "Андропов" вышла также на английском языке.

*Не существует знания СССР, есть лишь
различные степени его незнания.*

Андропов на параде 1979 года.

ПРЕЛЮДИЯ ВЛАСТИ

“К правящей партии примыкают худшие... уже потому, что эта партия правящая”.

(Владимир Ленин)

ПРЕАМБУЛА ВЛАСТИ

Генерал Андропов, молодежавый, эlegantный, — таким он, во всяком случае, был в 1981 году, когда в Президиуме Академии Наук СССР его принимали (или он принимал?) философы, социологи и правоведы, — с чарующей скромностью заметил, лстя честолюбию ученых: “Из трех вещей, которые должен сделать настоящий мужчина: посадить дерево, вырастить ребенка, написать книгу — я не успел пока написать книгу. Дела...”

Теперь напишет — ему напишут. Но судить история будет Андропова (а судить его, как и любого коммунистического руководителя, история будет обязательно; иное дело, когда) не по книгам и не по премиям за них — они, вероятно, тоже будут, — а по делам. А делу Андропова всегда было много. Но никогда — столько, сколько сейчас.

Выиграв наследство Брежнева и став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Андропов еще не добился решающей победы в борьбе с другими наследниками Брежнева — Черненко и Тихоновым. Но Политбюро ЦК КПСС — это такая “картинная галерея”, в которой есть место лишь для одного оригинала — Генсека и тринадцати копий с него — членов Политбюро. В разные периоды 65-летней советской истории такими

“оригиналами” были Ленин, Сталин, Хрущев, Брежнев. Статус Генерального секретаря ЦК КПСС сам по себе не обеспечивает его обладателю “оригинальности”; чтобы стать неповторимым и единственным, Генеральный секретарь должен подчинить, подавить или сокрушить своих коллег по Политбюро. Он должен пройти сложный путь: из “первого среди равных” (членов Политбюро) стать “первым среди неравных”. Высшая цель Генсека — признание его гениальности, в результате чего остальные его коллеги и сподвижники по Политбюро низводятся до положения подручных. Добиться ранга “гения” стремились все коммунистические правители России, но удавалось это не каждому. Однако и оставаться просто Генеральным секретарем — “первым среди равных” — тоже невозможно, тот, кто не сумел превратиться в “первого среди неравных” (как, например, Г.Маленков), обречен потерять все. Такова технология советской власти, таковы законы развития советского режима.

В.Ленина уже в канун захвата власти большевиками почитали и признавали гением. Эволюцию в “вожди” Ленин завершил до октябрьского переворота. В период становления коммунистической партии (1903—1904) он был “первым среди равных”. Революция 1905 года превратила Ленина в “первого среди неравных”. Из эмиграции Ленин вернулся в апреле 1917 г. уже общепризнанным и боготворимым “Учителем”.

И.Сталин свое восхождение в “гении” начал, еще даже не будучи “первым среди равных”. Назначенный Генсеком в 1922 г., он “не дотягивал” ни авторитетом, ни положением в партии до своих коллег по Политбюро — Троцкого, Зиновьева, Каменева. В те годы должность Генсека рассматривалась в партии как организационно-техническая, и до Сталина в первых секретарях ЦК успели побывать Свердлов, Крестинский и Молотов.

“Первым среди равных” Сталин стал лишь после смерти Ленина. А борьба с оппозицией и ее разгром (в 30-е годы) превратили Сталина в “первого среди

неравных". Подняв бюрократический аппарат ЦК над партией, Сталин и себя — Генерального секретаря — поставил над коммунистами. Наконец вторая мировая война сделала Сталина "гениальным корифеем всех наук". Та самая война, за мучительную победу в которой народы СССР заплатили жизнями сорока миллионов погибших и умерших от голода и болезней — по вине "гениального" Сталина.

Хрущев, так же, как и Сталин, осмотрительно двигался по крутым ступенькам партийной иерархии. Ему пришлось тяжело бороться за право быть "первым среди равных" (он стал им после расстрела Берия и низложения Маленкова). А положения "первого среди неравных" он достиг благодаря разоблачению культа Сталина (опять-таки в жестоких столкновениях со своими коллегами по Политбюро, с бывшими сподвижниками, приведшими его к власти: Маленковым, Молотовым и Кагановичем).

"Гениальным" Хрущеву не суждено было стать, хотя он и претендовал на звание "корифея всех практик" — сельскохозяйственного переустройства, партийного строительства, государственного управления и т.д. Достичь "гениальности" ему помешали непостоянство, незадачливость, беспечность, импровизации, чрезмерная болтливость. И — вероломство. При Хрущеве государство было полностью вышиблено из стабильности — были заменены все секретари ЦК, все секретари республиканских партийных комитетов, крайкомов, обкомов, большинство министров. И за это Хрущев был наказан аппаратчиками — смещен со всех постов и отправлен на пенсию.

Брежнев не был честолюбив. Избранный по милости Суслова (предпочитавшего оставаться всю жизнь тем вторым секретарем ЦК, который управляет первым), он не рвался быть "первым среди неравных" — по крайней мере, в начале правления. Но точно так же, как Суслову не удалось управлять Генсеком (Суслов был оттеснен в ЦК сначала на вторые роли, а затем,

уступив Кириленко, и на третьи), так и Брежневу не удалось бы оставаться долго "просто Генсеком". Выбор у него был ограниченный: или стать "первым среди неравных", или перестать быть первым вообще. И Брежнев начинает в 70-е годы новое восхождение, сняв Подгорного и приблизив к себе чиновников, известных ему по совместной работе на Украине, в Молдавии, в Казахстане — бесцветных, безликих, без корней в Москве, без прочных связей в партийном аппарате — Черненко, Тихонова, Кунаева и других. На этом, возможно, политические амбиции Брежнева и удовлетворились бы, если бы не эти новые его помощники, решившие в тени Брежнева прибрать к рукам все рычаги власти в стране, оттеснив и Кириленко, и Суслова. Для этого им необходимо было сделать Брежнева богом, чтобы самим стать его пророками. И они — а с ними и остальные (чтобы не впасть в немилость) — начали одаривать впадающего в старческий маразм Генсека всеми возможными должностями, премиями, званиями. Гения из Брежнева не получилось... По количеству наград он, пожалуй, превысил всех правителей СССР, вместе взятых, но в авторитете и признании уступал каждому из них, даже свергнутому им Хрущеву, легкомысленному Никите, человеку красочного и динамичного характера, обладавшему интуицией незаурядного политика и деловитостью практика. Брежнев же все восемнадцать лет своего правления оставался орудием воли других.

Вряд ли эти "другие", утрачивая со смертью Брежнева влияние и силу, захотят примириться с печальной ролью персонажей спектакля, сошедшего (или снимаемого) с советской политической сцены. И потому Андропову не удастся уклониться от необходимости борьбы за власть — по описанному выше сценарию. "Первым среди равных" он уже стал, но чтобы стать "гениальным", ему может не хватить времени. У Андропова, который приближается к семидесятилетию, в резерве остается каких-нибудь пять, может быть — во-

семь лет активной политической деятельности. Между тем, путь в "гении" занял у Ленина 15 лет, у Сталина — 20, Хрущеву и Брежневу не хватило для этого всей жизни. Достанет ли у Андропова мужества и энергии, воли и настойчивости, чтобы оставить ощутимый след в советской истории? Для этого ему прежде всего необходимо стать "первым среди неравных".

ПУТЬ К ВЛАСТИ

Либерал по-советски — это тот, кто говорит о своем недовольстве системой, а на самом деле выражает недовольство своим местом в системе.

ПУТЬ К ВЛАСТИ

Если перелистать все, что пишут об Андропове толкователи его личности (число которых за последние месяцы стало огромным), то перед нами предстанут десятки различных существ с общими внешними чертами: седовласый, слегка сутулый мужчина преклонного возраста, в очках, неизменно изысканно одетый, — и с различными внутренними мирами: лицемерный, коварный, безжалостный и циничный политик; блестящий мастер борьбы за власть и тонкий знаток партийной интриги; склонный к реформам прагматик, не несущий ответственности за уродство системы, породившей его; сильный, рассудительный человек, знающий, чего он хочет; обаятельный собеседник, свободно владеющий английским и немецким, поклонник (и тайный покровитель!) абстрактного искусства, верный почитатель цыганских романсов, французских вин и шотландского виски. /1/

Каков же все-таки подлинный Андропов?

Коммунистический деятель новой формации, серьезный, энергичный, твердый интеллектуал, умело разбирающийся в современной политике?

Или типичный партаппаратчик в необычной для кремлевского лидера упаковке интеллигента: холодный, черствый и надменный карьерист, равнодушный ко всему, что не имеет отношения к его интересам?

По-видимому — и то, и другое.

Именно многомерность Андропова, богатство его личности, а может быть — разнообразие его социальных масок — позволили ему выиграть место лидера на политических подмостках Кремля, освободившееся после смерти Брежнева.

Андропов, с одной стороны — продукт советской системы, с другой — один из творцов ее современного облика. Так что оценивать его личность следует не по аналогии с лидерами Запада, а в контексте коммунистической действительности. В ней — и через нее — можно найти понимание его противоречивого характера и незаурядной натуры. Он несомненно умен, образован, хорошо — по советским понятиям, конечно — воспитан. В этом смысле он не является исключением среди нынешних партийных работников. Во втором эшелоне власти в Кремле — среди многочисленных советников и помощников Генерального секретаря, заместителей и заведующих отделами ЦК КПСС, главных редакторов партийных газет и журналов, — таких, как он, — большинство: эрудированных, с солидной академической подготовкой, со знанием языков, основательно разбирающихся в современных политических проблемах и неоднократно бывавших на Западе. Они — не профессиональные партийные работники, а ученые (главным образом, историки и философы, пришедшие в ЦК КПСС из институтов Академии наук) или парт-аппаратчики новой формации, прошедшие ряд лет на дипломатической работе или в университетах, где обзавелись степенями и званиями.

Сталин эксплуатировал ум и знания ученых, щедро одаривал их премиями и дачами (Митин, Юдин), но к активной деятельности в аппарате ЦК КПСС не допускал. Хрущев, хоть и открыл перед учеными мир большого политического бизнеса в ЦК (Румянцев, Константинов, Францев), но относился к ним с недоверием. Брежнев был щедрее — членами ЦК стали его советники, профессора и академики Егоров, Афанасьев, Арба-

тов, Иноземцев. Однако Брежнев полностью полагался только на "социально близких". Именно их, бесталанных, без глубоких систематических знаний, но искусственных в партийных интригах и лично преданных ему, он ввел в Секретариат и Политбюро ЦК КПСС, завещая им свое наследство.

И лишь с приходом к власти Андропова у "второго эшелона" появилась возможность выдвинуться на верхушку партийной иерархии. Выдвигнутся ли они? Решение этого вопроса зависит от того, как будет складываться социальная основа власти Андропова. Во всяком случае, "академики" из ЦК, более утонченные и интеллектуальные, чем полуграмотные соратники Брежнева, но не менее развращенные режимом, — к его услугам.

Вернемся, однако, к Андропову. Его образованность несомненна. Он способен произносить пространственные речи, умеет играть словами, находить нужные, политически яркие образы и сравнения, обладает опытом лести в общении с нужными людьми, способен, разгадав поведение противника, плести хитроумные сети интриг — словом, искусен в тонкостях советской партийной работы.

В то же время в Андропове заложены качества, присущие в той или иной степени любому советскому человеку: конформизм, двоемыслие. Он обладает истинно советским стереотипом сознания: материалистической ограниченностью мышления, детерминизмом восприятия, вне которых теряет способность понимать действительность; у него истинно "коллективистское" мироощущение, которое проявляется в боязни выпасть из "толпы", оказаться вне "общего потока". Андропов старается расположить людей в свою пользу, внушить им уважение и доверие к себе. Но там, где необходимо, он проявляет твердость, жестокость и решительность, умеет заставить бояться себя, не внушая ненависти. Он готов пренебречь собственными обещаниями, как только оказывается, что причи-

ны и мотивы, побудившие их дать, исчезли или устранены.

Не будь Андропов целиком продуктом советской психологии, могло бы создаться впечатление, что он воспитан на макиавеллианской морали: "Государь не должен бояться осуждения за те поступки, без которых невозможно сохранение за собой верховной власти... Государь не должен быть великодушно щедрым... Государь не должен бояться прослыть жестоким". /2/ Однако в действительности нравственные принципы и политические ценности Андропова вполне укладываются в рамки его эпохи и жизненного опыта. Что же это за опыт?

Андропов родился в состоятельной и благополучной семье железнодорожного служащего, далекого от понимания неотвратимости надвигающихся революционных перемен, которые взорвали жизнь России в октябре 1917 г.

Дом родителей Андропова быстро заселили обитателями подвалов и фабричных казарм. Новый отсчет времени для Юрия Андропова начался с физического труда, особенно тяжелого с непривычки. Он разгружал вагоны, таскал уголь, чистил снег на улицах. Но Андропов не хотел быть "бывшим" (к категории "бывших" революция причисляла не только богатые сословия дворян и буржуа, но всех, кто был до революции более или менее состоятельным — в том числе и родителей Андропова) и, едва окончив школу, оставил родительский дом. Он был рабочим, матросом, пока, наконец, не решил вступить в комсомол. В этот момент в судьбе Андропова происходит важная перемена. Вскоре его назначают освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта. Перед ним открывается возможность получить образование. Закончив техникум, он успешно делает карьеру. В 1937 году он — комсорг судоверфи в городе Рыбинске. Это уже номенклатура и, попав в нее, он, инициативный, динамичный, точно улавливающий конъюнктуру, быст-

ро продвигается по ступенькам партийной иерархии. 1938 год на гребнях последних волн "большого террора" "выплескивает" его в первые секретари обкома комсомола в Ярославле. Здесь он работает под началом Патоличева — тогда первого секретаря обкома, впоследствии — министра внешней торговли СССР. А где-то между 1939—40-м годами происходит встреча с Куусиненом, в значительной степени предопределившая всю последующую судьбу Андропова. Куусинен, один из секретарей Коминтерна, кандидат в премьеры коммунистической Финляндии (готовилась финская кампания, и в Москве намечалось присоединение Финляндии к СССР по успешно апробированной модели советизации Прибалтики), подыскивал себе помощников для работы в Хельсинки. Коммунистическая Финляндия не состоялась. Но Куусинен, назначенный президентом новой, Карело-Финской советской республики, скроенной из лоскутков, оторванных у Финляндии и Карелии, не забыл Андропова: летом 1940 года он пригласил его в Петрозаводск и назначил первым секретарем республиканского комсомола.

Куусинен — современник Ленина, долгие годы живший за границей, был выдающимся приспособленцем, даже по советским меркам. Он уцелел в чистках, хотя Сталин отправил в лагеря его жену, сына и ближайших друзей. Он отрекся от сына, когда тот умирал в лагере от туберкулеза. Уцелел он и после финской кампании, хотя его идея создать в Териоках Финское Демократическое правительство, которое "пригласит" в Финляндию советские войска, позорно провалилась. Куусинен оказал значительное влияние на становление личности Андропова; у него Андропов учился европейским манерам, он раскрыл перед Андроповым секреты партийной службы, он убедил его изучать немецкий и английский языки (знание которых вскоре оказалось очень кстати: сперва на Севере, когда Андропову пришлось встречаться с экипажами американских и английских морских конвоев, привозивших в Мурманск

вооружение и продовольствие для советской армии, а позднее, уже после войны, — на дипломатической работе).

Меньше года работал Андропов со своим патроном: с начала второй мировой войны Куусинен уезжает в Москву, а Андропов уходит в подполье для участия в партизанском движении. Но после освобождения Карелии Куусинен и Андропов вновь встречаются в Петрозаводске, Куусинен — в надежде на советских штыках возвратиться в Финляндию, а Андропов — в качестве второго партийного секретаря города. Финляндии еще раз удалось выскользнуть из смертельных объятий Москвы и сохранить независимость, и Сталин теряет интерес к Куусинену, — влияние его в партийном аппарате падает и о нем забывают в Москве. Бывшие соратники Куусинена, недавно раболепствовавшие и угодливо заискивавшие перед ним, спешат от него отдалиться. Андропов, однако, сохраняет добрые отношения с бывшим шефом, хотя, как и другие, ищет и находит новых покровителей. Сулов представляет его Маленкову, и в 1948 году Андропов уже второй секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР.

Второй секретарь ЦК союзной республики — это в сущности наместник Москвы: в его руках кадры, армия, служба безопасности, под его контролем — первый секретарь ЦК и — косвенно — культура и идеология. Несмотря на неопытность и молодость, Андропов хорошо справляется с новыми обязанностями, обходит опасные рифы послевоенной партийной чистки, принимает участие в кампании борьбы с "космополитами" и "перерожденцами" и в 1951 году его "забирают" в ЦК КПСС.

К этому времени Андропов закончил университет в Петрозаводске и заочно Высшую партийную школу в Москве. Не прошло и года, как он идет на повышение: из инспектора по кадрам становится завсектором ЦК, а в декабре 1952 года, после 19-го съезда партии, он уже — начальник подотдела ЦК КПСС.

В советских кругах разворачивается драматическая борьба, происходят перетряски, снятия, аресты в партии и армии, но перед Андроповым, обласканным Маленковым, открываются блестящие перспективы.

И вдруг — смерть Сталина. Перетасовка кадров Хрущевым — и Андропов оказывается вне партийного аппарата. Его назначают заместителем заведующего четвертым отделом МИДа, который курирует восточно-европейские страны. По советским понятиям переход с партийной на дипломатическую работу — понижение, а тем более — с места Андропова: оно, как минимум, "обменивалось" на должность заместителя министра.

Но в партийном аппарате у Андропова остаются друзья — Сулов и Пономарев. Они не забывают Андропова, и вскоре, в конце 1953 года, в жизни Андропова происходит новый зигзаг — на этот раз его посылают в Венгрию советником советского посольства. А спустя некоторое время назначают там же послом.

По существу, посол в коммунистической стране — та же партийная работа, но в особых условиях. Именно в этих условиях таилась для Андропова определенная опасность. Все советские послы в коммунистических странах должны были быть представлены в Центральном Комитете, и Андропова кооптируют в ЦК — сперва как члена ревизионной комиссии, затем — как кандидата. Как кандидат в члены ЦК КПСС, он является в Будапеште не столько "человеком" Министерства иностранных дел, сколько партийным аппаратчиком и обязан отчитываться, главным образом, перед Центральным Комитетом. А это создавало угрозу трений с МИДом. Но Андропов сумел проявить на незнакомом поприще недюжинное и не столько профессионально приобретенное, сколько прирожденное — дипломатическое дарование. Он не давал почувствовать своему непосредственному начальнику — Громыко — свою независимость: ни тогда, когда был послом, ни позже, когда был назначен заведующим отделом ЦК и стал

полноправным членом Центрального Комитета, формально сравнявшись с министром по статусу.

Обязанности советского посла в коммунистической стране многообразны и противоречивы: с одной стороны, он представляет партию, с другой — МИД, с третьей — КГБ. Удобный путь сделать карьеру — выбрать одну из этих могучих организаций и опереться на нее. Выгоднее всего, конечно, опираться на партию. Тогда можно сразу начать плести сложную сеть интриг: посылать, минуя МИД и КГБ, в Секретариат ЦК (а если есть влиятельный покровитель, каковым у Андропова был — Куусинен, то непосредственно в Политбюро) отчеты с обзором положения в стране, в которой работаешь, и с анализом, а попутно — с ненавязчивой критикой действий МИДа или КГБ. Такие усилия, как правило, не остаются незамеченными. И спустя некоторое время удачливого посла назначают генеральным директором Министерства иностранных дел или даже заместителем министра — так, например, сделал карьеру замминистра Фирюбин — посол в Югославии. Путь соблазнительный, но рискованный. Если министр иностранных дел в силе и почете, посла могут отозвать в Москву и назначить на малозначительный пост. И хорошо еще, если в МИДе, а то сошлют в "глубинку" России районным или городским секретарем до самой пенсии! И здесь могут оказаться бессильными самые высокие покровители: они отступятся от посла, если их интересы или расстановка сил в ЦК подскажут им не противодействовать министру. Больше того, незадачливый посол своим падением сослужит им добрую службу — его кровью, ценой его головы они завоюют расположение и благосклонность МИДа, что (при всей их значительности) не помешает: даже у самых влиятельных есть дети, которых совсем неплохо пристроить на дипломатическую работу.

Андропов не пошел по этому пути. Имея отличные связи в Центральном Комитете, он неизменно подчеркивал свою лояльность и к Громыко. И не проиграл:

спустя почти 30 лет Громыко вспомнит об этом и поддержит Андропова в его притязаниях на власть в Кремле. И эта поддержка окажется решающей в борьбе за наследство Брежнева.

В ЦК КПСС Андропов посылал отчеты, всегда доброжелательные по отношению к Громыко и его сотрудникам. Даже когда готовились специальные конфиденциальные доклады для международного отдела ЦК, Андропов и тогда находил возможность посоветоваться с Громыко. Старался он сделать его сопричастным и к своим сообщениям в КГБ.

В результате все три ведомства — ЦК КПСС, МИД и КГБ — были довольны Андроповым. И даже когда в Венгрии вспыхнула революция, в Москве — ни в ЦК, ни в МИДе, ни в КГБ — не пытались свалить вину на посла, как это принято в Советском Союзе. Андропов оказался удобным и для КГБ, и для МИДа. Перед лицом неизбежного разноса за венгерский провал, МИД и КГБ, вообще-то постоянно конкурирующие друг с другом, на сей раз проявили единодушие и поддержали деятельность Андропова в Будапеште. Андропов, со своей стороны, верный принципу "быть хорошим для всех", отводил удар от КГБ и МИДа, убеждая ЦК в том, что вся вина за брожение в Венгрии лежит... на Сталине, который допустил серьезные ошибки при выборе и расстановке руководителей Венгрии и в предложенных им методах управления. Такая интерпретация венгерских событий была удобной и выгодной для Хрущева — она снимала с него ответственность за восстание в Будапеште, которую стремились возложить на него Маленков и Молотов, считавшие начатую Хрущевым десталинизацию началом распада советской империи.

С первых своих шагов в Венгрии Андропов оказался в благожелательном фокусе ЦК, КГБ и МИДа — его приглашают в Москву для консультаций, встречи с ним ждут, чтобы узнать новости из первых рук, высокопоставленные работники Министерства обороны и

Совета Министров, его доклад заслушивают — высокая честь для посла — на специальном заседании Политбюро. Манипулируя КГБ и МИДом, апеллируя к ЦК, Андропов постепенно получает в Будапеште полную свободу действий — явление небывалое для советского посла ни до, ни после этого. Тогда-то Андропов дает выход своему тщеславию — начинает одеваться у лучших портных Будапешта, посещает дорогие рестораны, устраивает в посольстве вечера и приемы с французскими винами, с шотландским виски, с цыганским ансамблем (взятым напрокат у будапештской полиции) .

Он ведет себя раскованно и независимо: охотно музицирует, проникновенно и с чувством — так во всяком случае, тогда казалось — поет венгерские народные песни (особенно часто — балладу о журавле, который оставляет свою любимую и улетает в чужие края) . /3/

При всем этом образ жизни Андропова был полностью в рамках той социальной роли, вернее — тех ролей, которые отводились ему КГБ, МИДом и ЦК. В соответствии с установкой КГБ он часто посещал европейские посольства, позволял себе там многозначительные высказывания, в которых, при желании, — а оно всегда есть у западных дипломатов, — можно было усмотреть признаки независимости мышления и либеральных взглядов. Об одном из таких высказываний вспоминает австрийский дипломат Вальтер Пайнсип: "Вот я коммунист, — как-то сказал ему Андропов, — а вы представляете противоположную точку зрения, но это не мешает нам понимать друг друга". Заявление явно необычное для советского официального представителя. Но Андропов продолжал: "Каждый человек имеет убеждения — должен их иметь. Без них человек ничего не значит. Было бы прекрасно и просто, если бы все люди на земле имели одни и те же взгляды..." Тут Андропов сделал паузу и закончил доверительно, слегка понизив голос, словно не желая быть подслушанным: "Но поверьте мне, это было бы скучно..." /4/

И Вальтер Пайнсип ему поверил.

Со своей стороны ЦК требовало от Андропова сблизиться с новыми венгерскими руководителями. Здесь пропуском ему служили декларируемая им терпимость, показная демократичность и... улыбка. Вот сразу же после заявления Имре Надя о желании вывести Венгрию из Варшавского пакта, Андропов посылает венгерскому премьеру ноту протеста, но... по поводу "проникновения хулиганов на территорию советского посольства". В атмосфере гнетущей напряженности, ожидая подвоха, венгерское правительство спешно снаряжает на встречу с советским послом Бела Кирали, командира венгерских повстанцев. В посольстве Кирали встречает тишина и... улыбающийся Андропов. За спиной советского посла полукругом стояли работники посольства. Андропов, все так же улыбаясь, мягко объяснил, что протест — недоразумение. Хулиганов вообще-то не было, — просто старые женщины зашли погреться в посольстве. Андропов кажется даже смущенным. Он заверяет Кирали, что завтра, самое позднее — послезавтра начнутся переговоры (которые он, Андропов, уполномочен вести с правительством Имре Надя) о выводе советских войск из Венгрии. Кирали пристально смотрит на посла. Ему кажется, Андропов искренен. На следующий день 3 ноября 1956 года — действительно подписывается соглашение о выводе советских войск. А еще через день начинается советское вторжение в Венгрию.

Впечатление, что Андропову можно верить, в Венгрии в те дни складывалось у многих. Шандор Копачи, шеф будапештской полиции, в последний раз видел Андропова, когда по пути в югославское посольство был арестован советским патрулем. Андропов приветствовал своего собутыльника (в прошлом они часто встречались за стаканом старого бургундского вина, слушая и распевая песни) и сообщил, что Янош Кадар формирует правительство и хочет его видеть. Но встреча с Кадаром не состоялась. Копачи в посольстве был

арестован. "Я увидел Андропова, стоящего на лестнице и улыбающегося своей знаменитой добродушной улыбкой... Но при этом казалось, что за стеклами его очков разгорается пламя. Сразу становилось ясно, что он может, улыбаясь, убить вас, — это ему ничего не стоит". /5/

МИД возложил на Андропова особо трудную миссию: важно было убедить общественность Запада, что и в условиях оккупации Венгрии с Москвой можно сотрудничать. Верно, советские танки утюжат мостовые Будапешта, расстреливая восставших, идут повальные аресты сторонников Имре Надя. Но ведь в СССР, кроме маршала Конева и Хрущева, еще остаются такие милые, обходительные люди, как Андропов, — должны были думать (и думали) в Будапеште. Встречаясь с венгерскими руководителями, уже арестованными или подлежащими аресту, Андропов понимающе и ласково смотрел на них, как бы молчаливо говоря: "Как коммунист, я понимаю необходимость насилия, но, как человек, не могу его не осуждать".

Финалом "миротворческих" усилий Андропова в Будапеште были переговоры о выводе советских войск из Венгрии — они открылись 3 ноября 1956 г. в небольшом поселке Токал на острове Чепель. В полночь в комнату, где велись переговоры, вошел шеф КГБ генерал Иван Серов. Венгерская делегация была арестована. Ее руководитель, министр обороны революционного венгерского правительства Пол Малетер был расстрелян.

Лучезарно улыбаясь свои будущим жертвам, Андропов широко открыл "двери" Венгрии перед советской армией, а советская армия, подавив восстание в Венгрии, открыла перед Андроповым "двери" Москвы. Хрущев оценил усердие и усилия Андропова по усмирению непокорных мадьяр, и в мае 1957 года назначил его заведующим вновь созданного в Центральном Комитете Отдела Социалистических стран.

В Москве Андропов снова встретил Куусинена, ко-

того (по упразднении созданной Сталиным опереточной Карело-Финской республики) Хрущев сделал членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС, — чтобы уравновесить влияние Суслова в области идеологии и внешней политики.

Куусинен умер незадолго до начала эры Брежнева. Но за годы, проведенные в Центральном Комитете, он успел сделать многое. Единственный в Политбюро представитель “революционного поколения”, уцелевший в сталинских репрессиях, он помог Гомулке укрепиться у власти в Польше и поддержал Кадара в эволюционном процессе реформирования венгерской экономики. “Умеренные” взгляды Куусинена проявились и в назначении наиболее последовательного сторонника десталинизации профессора Бурлацкого заведующим группой консультантов Центрального Комитета. Под руководством и защитой Куусинена Андропов создает в своем Отделе новую систему связи с коммунистическими партиями советского блока — более терпимую и либеральную. Он принимает участие в переговорах с Китаем, посещает Чехословакию, Польшу, Болгарию, Румынию, ездит в Монголию, Корею, Северный Вьетнам.

Десятилетие между 1957—1967 годами было сложным, но Андропов успешно преодолел все его подводные камни. Он с легкостью и без особых сожалений отказывается от пропаганды в ЦК опыта экономических реформ в Польше и Венгрии, как только выясняется, что Хрущев потерял к ним интерес. А едва в аппарате вновь усилились позиции Суслова, этого сторонника жесткого курса, Андропов спешит забрать у восточноевропейских компартий даже ту небольшую автономию, которую им предоставил Куусинен.

Андропов, который никогда не выдвигал и не отстаивал собственных идеологических позиций, показал себя блестящим интерпретатором взглядов начальства, талантливейшим выразителем политической конъюнктуры. Был спрос на либерализм — и не было в аппара-

те ЦК более страстного поборника послаблений; изменился социальный заказ, в партийной моде оказалось бюрократическое администрирование, — и Андропов уже в первых рядах сторонников централизации. Он умел оставаться желанным слугой всех господ, и они, враждуя между собой, неизменно благоволили к нему: в 1961 году его избирают членом Центрального Комитета, а в 1962 году — секретарем.

Со смертью Куусинена созданная им группа советников переходит к Андропову. Но Хрущев, сосредоточив в своих руках всю власть, не испытывает более необходимости в советниках и советах. И Андропов спешит заменить яркого, самостоятельно мыслящего Бурлацкого серым, но угодливым Арбатовым. Он вполне устраивает Хрущева, удобнее и спокойнее с ним и Андропову.

Только один человек в советском руководстве мог бы оспаривать у Андропова рекорд в приспособленчестве — Анастас Микоян. Но Микоян не смог достаточно быстро перестроиться с приходом в Кремль нового Генсека — Брежнева — и впал у него в немилость. Андропов же с этой задачей справился настолько успешно, что Брежнев решил воспользоваться его услугами, чтобы избавиться от Шелепина и Шелеста — соратников по Политбюро, недавно приведших его к власти. Но именно тогда расположение хозяина, так надежно и верно служившее Андропову в его благополучной карьере, едва не навлекло на него катастрофу.

Это произошло в мае 1967 года.

Тот злополучный год был ознаменован катастрофическими провалами советской разведки, распадом коммунистической агентурной сети в Средиземноморье — в Греции, Италии, Франции — и массовыми арестами советских шпионов: более ста чекистов и дипломатов были высланы из Англии. Всею виной было необузданное тщеславие Шелепина и его креатуры — шефа КГБ Семичастного: они решили любой ценой вернуть в СССР дочь Сталина Светлану Аллилуеву, попросившую

незадолго до этого политическое убежище в США. По ее следу были отправлены лучшие сотрудники КГБ, а по их следу пошла американская разведка. Ловушка стоила Советскому Союзу крупного международного скандала, а Семичастному — места.

Не исключено, что снятию Семичастного предшествовала попытка чекистского путча, подавленная отборными армейскими частями Московского гарнизона. В 1967 году Верховный Совет СССР вручил ордена и медали большой группе военнослужащих Кантемировской танковой дивизии без указания причин. Награждения последовали за кратким сообщением в прессе о внезапной смерти пятнадцати высших офицеров КГБ, среди них двух генералов, один из которых был начальником третьего управления КГБ.

У Брежнева появилась возможность вырвать из рук откровенно честолюбивого Шелепина аппарат КГБ, опираясь на который, Шелепин мог когда-нибудь попытаться придти к власти. Для этого нужно было назначить председателем КГБ своего человека. И выбор Брежнева пал на Андропова. Брежнев не мог быть уверенным ни в Секретариате ЦК, ни тем более в Политбюро: каждому там он был обязан своим избранием Генсеком. Каждому, кроме одного — Андропова.

Впрочем, и на Андропова он не мог полагаться до конца — Генсек ЦК КПСС полагаться до конца может только на Генсека ЦК КПСС. Вот почему, приняв решение назначить Андропова председателем КГБ, Брежнев одновременно приставляет к Андропову в качестве первого заместителя своего родственника — Семена Цвигуна*, прекрасно при этом понимая, что у того нет достаточного опыта. Цвигун лишь недавно был назначен (по рекомендации того же Брежнева) председателем

* В будущем Брежнев "обложит" Андропова — для надежности — еще двумя заместителями: Виктором Чебриковым в 1968 году и Георгием Циневым в 1970 году, попавшими в столицу из рядов брежневской "днепропетровской мафии".

лем республиканской службы безопасности в Азербайджане. Не соответствовал он новой должности и званием, поскольку был всего-навсего генерал-майором. Но другого "своего человека" у Брежнева не было; и вот Цвигун, перескочив очередное звание, сразу становится генерал-полковником и заместителем шефа КГБ. Брежнев не ошибся — Цвигун оставался верным ему до конца и служил "не на жизнь, а на смерть" в буквальном смысле.

Вернемся, однако, к Андропову. Назначение Председателем КГБ виделось ему, надо думать, "началом конца" карьеры, тупиком, из которого нет выхода в коридоры власти — в партийный аппарат, где должен был решаться (и решиться без него!) вопрос о наследнике Брежнева. Андропов был тринадцатым по счету руководителем государственной безопасности — пятеро его предшественников были казнены (Ежов, Ягода, Меркулов, Абакумов, Берия), один застрелился (Серов), все остальные или умерли "при исполнении служебных обязанностей" (возможно, не без "дружеской" помощи), или впали в немилость.

Андропов всегда был примерным коммунистом. Он помнил слова Ленина: "Без государственной безопасности советская власть существовать не может". И еще: "Каждый коммунист должен быть хорошим чекистом". /6/ Однако со времен Ленина аппарат государственной безопасности претерпел серьезные изменения: он был открыто обвинен Хрущевым в чудовищных преступлениях, его слава всемогущей и всезнающей организации слиняла и поблекла настолько, что к 1967 году, к моменту прихода Андропова в КГБ, ни один кадровый чекист не был представлен в Центральном Комитете. Предшественник Андропова Семичастный — профессиональный партийный работник, в прошлом возглавлявший Комсомол, — был всего лишь кандидатом в члены ЦК КПСС. Был не только подорван престиж, но и общественный статус Государственной безопасности: из важнейшего национального управле-

ния при Ленине, из всемогущего министерства, стоящего над партией при Сталине, она при Хрущеве была низведена до положения обычного Комитета, находящегося под двойной системой контроля — партийного и государственного.

Вместе с тем Андропову было очевидно, что советское полицейское государство не может эффективно функционировать без надежного, хорошо отлаженного и четко организованного аппарата полицейского насилия. Восстановление престижа и статуса госбезопасности было, следовательно, необходимо для выживания режима. А одновременно оно открывало самому Андропову новый — обходный путь продолжения партийной карьеры. Свое "изгнание" в КГБ Андропов обратил себе на пользу. Принимая предложение Брежнева возглавить государственную безопасность, Андропов, надо полагать, сразу же оговорил необходимость реабилитации политической полиции. А чтобы создать в обществе соответствующую психологическую атмосферу, он предложил прежде всего "поднять авторитет" ее руководителя. Идея была принята — и Андропов становится кандидатом в члены Политбюро. Не исключено, что Брежнев не пришлось даже уговаривать — он и сам стремился одарить Андропова, ибо исполненный благодарности шеф КГБ лучше, чем шеф, затаивший обиду. Кроме того, вводя Андропова в Политбюро, Брежнев тем самым привязывал его к себе, а значит — делал КГБ зависимым от партийной машины.

Андропов полагал, по-видимому, иначе. КГБ, руководимый пусть пока не членом, а лишь кандидатом в члены Политбюро, из инструмента власти превращался в орган власти с возможностью — в перспективе — стать ее соучастником и совладельцем.

Реализация этой перспективы вновь вводила бы Андропова в игру за политическую власть в Кремле. И Андропов, как человек действия, стал настойчиво и упорно трудиться для достижения этого.

Начинал он с рекламы. "Товар КГБ" необходимо

было прежде всего эффективно и броско преподнести. Приоткрываются, значительно препарированные, кое-какие тайны архивов государственной безопасности. Средства массовой информации обрушивают на пораженного обывателя рассказы о фантастических подвигах чекистов. В общественное обращение запущены и традиционные, "вечно живые" герои, и новые — времен второй мировой войны и наших дней. Пропаганда ставится основательно: в Союзе Советских Писателей создается специальная "военно-патриотическая" секция — ее курирует КГБ. КГБ же (совместно с советской милицией — для солидности) предлагает особые денежные премии за лучший очерк, репортаж, рассказ, повесть, роман о чекистах (конечно же бесстрашных, мужественных и обязательно чутких, внимательных, заботливых). И жаждающая наград и денег услужливая пишущая братия, от именитых писателей до начинающих, бросается выполнять партийный заказ. Идеологический рынок заполнили тысячи книг, сотни фильмов о подвигах сексотов "плаща и кинжала" (точнее "щита и меча" — этого символа КГБ).

С одобрения Андропова в работу "впрягаются" и сотрудники самого КГБ во главе с Цвигуном (который вскоре станет генералом армии). Они пекут фолианты воспоминаний и автобиографий.

Мертвые чекисты помогали живым очищать КГБ в общественном сознании от "кровавых наветов" Хрущева, и нынешние гебисты вновь представляли перед народом "рыцарями революции" с "чистыми руками, холодным разумом и горячим сердцем" (Дзержинский).

Такова была прелюдия выхода КГБ на партийную сцену. За ней последовали более серьезные действия.

Андропов выводит государственную безопасность из-под контроля советских министров. Она становится подотчетной непосредственно Политбюро, а вскоре, с избранием Андропова полным членом Политбюро — только Генеральному секретарю, — честь, которой до

этого были удостоены всего два министерства: иностранных дел и обороны.

Государственная безопасность возвращается "наравных" в состав советской руководящей иерархии: из Комитета при Совете Министров она превращается в Комитет Совета Министров, то есть в организацию с правами министерства, как в "добрые" сталинские времена.

Постепенно Андропов добился своего. Статус КГБ был восстановлен. Сотрудники безопасности вновь стали надежными, самыми надежными "сынами партии". При Хрущеве политическую полицию стремились держать на определенной дистанции от руководящих органов, теперь заместителей Андропова, в первую очередь, конечно, Цвигуна, вводят в состав Центрального Комитета. Но суть успеха Андропова — даже не в изменении общественного статуса и социального престижа тайной полиции. Он достиг неизмеримо большего. При нем служба безопасности становится каркасом государства, тем главным человеческим резервуаром, из которого перекачиваются в партийный аппарат новые кадры, а руководители этой службы, генералы КГБ Г.Алиев, Э.Шеварднадзе, П.Гричкявичус становятся первыми секретарями республиканских Центральных Комитетов.

Андропов стал председателем КГБ в трудное для советского правительства время. Суд над писателями Синявским и Даниэлем за публикации на Западе своих произведений вызвал в мире столь мощную волну осуждения и протеста, что поставил под угрозу расширение экономических и политических связей СССР со свободными странами. Поначалу сила традиции еще довлела над Андроповым, и по его указанию инсценировались громкие процессы — суд над Якиром и Красиным проходил по сталинскому сценарию, с отречением и самобичеванием, за ним последовало другое судебное действие с публичным осуждением — "самолетное дело" в Ленинграде. Однако с точки зрения интере-

сов режима эти судебные спектакли оказались ошибочными и свидетельствовали, скорее, о просчетах Андропова.

Тогда Андропов перешел к иной тактике: вместо открытых судебных разбирательств началось "тихое" заточение оппозиционеров в психушки. /7/ В ответ в Москве, а затем и на Украине, в Прибалтике, в Грузии, в Армении возникло движение противодействия режиму: группы защиты прав человека, по расследованию злоупотреблений в психиатрических больницах, по защите этнических меньшинств, по защите верующих и другие.

В конформистском фасаде общества образовались глубокие трещины — евреи и немцы вышли на демонстрации, заявляя о своей решимости покинуть страну, диссидентское брожение и стремление к эмиграции захлестнуло страну.

Для полной ликвидации брожения необходимо было, казалось, обратиться к тотальному террору, от которого правящему классу — советской партократии — с трудом удалось освободиться после Сталина. На это никто, даже Андропов, не мог решиться, ибо тотальный террор угрожал безопасности самой партийной номенклатуры. Не видя способа расправиться с национальным и правозащитным движениями, Андропов решил положить конец их публичным проявлениям. И ему действительно удалось — без лишнего шума, без применения тотальных средств подавления и общественных потрясений — относительно быстро, меньше, чем за 15 лет, и как-то совершенно незаметно для самих инакомыслящих рассовать их по углам огромной российской империи: сослать на принудительные работы, осудить за инспирированные самим КГБ преступления, отправить в ссылку или, лишив советского гражданства, — в изгнание. К концу 1980 года большинство групп духовного сопротивления было уничтожено или парализовано. И при всем этом Андропов ухитрился прослыть чуть ли не либералом! Воистину, велик

страх перед КГБ и на Западе, и в СССР, если Андропову ставили в заслугу, что Солженицына и Сахарова не арестовали, а Кузнецова и Дымшица не расстреляли. В общественном сознании Андропов избежал репутации палача. Ведь применяемые при нем методы: заточение оппозиционеров в психиатрические больницы, лишение инакомыслящих гражданских прав и средств к существованию — в советском понимании все-таки выглядели лучше, чем массовые репрессии и расстрелы времен Ежова и Берия. Впрочем, советская машина насилия при Андропове сохранилась в неприкосновенности; в СССР это понимают и в заслугу Андропову ставят только то, что при нем она работает не на полную мощность. Во всяком случае, Андропов действительно старался не пачкать рук "без нужды". И если представлялось возможным, всегда пытался прослыть "великодушным" и чуть ли не "гуманным". Над созданием такого представления о нем усердно работал специальный штаб в КГБ.

Когда однажды ночью к нему в подпитии позвонил Евтушенко и стал упрекать за высылку из страны Солженицына ("Как Вы могли лишить страну такого таланта?"), Андропов снисходительно посоветовал поэту выспаться... и позвонить еще раз. /8/ Потом в Москве рассказывали: "Представляете, не было даже окрика, угроз. А ведь захотел бы — мог бы посадить!" Мог посадить — верно, но если требовалось, мог быть гибким и осмотрительным.

П. Григоренко свидетельствует: "В 1967 году представителей крымских татар, изгнанных со своих земель в Крыму еще Сталиным, пригласили в Москву для встречи с ответственным партийным руководством. В Центральном Комитете делегацию ждал сюрприз: ее принимали главные полицейские страны — председатель КГБ Андропов, министр внутренних дел Щелоков, Генеральный прокурор Руденко.

Татары сразу же задали Андропову вопрос: "В каком качестве вы лично участвуете в комиссии — как

кандидат в члены Политбюро или как председатель КГБ?” Андропов пытался уйти от ответа: “А разве это не все равно? Все мы трое — члены ЦК партии и каждый, кроме того, занимает определенное служебное положение”. — “Нет, не все равно. Если вы здесь, как кандидат в члены Политбюро, мы начнем высказываться, если же, как председатель КГБ, мы покинем этот зал, не приступая к переговорам”. Андропов, несколько растерянно, но не теряя самообладания, ответил: “Я конечно поставлен во главе комиссии, как кандидат в члены Политбюро”. Председатель КГБ планировал, возможно, перекрестный допрос делегатов. Но следствие не состоялось, ибо крымские татары заявили: “У нас нет общего докладчика и нет руководителя. Мы все получили одинаковые полномочия, и вы должны выслушать каждого из нас”. Андропов смирился. Настойчивость делегатов не погасила его приветливой улыбки, он заверял их, что “непременно” и “обязательно” немедленно позвонит первому секретарю ЦК Узбекистана Рашидову, и крымским татарам создадут необходимые условия для встречи с земляками — чтобы они могли спокойно и обстоятельно рассказать им о встрече в Москве. “Если хотите, — задумчиво улыбнулся Андропов, — вы получите для встречи лучший в Ташкенте зал — театр “Навои”.

Председатель КГБ проводил делегатов до выхода. Им хотелось верить Андропову.

В Ташкенте крымским татарам театр “Навои” не дали. Не разрешили собраться и под открытым небом. И уж, конечно, не позволили крымским татарам вернуться в Крым, на свои родные земли. /9/

Андропов — мастер манипулировать страхом, не прибегая к насилию. По его рекомендации была введена так называемая “система предупреждения”. Диссидентов — как представителей религиозных сект, так и евреев, добивающихся права на выезд, вызывали к следователю, который требовал, чтобы они прекратили “нежелательную деятельность”. Следователь предлагал

при этом расписаться в получении предупреждения. В суде этот документ рассматривался, как отягчающий вину обвиняемого. /10/

Андропов — почитатель современного искусства, он собрал богатую коллекцию пластинок американского джаза — предпочтительно Глена Миллера, на стенах его квартиры на Кутузовском проспекте в Москве, обставленной стилизованной венгерской мебелью (подарок Яноша Кадара), красуется абстрактная живопись; среди картин — работы художников, чью выставку по указанию Андропова разогнали бульдозерами. Все это как бы призвано было подчеркнуть два облика все-союзного жандарма: дома с друзьями он человек образованный, даже утонченный — угощение в континентальном духе, французские салаты, на столе только виски и коньяк, водку не пьют. А на работе, не взыщите, — служилый человек. Среди любимых книг — Солсбери "Врата Ада", где фигурирует Солженицын и... сам Андропов (которого, якобы, только "партийный долг" заставляет выслать за границу писателя, тогда как в душе он "понимает" его и "сочувствует" ему).

И, конечно, он — человек "вдумчивый, благородный и мыслящий": таков шеф КГБ в романе, таким он старается выглядеть и на людях. Но порой занавес лицемерия приподнимается, и перед зрителями предстает Андропов подлинный — жестокий и черствый. В 60-е годы в Москве по подозрению в шпионаже был арестован британский гражданин русского происхождения Будлак-Шарыгин. Однажды, после долгих и безуспешных попыток склонить арестованного к сотрудничеству с советской разведкой, его представили Андропову. Шеф КГБ спросил: "Почему Вы отказываетесь поработать на благо родины?" "Моя родина — Великобритания", — ответил арестованный. "Ну что же, в таком случае судите его", — приказал Андропов. Следователь робко заметил: "Будлак-Шарыгин на самом деле английский гражданин". Андропов улыбнулся: "Поду-

маешь, не будет же королева Англии объявлять нам войну из-за какого-то Шарыгина". /11/

Можно оспаривать мнение, будто Андропов отучил КГБ от крови, но одно несомненно: при Андропове советская тайная полиция добилась такого могущества и влияния, какого она, пожалуй, не имела никогда в прошлом. Усилиями Андропова КГБ стал огромной, разветвленной, многочисленной разведывательной организацией, какой никогда не знала история: 900 тысяч сотрудников и агентов (по сведениям ЦРУ — более миллиона), сотни штаб-квартир, разбросанных по различным континентам. В 1978 году в американской сенатской комиссии по внутренней безопасности высказывалось даже мнение, что советские сотрудники проникли и в Белый дом. /12/

И это не случайно: дело в том, что Андропов ввел КГБ в совершенно новую для него идеологическую игру. Классическая концепция ленинизма, утверждающая, что все народы мира придут к коммунизму самостоятельно, своим путем /13/, в интерпретации Андропова толковалась так: все народы мира придут к коммунизму, если их... приведет КГБ. Это положение, хоть и не сформулированное нигде столь откровенно и прямолинейно, представляло собой практическое переосмысление и развитие марксизма в современных условиях. Оно легло в основу официальной доктрины Кремля, определяющей советскую глобальную политику. Движущей силой "мировой революции" становится отныне не коммунистическая партия Советского Союза, международный авторитет которой был утрачен в эпоху Хрущева, а — советская тайная полиция. /14/

В результате в руки КГБ попал важнейший рычаг управления — определение приоритетов советской внешней политики. В 1969 году в духе этой политической ориентации КГБ по инициативе Андропова собирает исполком новой международной организации — Террористического Интернационала (официально она

называется "Международной Ассоциацией революционеров-радикалов"). Против террористического форума возражал Суслов: не имея возражений по существу, он, партаппаратчик сталинской школы, боялся, что если сведения о съезде просочатся на Запад, это подорвет престиж коммунистического мировоззрения. Но Андропова активно поддержали Кириленко и Шелепин. Они убедили Брежнева, и съезд открылся в "Доме дружбы с зарубежными странами", на улице Калинина, 14, в Москве. Были приняты соответствующие меры предосторожности: съезд проходил в середине сентября, когда в Москве мертвый сезон; некоторые делегаты выступали при отключенном электричестве, в полной темноте — председательствующий в таких случаях объявлял: "Слово предоставляется представителю делегации, находящейся на передовом фронте борьбы с империализмом (или "на временно захваченных арабских территориях"). Просим не зажигать папирос и не открывать дверей".

Секретариат ЦК на съезде представлял Пономарев, Политбюро — Андропов (он начинает уже функционировать в двуедином облике — не только шефа политической полиции, но и высокого партийного начальства). От КГБ был десяток высших чинов, в том числе первый заместитель Андропова генерал С.Цвигун. Съезд готовился тщательно и в глубокой тайне. Прибывших из-за рубежа террористов было сравнительно немного — несколько десятков, в основном, с Ближнего Востока, по одному-два из Франции, Германии, Ирландии, а также из Южной Америки, Скандинавии и Японии. Основная масса — около четырех сотен человек — была рекрутирована на месте, среди студентов университета Патриса Лумумбы и Московского университета, да еще около ста представителей — из иностранных студентов периферийных советских университетов. Среди делегатов (формально, по крайней мере, — на этом настоял Суслов) не было коммунистов. Впрочем, КГБ особенно и не добивался этого: со времен

Сталина существовало мнение, что иностранных коммунистов лучше, по возможности, к оперативно-агентурной работе не привлекать. По решению форума (и с благословения КГБ) на территории СССР, а также в Болгарии, Чехословакии (под Софией и в Карловых Варах) были созданы законспирированные школы для террористов (сведения об этих школах КГБ были, в частности, оглашены в 1980 году на заседании итальянского парламента социал-демократом Константино Беллучинно). В этих школах из немецких, арабских, ирландских, французских террористов, прошедших курс обучения, сколачивались хорошо засекреченные, отлично организованные группы. Из разрозненных шаек убийц и грабителей террористы превращались тем самым в серьезную оперативную силу КГБ, имеющую конкретные планы и задачи, нацеленную, в основном, на подрыв политической стабильности демократического мира. К их услугам — разработанные КГБ методы использования внутренних социальных сил и процессов свободного общества, — таких, как страх перед атомной войной и безработицей, а также движения, непосредственно субсидируемые КГБ, — радикально-националистические, пацифистские, экологические и т.п.

КГБ разработал и тактику собственно террористических действий — здесь он во многом опирался на практику русских социал-революционеров (эсэров). Особое внимание обращалось при этом на подготовку путей отступления и на создание групп союзников — в первую очередь, из уголовного мира, финансовая поддержка которого окупается с лихвой, а также из постоянно охваченной брожением студенческой среды, которая легко покупается на революционную демагогию.

По сути дела с помощью террористов КГБ ведет против Запада постоянную войну, причем ведет ее всерьез, чуть ли не армейскими средствами. Отряды "городских партизан" имеют свои базы, деньги, собст-

венную агентуру, современное оружие. Их борьба направлена не против "благополучного существования одних и в защиту униженной доли других", как утверждает официальный лозунг международного терроризма, а на подрыв свободы и демократии. Может быть, некоторые террористы и думают, что мстят всему человечеству за свою несложившуюся жизнь, но, по существу, все они служат КГБ.

Во время реализации все той же цели: насильно привести не ведающее своего счастья человечество к коммунизму — в КГБ по указанию Андропова были разработаны и другие планы — установления в странах Запада власти так называемых "прогрессивных сил". "Прогрессивные силы", представляющие собой сложный социальный симбиоз террористов, лево-троцкистских группировок, коммунистов и деклассированных элементов, должны постепенно, при помощи КГБ, проникать в европейские рабочие партии, студенческие организации, профсоюзные движения, чтобы расшатать "буржуазную систему".

Для подрыва государственной структуры свободных стран предполагается также использовать забастовки, саботаж, шантаж. В частности, СССР передал сотни тысяч долларов английским коммунистам для подкупа членов профсоюзов, для разложения вооруженных сил, и около 60 тысяч долларов — Ирландской республиканской армии — на развертывание террористических актов и перенос партизанской войны из Ирландии в Англию.

Прорвавшись к власти на гребне анархии или пробравшись к руководству парламентским путем, через подставных лиц, "прогрессивные силы" должны, по плану Москвы, начать "революционное переустройство" своих стран с убийства государственных лидеров и запрещения других партий. Несколько сотен, а может быть тысяч видных "буржуазных деятелей" — высших офицеров, известных политиков, финансистов — будут скомпрометированы: на них в архивах КГБ

уже заготовлены подробные досье. А затем по известной ленинской схеме, с учетом опыта России, Кубы и Камбоджи, начнется построение "счастливого социалистического общества". /15/

Многие годы назначение государственной безопасности даже при всем ее всемогуществе при Сталине было чисто функциональным: решать конкретные задачи, поставленные перед ней коммунистическим руководством. При Андропове, в соответствии с новым ее предназначением — быть стартовым механизмом мировой коммунистической революции — КГБ из инструмента для решения политических задач стал их творцом.

В 1967 году советская разведка, пытаясь ввести в заблуждение американцев, сфабриковала ложные агентурные сведения, согласно которым СССР опасно отстал от США в разработке систем противоракетной обороны (в результате Кремль поддался собственному обману и миллиарды рублей были истрачены на возведение вокруг Москвы малоэффективного противоракетного воздушного пояса). В 1970 году органы безопасности запустили в пропагандистское обращение легенду о массивном строительстве в США противоядерных бомбоубежищ, якобы свидетельствующем о подготовке США к ядерной войне. В 1979 году КГБ распространяет во всем мире сведения об устрашающей силе нейтронной бомбы, чтобы вызвать к жизни кампании за ее запрещение (впоследствии стало известно, что организация манифестаций "сторонников мира" против нейтронной бомбы обошлась СССР дороже, чем создание собственного нейтронного оружия. Но цель была достигнута — США были вынуждены отложить на неопределенное время размещение нейтронных бомб в Германии). Точно также в 1982 году КГБ, манипулируя пацифистским движением, повел борьбу против программы НАТО по модернизации ядерного и ракетного потенциала в Европе. Андропов непосредственно курировал создание комитетов по "борьбе за разоружение" в 120 странах с центром в Хельсинки. По

инициативе Андропова в Праге, Восточном Берлине, Будапеште и в Сирии были учреждены школы для "журналистов", ведущих в западной печати пропаганду "мира".

По хитроумной системе Андропова ЦК и КГБ оказывают друг другу взаимные услуги для достижения общих целей.

В 1968 году советское правительство прикрывало вторжение в Чехословакию фальшивками КГБ "о концентрации враждебных сил" на ее границах.

Спустя десять лет тот же прием был повторен перед оккупацией Афганистана: в советской печати настойчиво будировались слухи о консолидации "антикоммунистических группировок", якобы готовящих государственный переворот в Кабуле. /16/

Знакомый почерк КГБ постепенно становится стереотипом. Но Запад не желает учиться на собственных ошибках. И вот в европейской и американской печати раздаются голоса: "Андропов сопротивлялся афганской акции". Если бы шеф КГБ действительно был против афганской авантюры, он перестал бы быть шефом КГБ. Решения такого рода принимаются в Политбюро единогласно — в порядке партийной дисциплины. При этом наиболее весомыми, если вообще не определяющими, являются мнения министра обороны и председателя КГБ. Андропов был — не мог не быть — одним из тех, кто ратовал за успех и обосновал необходимость коммунистического переворота и захвата Афганистана. Тем более, что "афганский эксперимент" был первым опытом привода к коммунизму "отдельно взятой страны" с помощью КГБ и при поддержке армии. Затем последовало Никарагуа — и здесь КГБ достиг полного успеха уже без содействия советских вооруженных сил. Теперь в процессе "обработки" КГБ — Сальвадор. На очереди может быть любая страна, которую эксперты советской политической полиции сочтут "слабым звеном" в системе "международного империализма".

Личные амбиции и интересы, а также политическая ситуация в СССР побуждали Андропова изобретать и новые формы деятельности КГБ. Андропов хорошо понимал, что эпоха идеалистов кончилась — никто больше не верит в коммунизм, а значит в секретной работе приходится довольствоваться наемниками, работающими только ради благ и вознаграждения. Иными словами КГБ должно противопоставить что-либо тем искушениям и соблазнам, которые может предложить его агентам противник. А для советского человека самый опасный соблазн — это западный образ жизни. Заграничная "командировка" агента — вечная мучительная проблема для руководства КГБ, вечный проклятый вопрос: не перевербуют ли? Учтено, кажется, все: на родине оставлены родственники-заложники, по возвращении шпиона ждут продвижение по службе и награды. Но никакой уверенности в агенте нет. Для КГБ все советские люди только и ждут возможности переметнуться к противнику. Даже передачи западного радио разрушительны для их "коммунистического сознания". А уж оказавшись за границей, окунувшись в океан западной жизни, любой советский человек, естественно, тотчас начнет сравнивать, сопоставлять, думать...

И вот для выработки "противозападного" иммунитета подготавливаемому для оперативной работы за границей агенту еще в СССР "прививают" элементы западного образа жизни. Осторожно и осмотрительно приобщают его к свободной прессе, к западному стилю, приучают к мысли, что и в советской России можно иметь практически все, чем обладает человек в капиталистическом обществе. Агента, предназначенного для заброски на Запад, вводят в круг людей, имеющих виллы с теннисными кортами и бассейнами, сверкающие лимузины и счета в банках. При этом ему разъясняют, иногда намеками, иногда откровенно, что он тоже может все это заработать — для этого необходимо лишь безоговорочно выполнять распоряжения

начальства, преданно служить ему. Верного слугу не забудут.

К услугам секретного агента предоставляются перwokлассные рестораны, закрытые магазины-распределители, превосходные санатории, женщины и деньги. А в 70-е годы руководство КГБ, по инициативе Андропова, решило усилить дозу антизападной "вакцины" и на деле "обкатывать" агента в тех же условиях, какие ему встречаются на Западе. Естественно, проще всего было бы послать его (под прикрытием дипломатического паспорта) на "стажировку" в Европу или Америку. Но в этом был риск. И тогда в разных районах СССР были созданы специальные, чрезвычайно строго засекреченные и охраняемые поселения.

Шведский журналист Пьер Лингрэн сообщил в 1982 году, как сенсацию: "КГБ создал на Украине "малую Америку" с городом "кока-кола". /17/ Но еще за 5 лет до Лингрена в статьях, опубликованных в американской и израильской прессе, я уже рассказывал о таких декоративных городах под Москвой (недалеко от Калинина) и на Карельском перешейке. Эти поселки воспроизводят все черты западных городов, только в сильно уменьшенном масштабе. Я позволю себе процитировать некоторые выдержки из этих статей.

"Все в них — варьете, бары, магазины, рестораны, сам характер, стиль и форма жизни и даже находящиеся в обращении деньги — не советские. Тот, что под Москвой, по архитектуре напоминает бургерское местечко в Германии, а находящийся в Карелии воспроизводит курортный уголок Англии". /18/ Так рассказывал мне В.К., собственный корреспондент газеты "Известия", который задумал было написать серию очерков о чудо-городках. (Это ему, конечно, запретили.)

Поразительное сходство этих поселков с Западом — не просто имитация. Все здесь настоящее, западное: фильмы, кабаре и даже чековые книжки временных жителей. По телевидению демонстрируются только

записанные на пленку европейские и американские программы, по радио — передачи зарубежных радиостанций, в газетных киосках продаются иностранные газеты. И разумеется, все разговаривают только на английском или на немецком. Иллюзия Запада почти полная. Возможно, во всем этом и чувствуется некоторая искусственность, неестественность, напряженность: ведь все здесь — и актеры, и зрители — работники КГБ. Но каждый в соответствии с правилами игры не просто исполняет свою роль, а пытается вжиться в нее, жить ею: танцовщица кабаре, официант ресторана, портье в гостинице, банковский клерк — кто год, а кто и больше, как повезет. И от качества их игры, от ее совершенства зависит их будущее.

Что же касается "публики" — не работающих здесь, а наезжающих, кто на месяц, а кто и на полгода, — то их единственная обязанность свыкнуться с "буржуазным" стилем жизни, приобрести необходимый лоск, навыки, привычки. И в дополнение — усовершенствоваться в языке". /19/

Но кроме практики, похоже, режиссеры из КГБ поставили себе еще одну задачу, нечто вроде иммунотерапии: постепенно выработать у будущих агентов устойчивость против соблазнов и искушений, которые им встретятся при работе на Западе. В таких городах сотрудники КГБ проходят последний круг своей стажировки.

При этом Андропов не только не отказывается от классических методов разведки, но все более их совершенствует. Со времени прихода Андропова в КГБ на Запад хлынул поток его агентов, вооруженных разносторонними знаниями, снабженных необходимыми документами, связями, деньгами. Агенты КГБ проникают на все уровни свободного мира, роются в сейфах и письменных столах, обшаривают глазами фотообъективов лаборатории заводов и научных институтов. Подсматривают. Выслеживают. Шантажируют. Соблазняют. Покупают. Крадут...

Честь, порядочность, совесть — этими словами советская пропаганда время от времени пользуется в своих фальшивых лозунгах и лицемерных призывах. Но из языка советской разведки эти понятия решительно изгнаны. Там существует только выгода в ущерб совести, за счет честности и порядочности — таковы установки Андропова.

На каждую международную научную или техническую выставку — будь то в России или далеко за границей — КГБ командует искусственных агентов. Разработана строго целенаправленная система вопросов, при помощи которой эксперты КГБ умудряются заставить собеседников невольно и неосознанно раскрывать технологические секреты производства. Ущерб, причиненный при этом западным фирмам, далеко не только экономический; важные изобретения, которые могли бы обеспечить развитие технологии, а порой привести к созданию дополнительных рабочих мест и избавить ту или иную страну от необходимости импорта дефицитных товаров, попадают в руки СССР.

Одна из целей советской разведки — подорвать престиж западных стран. Поэтому тайные эмиссары КГБ настойчиво собирают информацию, которая таит в себе возможности идеологических спекуляций: сообщения об авариях, человеческих жертвах, забастовках, митингах. Перебои со снабжением, кризисы сбыта — эти материалы, став предметом пропагандистских манипуляций, должны, по мнению КГБ, подтвердить коммунистические концепции о загнивании буржуазной системы. В Москве принято считать, что подобные факты должны побудить народы третьего мира вступить на путь коммунистического строительства, а в тех одуроченных странах, которые уже идут по этому гибельному пути, укрепить уверенность в правильности сделанного выбора. Ложь, замешанная на правде, рисует полуфантастические картины массовой безработицы, насилия и несправедливости, свирепствующих в свободном мире. Пропаганда обрушивает на обоб-

ранного, обездоленного советского обывателя сообщения одно фантастичнее другого: по всему миру толпы бездомных спят под мостами, живут в полуразрушенных землянках, иссыхают от недоедания. /20/

Пропаганда пропагандой, но для советской тайной полиции главное — ее собственные интересы. Андропов живо интересуется тем, где, в каких областях науки и техники Запада следует ждать новых разработок и открытий. Туда незамедлительно направляют шпионов-специалистов.

Советская наука, скованная централизованным руководством, косностью и догматизмом, теряет свои достижения. В этих условиях любой намек о потенциале и направлениях развития западной науки — важный, а порой и единственный импульс творческого поиска в СССР. Андропов поставил перед КГБ задачу — оперативно добывать подобную информацию.

По рекомендации Андропова Высшая школа КГБ была преобразована в "Академию КГБ" с широким комплексом научно-исследовательских институтов. Чекист-исследователь выуживает цифры и факты из вороха научных журналов, из сообщений о выпуске товаров, из сводок и планов расширения производства. Сами по себе эти данные не секретны и, взятые отдельно, невыразительны, как отдельные буквы алфавита. Но стоит их сопоставить или даже поставить рядом, и они начинают читаться как книга. Это кропотливая работа. Из мельчайшей мозаики составляется цельное полотно о характере, допустим, электронно-вычислительной или химической промышленности. Эти области, так же, как и космические исследования, интересовали Андропова прежде всего. Но подобная работа требует длительного времени, а шеф советской полиции не хочет долго ждать, ему нужны оперативные формы шпионажа. Лучшая из них — вербовка и внедрение агента.

Для вербовки на службу КГБ успешно используется вариант "любовь" — патент принадлежит Андропову. Разыгрывается нехитрая интермедия, к которой весьма

чувствителен сентиментальный Запад: он — за железным занавесом, она — в свободном мире, можно и наоборот. Многие месяцы и даже годы возбуждено мировое общественное мнение, мобилизована прогрессивная пресса, шлются петиции, выступают сенаторы и князья церкви: "Дайте, пожалуйста, разрешите, пожалуйста, любящим сердцам соединиться". И справедливость (случается же такое!) торжествует. Аршинные заголовки газет сообщают: "Любовь не знает границ", "Любовь побеждает", "Тоталитаризм капитулирует"...

Порой это действительно глубокое чувство, а порой — расчет КГБ, и трагедия влюбленных — просто легенда, с помощью которой одурачили Запад.

Туристические поездки, научные командировки, симпозиумы и конференции — все это Андропов ставит на службу КГБ. Почти каждую примечательную личность атакуют чекисты. В сети КГБ, разумеется, попадает не каждый, но на каждого заводится персональное дело, каждый становится объектом изучения и наблюдения. И если выясняется, что человек с Запада может быть чем-то полезен, вокруг него начинает плестись чекистская паутина.

Советская экономика уже долгие годы не может выйти из тяжелого кризиса — развал в промышленности сравним только с развалом в сельском хозяйстве. И Андропов решает призвать на помощь... "капиталистическое окружение". Близ Курска по западногерманскому проекту построен металлургический комбинат, рядом с ним выросла "иностранная колония" — тысячи европейских специалистов обучают русских работать. А КГБ учит зарубежных гостей продавать национальные интересы.

Раньше агенты КГБ старались выкрасть уникальные документы; по мнению Андропова, однако, выгоднее выкрасть инженера-специалиста. И эти кражи настолько себя оправдали, что стали использоваться кагэбистами повсеместно и часто. Сегодня выкрасть — не означает обязательно затолкать несчастного в мешок и

унести темной ночью из теплой постели. Это несовременно, накладно и шумно. Куда проще — и так делает КГБ — вербовать специалистов на службу. Тогда при определенных условиях и нужном нажиме (и, конечно, за соответствующее вознаграждение) советская тайная полиция получает необходимую информацию. Советский агент эпохи Андропова — это респектабельный человек, милая женщина, солидный ученый, бойкий журналист. Их оружие, как правило, — уже не пистолет с глушителем, замаскированный в зонтик или упрятанный в авторучку. Хотя в случае необходимости от пистолета они тоже не отказываются. А в случае крайней необходимости на сцене появляется знакомый по криминальным романам мрачный, готовый на все убийца. /21/

Именно таков знаменитый турецкий террорист Махмет Али Акджи, с именем которого связана самая громкая и самая скандальная акция КГБ — покушение на главу католической церкви Иоанна-Павла II, совершенное 13 мая 1981 года.

Следствие еще ведется, и вслед за именами непосредственных исполнителей: наемного убийцы — Махмета Али Акджи, турецкого торговца Омера Багчи и руководителя римского бюро "Балкантурист" Сергея Антонова — появляются все новые и новые фамилии. Но одно имя с полной достоверностью может быть раскрыто уже сейчас. Это — имя Юрия Андропова. Следует говорить не только об общей причастности КГБ к преступлению, но и о персональной ответственности Андропова — организатора покушения — и коллективной ответственности советского правительства в целом.

В шестидесятых годах, после дезертирства на Запад советского агента Сташинского, убившего Бендеру, и связанного с этим международного скандала, Кремль, не отказываясь от убийств, как орудия внешней политики, значительно сократил "и ограничил" их количество. Отныне — в мирное время — каждое убийство

должно было быть санкционировано председателем КГБ и получить согласие Политбюро.

Решение "ликвидировать" папу Иоанна-Павла II принято было, очевидно, советским руководством в 1980 году, после того, как он написал письмо Брежневу, предупреждая, что в случае советского вторжения в Польшу он вернется на родину, чтобы разделить со своим народом его судьбу и борьбу. Это не первый случай физического уничтожения, запланированного и оплаченного КГБ и осуществленного через его филиал — болгарскую разведку "Державна сигурност". В 1978 году в Лондоне был убит уколom отравленного зонтика болгарский писатель Георгий Марков, вскоре произошло покушение на болгарского политического эмигранта Владимира Семенова. В декабре 1978 года советские агенты, действуя через болгарское посольство, планировали убийство египетского президента Садата. КГБ несет ответственность за убийство ливанского президента Башира Жмайеля; организатор покушения на Жмайеля — сирийский агент, который обучался в СССР, и убийство было совершено в стиле методов "Управления саботажа и диверсии" КГБ, известного как Отдел "В", — путем взрыва 400 кг. взрывчатки, разрушившего штаб фалангистской партии. Несомненно, все эти убийства совершались с ведома и согласия Андропова. Что же касается указания о покушении на папу Иоанна-Павла II, беспрецедентного по своему цинизму и коварству даже для КГБ, то оно могло быть дано только лично и непосредственно шефом КГБ Андроповым: учитывая возможные последствия убийства, он обязан был принять непосредственное участие в разработке оперативных планов покушения.

Идея "убрать" папу римского была принята Политбюро, и не исключено, что помимо "польских" соображений в этом решении играли роль и соображения персональные: кому-то в Кремле важно было скомпрометировать Андропова и исключить его из борьбы за наследство Брежнева. Однако возможны и другие пред-

положения: Андропов стремился убийством папы римского еще раз напомнить своим коллегам — противникам по Политбюро, — что современные проблемы международного коммунизма решаются не в Политбюро, а на "Лубянке" и решаются быстро, решительно и эффективно — одним выстрелом. Успех операции сразу вводил бы Андропова в число самых вероятных претендентов на власть в Кремле.

В 1980 году Андропов из Главного Управления КГБ, расположенного в здании на площади Дзержинского 2, перебирается в строго засекреченный дом в северо-западной части Кремля, в котором хранится "тайная картотека" с данными о каждом человеке, интересующем КГБ, в том числе и о самых ответственных номенклатурных работниках. Намек — осторожный — членам Политбюро: нет ни одного партаппаратчика, которого политическая полиция, захоти она только, не смогла бы дискредитировать; намек — более явный — всему партаппарату: партия не может управлять страной иначе, как в союзе с КГБ.

Но на самом деле уже тогда честолюбивый взор Андропова был прикован к другому зданию, — не в Кремле, а на Старой площади в Москве — к зданию ЦК КПСС. Чтобы оказаться в нем, он готов был расстаться даже с КГБ, которому отдал 15 лучших лет жизни и который давал ему неограниченную власть над 270-ю миллионами граждан его страны, — над всеми, кроме тринадцати членов Политбюро, с кем он вынужден был эту власть делить.

Предвидя скорую смерть Брежнева и предстоящую жестокую борьбу за его наследие, Андропов стал искать возможность сбросить с себя мундир шефа тайной полиции. Такая возможность вскоре ему представилась. Это произошло в январе 1982 года.

Триумвират 1979 года: Леонид Брежнев, Алексей Косыгин и Михаил Суслов — во время визита в СССР президента Франции.

Увешанный орденами и медалями бывший начальник политуправления 10-й армии приветствует ветеранов своей части в Москве (1976).

Отто Куусинен, многолетний покровитель Андропова.

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

В советской политической жизни существует тот же закон, что у дикарей — молодые, подрастая, убивают и съедают взрослых.

“Коммунистическая партия никогда не бывает неправой, неправыми оказываются коммунисты по отношению к партии.”

(Николай Бухарин)

БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

Брежнев, старый, немощный, глубоко больной, в сущности, пресытился и тяготился властью; он взял от нее все, что она могла дать в СССР: славу и международное признание — его считали в мире умеренным, искусным правителем, одаренным и сдержанным политиком; неограниченное влияние, ибо Политбюро — высший, и, в сущности, подлинный синклит власти в стране — выдохся, захлебнулся в нескончаемых кознях, одряхлел в бесконечных интригах и стал податлив его капризной воле и необузданным желаниям; величественный официальный статус — ему первому из Генсеков удалось стать Президентом, он возглавил Совет Обороны, удостоился звания маршала, пятикратного Героя Социалистического Труда и Советского Союза — тоже впервые в СССР.

Вот уж поистине, партийный аппарат умнее своих руководителей: он переносит на них, своих Генсеков, заложенные в нем тоталитарной системой силу, опыт и знания.

В 1964 году, после падения Хрущева, Брежнев — безликий партаппаратчик — поднялся в Генсеки, вернее — был поднят на волнах борьбы за власть: на нем — тогда казалось временно — сошлись в компромиссе догматический и угрюмый Суслов, претендовавший на право быть единственным хранителем и выразителем "чисто-

ты” партийного учения, завещанного ему, как он утверждал, Сталиным и Ждановым, и властолюбивый Шелепин, жестокий и циничный партийный функционер нового поколения. Брежнев подождал, пока Суслов и Шелепин истошат друг друга, и, опираясь на власть партийного аппарата, усмирил гордого Суслова и убрал из Секретариата Центрального Комитета опасного Шелепина. Затем, все так же, не торопясь, без излишнего драматизма, он выбросил из Политбюро чересчур самостоятельных Шелеста, Полянского, Подгорного, Мазурова, изгнал строптивного Косыгина. И заполнил образовавшиеся вакансии своими людьми, полностью управляемыми и абсолютно благонадежными: Черненко, Русаковым и Горбачевым.

Брежнев не повторил ошибки Хрущева, который назначил его, своего потенциального полуофициального наследника, на важнейшие (после занимаемых им) посты: председателя Президиума Верховного Совета СССР, а затем второго секретаря Центрального Комитета КПСС. Брежнев хорошо запомнил, как умело он воспользовался благоприятной политической обстановкой, чтобы сбросить своего покровителя и занять его место. Брежнев выдвигал на ключевые должности в правительственном аппарате людей более чем преклонного возраста (Тихонов стал премьером в 75 лет) или совершенно случайных, без всяких позиций в партийной олигархии (Архипов, утвержденный первым заместителем премьера, не был избран даже кандидатом в члены Политбюро, хотя по занимаемому положению должен был быть его полным членом), или же настолько политически неопытных и не искушенных по молодости, что они вызывали неприязнь, отчуждение и зависть престарелых коллег, которым понадобились долгие, трудные годы, чтобы взобраться вверх по скользким и крутым лестницам партийной иерархии (Горбачеву не было и 50 лет, когда он был утвержден секретарем ЦК КПСС, и в течение всего двух лет, обой-

дя других секретарей — Пономарева, Долгих, Капитонова, Зимянина, Русакова, стал членом Политбюро) .

Так или иначе, но к началу 1982 года вопрос о наследнике Брежнева все еще оставался открытым, и на должность Генерального секретаря претендовали по меньшей мере четверо: Кириленко, Черненко, Андропов, Гришин (и еще четверо могли претендовать при определенной ситуации: Суслов, Романов, Устинов и Тихонов) .

Таким образом, в борьбе за место Генсека доминировало поколение, которое находилось у власти более 30 лет. В 50-х годах Суслов уже был секретарем ЦК, Кириленко — секретарем обкома, Андропов, Черненко, Гришин, Романов — на ответственной партийной работе, Устинов — был министром, Тихонов — заместителем министра. И как люди с похожим социальным опытом и общей партийной судьбой, они рассматривали многообразные и противоречивые экономические и политические проблемы общества в одинаковой перспективе — они старались их не замечать. Исключение составляли Андропов и Черненко — у них был более свободный доступ к информации: у Андропова по причине исполняемых им обязанностей шефа тайной полиции, у Черненко в силу привилегированного положения в Политбюро — доверенного и самого близкого приближенного Брежнева. Они яснее других сознавали, что брежневский режим окаменел и устарел, и осторожно выражали готовность придать ускорение развитию страны (Андропов, возможно, искренне, Черненко — конъюнктурно, стараясь "выскочить из образа" личного секретаря Брежнева) .

В 1980 году Андропов был единственным членом Политбюро, публично предупредившим, что детант находится в опасности и настойчиво призывавшим к переговорам с Западом, несмотря на санкции Вашингтона против СССР. /22/

Черненко пошел еще дальше: в своих предвыборных речах и выступлениях в 1980 году он ни словом

не обмолвился о своей поддержке советского вторжения в Афганистан, а в 1982 году посмел говорить чуть ли не в духе ревизионизма о необходимости равновесия между идеологической, организационной и хозяйственной работой. /23/ Реформизм Черненко был, разумеется, показным, кажущимся, — он не предполагал серьезных изменений в социальной структуре общества. Это была попытка, не раздражая “большого босса”, угодить либералам.

К 1982 году, однако, наибольшие шансы наследовать Брежневу были у Кириленко. Он, будучи вторым (после Брежнева) секретарем Центрального Комитета, располагал возможностью создать в партаппарате Москвы собственную политическую машину. У него был богатый опыт ответственной работы в партийных организациях. Кириленко поднялся при Сталине — в период чисток 30-х годов. В 1941 году он, раньше Брежнева, становится вторым секретарем обкома в Запорожье. Спустя десять лет Кириленко сменяет уехавшего в Молдавию Брежнева (возможно — по брежневской рекомендации) на должности первого секретаря Днепропетровского обкома на Украине. Еще семь лет (1955—1962 гг.) он возглавляет партийную организацию Свердловской области — важнейшего экономического центра страны. А с 1962 года он — в Центральном Комитете: член Политбюро, первый заместитель председателя Бюро ЦК КПСС по Российской Федерации, а затем — второй секретарь ЦК КПСС.

Кириленко сосредоточил в своих руках необъятную власть: надзор над партийным аппаратом и кадрами и контроль за правительством; он курировал центральное планирование и экономику. И при этом он был не младшим партнером Брежнева, а почти равным ему соратником: единственный из советских руководителей, он получил привилегию говорить Брежневу “ты” и воспользовался ею, публично поздравляя Брежнева с 70-летием. Но именно это и погубило его.

Брежнев, остерегаясь заговора, постоянно тасовал

колоду Политбюро. Не меняя ее так часто, как Хрущев, он время от времени ущемлял членов Политбюро: критиковал Романова за барские замашки, Косыгина и Мазурова — за развал промышленности и неудачи в экономике, Гришина — за нерасторопность и инертность, Щербицкого — за украинский национализм, Полянского — за хронические неурожаи. Так создавалось равновесие сил: комплекс неполноценности и вины распределялся равномерно между всеми членами Политбюро. До 1979 года в долговременных фаворитах не ходил никто из них. Генсек обходил своим праведным гневом лишь Кириленко и Суслова, которых побаивался.

Во второй половине 70-х годов начинается стремительный взлет Черненко: из заведующего Отделом ЦК — в секретари ЦК; оттуда, меньше, чем за два года — в кандидаты и далее — в члены Политбюро. Близость Черненко к высшей власти и услуги, оказываемые им Генсеку, создали Черненко много врагов, но повышение Черненко позволило Брежневу ограничить и сузить влияние и возможности Кириленко. Из-под контроля Кириленко изымаются и передаются Черненко в 1978 году военная промышленность, а в 1979 году — кадры и организационная работа, опираясь на которую он, с благословения Генсека, пытается (но не успевает) завербовать сторонников в различных звеньях партийного аппарата. Означало ли ограничение полномочий Кириленко начало его конца? Ответ двойственный: и да, и нет: Брежнев не желал видеть рядом с собой в Политбюро равноправного законного престолонаследника; но он не возражал против сохранения за Кириленко ограниченного влияния и милостиво оставил за ним экономику и государственное планирование. "Голову" Кириленко годом позже потребует Черненко, когда попытается подхватить "рычаги власти", выпадающие из рук безвольного, деградирующего Брежнева. Но тут решительно воспротивится Суслов, решивший, в соответствии со взятой им на себя ролью "совести

партии", защитить право второго секретаря ЦК стать со временем первым. Возможно, Суслов хотел войти в историю "делателем Генсеков" (однажды это ему удалось с Брежневым, так почему бы не попытаться еще раз — после Брежнева?). Черненко, выскочка, правитель милостью хозяина, его не устраивал; Кириленко был понятнее: рос в советской системе постепенно, как истинный бюрократ; шел к власти естественно, поднимаясь с одной партийной ступеньки на другую. Ему, решил Суслов, быть наследником Брежнева.

Так в Политбюро и Секретариате Центрального Комитета к 1979 году складываются противостоящие группы, отражающие расстановку сил в борьбе за наследство Брежнева. Первая группа включала членов Политбюро Кириленко и Суслова, кандидата в члены Политбюро Пономарева, кандидата в члены Политбюро, председателя Совета Министров РСФСР Соломенцева. Первые трое из них были также секретарями ЦК.

Вторая группа была более многочисленной. Она была также сильнее своей близостью к Генсеку: ее лидеру Черненко он планировал (во всяком случае, обещал) передать власть когда-нибудь в будущем (тем не менее отодвигая его всякий раз после очередного сердечного приступа). В нее входили члены Политбюро и секретари ЦК Черненко, Горбачев, Пельше (председатель Комитета партийного контроля), первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Кунаев; кандидаты в члены Политбюро — первый заместитель председателя Совета Министров СССР Тихонов, министр культуры Демичев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Кузнецов, первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Киселев и секретари ЦК Зимянин, Русаков, Долгих.

Был в ЦК и еще один альянс, который сложился в самом конце 70-х годов, по мере развития болезни Брежнева. Он объединял трех членов Политбюро. Лидером альянса был Андропов — председатель Комитета Государственной безопасности, а его соратниками —

Гришин — первый секретарь Московского и Романов — первый секретарь Ленинградского обкомов. Эта группировка Политбюро преследовала те же цели, что и две другие: захват всей полноты власти (программа максимум) или, по крайней мере, участие в распределении власти после ухода или смерти Брежнева (программа минимум). Но существовало и различие. Группа Андропова, особенно в период своего становления и оформления, подчеркивала и выпячивала свой русский национальный состав и характер.

250 лет русским государством управляли инородцы. Около двух столетий, после Петра I, это были немцы из российской династии Романовых, а затем, после нескольких месяцев безвластия февральской революции, коммунистические правители: несколько лет Ленин, который, будучи по происхождению русским наполовину, по мировоззрению был космополит; 29 лет — грузин Сталин, еще 29 лет — обрусевшие украинцы Хрущев и Брежнев (по другой версии — обукраинившиеся русские). Великорусский национализм оказался в руках Андропова эффективным инструментом для сколачивания в Политбюро собственного блока.

Вне групп, балансируя между ними, долгое время находился Косыгин. В такой позиции было как известное преимущество — его поддержки добивался в равной степени Кириленко и Черненко, так и недостаток: когда Брежнев, тяготившийся им последние годы, решил наконец отправить Косыгина в отставку, оказалось, что никто в Политбюро не захотел поддержать ставшего неудобным премьера. Председателем Совета Министров и членом Политбюро стал Тихонов.

Громыко и Устинов поначалу склонялись к поддержке Генсека и его протее Черненко, как и положено верноподданным членам Политбюро. Черненко, однако, никогда не был настоящим политическим деятелем: он ухитрился оттолкнуть от себя министров обороны и иностранных дел показной либеральной декламацией. Перед ними, яркими консерваторами, замаячи-

ла пугающая тень Хрущева в дешевом издании, и они решили отмежеваться от Черненко. Поэтому, когда здоровье Брежнева пошатнулось, они заняли выжидательную позицию.

Щербицкий был обижен на всех: на Брежнева — за бесконечные упреки и выговоры, на Кириленко — за жестокий контроль за кадрами, на Суслова — за идеологическое давление (чуть ли не террор), на Андропова — за назначение на должность шефа тайной полиции на Украине Федорчука, который своими гонениями на диссидентов и националистов представлял его, Щербицкого, душегубом и палачом. Но особенно он терпеть не мог Черненко, его мелочное вмешательство в украинские дела (а, может быть, здесь срабатывала и национальная несовместимость: один украинец, еще с досталинских времен вошедший в номенклатурную элиту /24/, завидовал другому украинцу, нуворишу, попавшему "в случай" по причине всего двух "заслуг" — адъютантского рвеня и подхалимства). Опытный партийный делец, Щербицкий был в нерешительности: к какой клике примкнуть, чтобы не продешевить?

Алиев, кандидат в члены Политбюро и первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана, не стоял перед дилеммой выбора. Он был обласкан Брежневым, который ввел его в Политбюро после расстрела Багирова — ставленника Берия, правителя Азербайджана, а по существу — хозяина Закавказья. На словах Алиев неустанно славил Брежнева громче и усерднее всех: каждое его выступление на партийном съезде или сессии Верховного Совета было доведенным до совершенства льстивым, в восточном духе, гимном Брежневу — цветистым, утонченным и ярким. /25/ Но на деле он служил другому хозяину — Андропову. Сменив в 1969 году облачение генерала КГБ на гражданский костюм, он по натуре, по характеру мышления и взглядам оставался чекистом, видевшим в грубой, основанной на страхе силе универсальное средство для совершенство-

вания советского общества, прогнившего в коррупции, окаменевшего в ханжестве и лицемерии. /26/

Андропов и Алиев были необходимы друг другу. Шеф тайной полиции с интересом присматривался к социальному конструированию азербайджанского секретаря, примеряя его реформы — пока что в воображении — ко всей стране. Бакинский же диктатор был поражен грандиозностью планов председателя КГБ (он был в них, как генерал госбезопасности, частично посвящен), их размахом, глубиной, очарован воспитанностью, тонкостью, обаянием и умом своего шефа. Андропов помог Алиеву укрепиться в Азербайджане, поддержал его в первые, самые сложные годы его правления, когда тот, перекраивая и перестраивая республиканский партийно-правительственный аппарат на чекистском фундаменте, мог (не окажи ему Андропов помощи) легко попасть в сети своих коварных соратников. Именно Андропов рекомендовал перенести "азербайджанский эксперимент" в другие республики — Грузию, Прибалтику. Выиграли оба: усилились позиции "воинства" Андропова — генералов КГБ в республиканских столицах, а Алиев из провинциального лидера стал фигурой общесоюзного значения. Алиев в благодарность берется (и преуспевает) склонить Рашидова и Шеварнадзе, секретарей ЦК Компартий Узбекистана и Грузии, к поддержке Андропова. Но это происходит позже — в апреле-мае 1982 года.

А пока что, в начале года, Андропов решает заявить претензию на "наследство". Он начинает разведку боем. Направление атаки — Брежнев. История как бы отступила на 30 лет назад — к 1952 году. Тогда, как и в 1982 году, правитель существовал, но не управлял. В 1952 году на XIX съезде КПСС, за полгода до смерти (или убийства), Сталин был отстранен от руководства и снят с поста Генсека: аппарат партии, созданный диктатором, перерос диктатора. /27/ Теперь ситуация повторялась: будучи не в силах удержать власть в своих

слабеющих руках, Брежнев потерял контроль над событиями.

Политическая обстановка, однако, была иной — история никогда не повторяется полностью. К 1982 году в Политбюро сложилось относительное равновесие сил между группами Кириленко и Черненко. И той, и другой (равно как и “плавающим”, то есть еще не определившим свои позиции членам Политбюро) был необходим Брежнев, как номинальный лидер. Группа Андропова, занимавшая промежуточную позицию между враждующими блоками, до 1982 года была, по существу, исключена из активной борьбы. Генсеком “де факто” был Черненко. Это означало, что, метя в Брежнева, Андропов бил по Черненко.

Черненко, не успевший создать опору в партийном и правительственном аппарате, мог рассчитывать только на поддержку личных соратников Брежнева — членов Политбюро, с которыми тот делил власть в ЦК и правительстве. Именно они помогли Черненко столь молниеносно выдвинуться в “наследные принцы”. Но чтобы взойти “на престол”, а затем укрепиться на нем, Черненко было важно получить власть еще при Брежневе и, следовательно, из его рук. Предполагалось, что Брежнев добровольно уйдет с поста Генерального секретаря, оставив себе церемониальную и почетную должность Председателя Президиума Верховного Совета. Называлась и дата — 21 декабря, когда на совместном заседании ЦК КПСС и Верховного Совета, созванном в честь 60-летия образования СССР, планировалось “отречение” Генсека в пользу Черненко.

И Андропов решил действовать без промедления: скомпрометировать Брежнева, доказать, что он утратил дальновидность, впал в маразм и поэтому нельзя доверять его желанию назначить Черненко своим преемником. Заградительные створки КГБ чуть раздвинулись, и по советской столице поползли слухи: Брежнев смертельно болен, ему постоянно делают уколы в парализованную челюсть, периодически перели-

вают кровь ввиду опасности заболевания лейкемией, он не способен работать, делами государства занимается пару часов два дня в неделю. На Запад потекли фотоснимки операции по внедрению в грудную клетку Брежнева сердечного стимулятора, а по Центральному телевидению как будто невзначай замелькали кадры, из которых явствовало, что Брежнев не может передвигаться без поддержки двух адъютантов.

Болезнь Брежнева была реальной и нарушила относительную политическую стабильность Политбюро, существовавшую в стране в течение семнадцати лет. Зная это, Андропов решился: отказавшись от нейтралитета, он стал на сторону Кириленко и Суслова. Их победа в борьбе за власть, а стало быть, — в случае союза с ними — и его победа, представлялась Андропову наиболее вероятной. В этом его убеждало распределение сфер влияния в Политбюро: Кириленко, Суслов, Пономарев и Капитонов вместе курировали значительную часть партийного аппарата, всю экономику, идеологию и международное коммунистическое движение, Соломенцев — министерства Российской Федерации. А после объединения с группой Андропова в их руках оказывался также контроль над госбезопасностью и важнейшими в стране Московской и Ленинградской партийными организациями. Андропову представлялось возможным договориться и с шефом армии Устиновым о нейтралитете. Так что при будущем распределении “портфелей” у Андропова появлялись неплохие шансы стать премьером; Кириленко в этом случае становился Генсеком, Суслов, по-видимому, — Президентом; а в перспективе, учитывая его, Андропова, относительную “молодость”, можно было подумать и о том, как прибрать к рукам также “наследства” Кириленко и Суслова. Почему бы нет?! Мог же Брежнев быть и Генсеком, и Президентом одновременно!

Опираясь на силы госбезопасности и используя (по методу Алиева) коррупцию как предлог, Андропов бросает Брежневу первый вызов: начинает расследова-

ние преступлений брежневского дружка, секретаря Краснодарского крайкома Медунова. 24 июня 1982 года Медунов был смещен: "Дело Медунова" было первым очевидным поражением Брежнева: если Генсек не в состоянии защитить своего давнего приятеля, значит влияние его пошатнулось, а тогда возможности группы Черненко — сомнительны. Удар был серьезный, но не решающий. Зато следующий удар Андропова был уже направлен непосредственно против Брежнева. По андроповскому указанию КГБ открывает уголовное дело Галины и Юрия Брежневых. Небывалый случай в новейшей советской истории: обвинение брошено детям самого Генсека, людям, входящим в суперэлиту советского общества: сын Брежнева — первый заместитель министра внешней торговли, муж дочери, Чурбанов — генерал-полковник, первый заместитель министра внутренних дел. Обвинения тяжелые: валютные сделки, краденные бриллианты. Из кулуаров КГБ поползли слухи: дочь и сын Брежнева ездили в Италию и оставили там в каком-то банке миллион долларов. Сразу возникал вопрос: зачем? Ответ напрашивался: под Брежневым зашаталось кресло, Галина и Юрий планируют бегство на Запад, как только начнется разоблачение "ошибок" отца. В том, что разоблачение начнется, сомнений не было — такова советская традиция.

Спасая "честь семьи", Брежнев-младший подал в отставку "по состоянию здоровья". Но КГБ продолжает эскалацию сплетен — Галина Брежнева злоупотребляет наркотиками, она состоит в связи с артистом Бурятским (которого арестовывают 22 января по обвинению во взяточничестве и спекуляции), она причастна к грандиозным махинациям, связанным с кражей черной икры, которую продавали за границу в коробках с этикетками "сельдь атлантическая". Видного профсоюзного босса увольняют и отправляют на периферию, замминистра рыбной промышленности отдают под суд, а Галину приглашают на допросы в КГБ.

Генерал Семен Цвигун, который координировал следствие в качестве первого заместителя председателя КГБ, оказался перед сложной дилеммой: личная преданность Генсеку и святость родственных уз (он был братом жены Брежнева) требовали и побуждали прекратить дознание, служебный долг требовал его продолжать.

Андропов воспользовался сомнениями и нерешительностью Цвигуна. Он кладет на стол Суслова материалы, обвиняющие Цвигуна в попустительстве махинациям "правительственных сынков". /28/ И Суслов решает еще раз (а для себя, как окажется, в последний) спасти "чистоту" партии. Он вызвал Цвигуна для строгого, с угрозой увольнения, разговора. В этой запутанной ситуации Цвигун 18 января неожиданно и мелодраматично покончил с собой (по официальной версии — скоропостижно скончался от инфаркта). И тут перед Андроповым внезапно открылся выход из тревожившего его и казавшегося неразрешимым противоречия: как подготовить свой уход из КГБ (должность шефа тайной полиции — не самый удобный тремплин для прыжка в Генсеки) и в то же время не оставлять этот всемогущий аппарат в руках Цвигуна — человека, всем обязанным Брежневу? Этот выход ему дал Суслов. Но вслед за тем Суслов неожиданно "подвел" Андропова — вернее, "подвела" и застигла всех врасплох его смерть (через неделю после самоубийства Цвигуна), грозившая повлечь за собой лавину совсем нежелательных перемещений и смещений.

Что же произошло между этими двумя смертями, возвестившими о начале решительного сражения за власть в Кремле? Где-то между 18 и 20 января, еще до опубликования в газетах некролога Цвигуна, созывается Политбюро. Просочившиеся о нем сведения позволяют восстановить картину бурно проходившего заседания. /29/ Суслов обвинил Брежнева в злоупотреблении служебным положением. Во имя сохранения "чистоты веры" и "политической стабильности" он

потребовал, чтобы Брежнев не ставил свою подпись под некрологом Цвигуна. Черненко (или его сторонники), видимо, пытался возложить вину за самоубийство Цвигуна на Суслова. Под появившимся 21 января некрологом Цвигуна подписи Брежнева не было. Это была победа Суслова. Но он ее не пережил: в тот же день, после полудня, у него начался глубокий инсульт и через несколько дней он скончался. /30/

Смерть Суслова внесла смятение и растерянность в лагерь Кириленко, а без Кириленко у Андропова не было большинства в Политбюро. Перед Андроповым встал вопрос: как, с кем и против кого продолжать борьбу за власть? Можно было, конечно, и дальше, опираясь на силы безопасности, использовать обвинения в коррупции для устранения политических противников. Но это было рискованно.

Был и другой выход: поддержать Черненко против Кириленко. В этом был определенный смысл*. Черненко нуждался в поддержке шефа тайной полиции, так как и он без Андропова не располагал устойчивым большинством в Политбюро (Устинов, Громыко да и Щербицкий все больше и чаще склонялись к независимости и нейтралитету), которое было необходимо, чтобы сокрушить Кириленко. А не подорвав позиции Кириленко в партийном аппарате, Черненко не мог официально стать вторым секретарем ЦК КПСС. Здесь возникала объективная возможность для взаимного сотрудничества. Андропов запросил за него максимальную цену — место Суслова. Предложение на первый взгляд казалось заманчивым для Черненко. Ненавистный Кириленко выходил из политической игры. Андропов лишался чудовищно разросшейся и чрезвычайно влиятельной машины государственной безопасности,

* Неблаговидность предательства Андропова не смущала: он делал "большую политику", в которой — по советской шкале ценностей — нет места жалости и состраданию, а существуют только интересы и выгода.

которая в условиях межвластия грозила начать самостоятельно — без контроля Центрального Комитета — вращать репрессивные маховики, захватывая и перемалывая негодных ей (вернее ее шефу) партийных и государственных деятелей: — уже появлялись первые жертвы и определялись будущие. В ЦК КПСС в распоряжении Андропова оказывался более чем скромный штаб референтов, помощников и секретарей. Но в возвращении Андропова в партийный аппарат таилась и опасность для Черненко: должность секретаря по идеологии открывала для Андропова путь к верховной власти в СССР, который всегда шел через Секретариат ЦК при полном членстве в Политбюро. Андропов стал бы членом "Клуба пяти секретарей — членов Политбюро" и при этом едва ли не самым влиятельным и наиболее сильным из них: Горбачев был молод и неопытен, Кириленко — стар и не в фаворе у Брежнева. И как ни велико было желание Черненко избавиться от Кириленко, он решительно стал противодействовать перемещению Андропова из КГБ в Центральный Комитет. Но без Андропова не представлялось возможным сместить Кириленко. И в узком кругу сторонников Брежнева—Черненко (Тихонов, Горбачев, Кунаев, Пельше) было решено повременить со снятием Кириленко до осени и осуществить продвижение Черненко к власти в два этапа: на майском Пленуме ЦК КПСС утвердить его третьим секретарем ЦК, вместо Суслова, а на ноябрьском Пленуме — вторым.

Уже с февраля 1982 г. на официальных приемах и встречах Черненко занимает место Суслова между Брежневым и Тихоновым, что, согласно кремлевскому протоколу "стояния-сидения", свидетельствовало о его фактическом — еще до Пленума ЦК — превращении в И.О. секретаря по идеологии. Партийным работникам в Москве дается указание по всем вопросам пропаганды обращаться к Черненко. Но тут на пути восхождения Черненко к посту преемника Суслова становится Андропов. И на протяжении нескольких первых

месяцев 1982 года страна превращается в арену ожесточенной борьбы за власть в исконно русском стиле: с таинственными слухами и мрачными преступлениями, с неожиданными разоблачениями и загадочными смертями.

В феврале настойчиво мусируется ложная молва о смерти Брежнева. В марте просачиваются (официально не подтвержденные) подробности попытки покушения на Брежнева во время посещения им тракторного завода в Ташкенте (где над головой Генсека, якобы, обрушился пешеходный мост). В апреле по советской столице поползли рассказы о тяжелом заболевании Брежнева: одни говорили о кровоизлиянии, другие — о параличе, и все единодушно сходились во мнении, что к активной деятельности Генсек уже не вернется. В мае появились слухи, что Брежнев оправился только физически, но не психически, что он впал в детство и на спектакле пьесы Шатрова "Так мы победим" во МХАТе громко, на весь зал, закричал, в младенческой непосредственности указывая на артистов: "Узнал! Это Ленин, а это — Сталин!" За все эти месяцы Брежнев лишь трижды появлялся на экранах Центрального телевидения и всегда выглядел убогим, духовно и физически сломленным: на траурном митинге по случаю смерти Сулова стоял растерянный и усталый, на похоронах генерала Грушевого горько заливался слезами, на съезде профсоюзов лепетал что-то жалкое и беспомощное.

Не оставалось сомнений: за развенчиванием вождя, чье здоровье, как, впрочем, и частная жизнь в прошлом всегда оставалась тайной, стоит КГБ. Не без благословения тайной полиции (если не по ее указанию) в Ленинградском журнале "Аврора", в номере, посвященном 75-летию Генсека, была опубликована явная сатира на Брежнева — рассказ "Юбилейная речь" о старом "писателе", которому давно пора уйти в иной мир, чтобы воссоединиться со своими великими коллегами "по перу", а он все живет и не торопится к ним. "Трудно

поверить, что он умрет, — говорил автор. — Наверное, он и сам в это не верит.”

И еще одно обстоятельство: в течение нескольких месяцев внезапно умирают или погибают по советским понятиям молодые (каждому от 50 до 60 лет) первые секретари ЦК Якутии, Татарии, Таджикистана, председатель Совета Министров Грузии, советники Генсека Зародов, Иноземцев. И все — приближенные Брежнева. Случайность? Возможно. Но Андропов, как известно, не полагается на судьбу.

К концу февраля расстановка сил в Кремле почти полностью проясняется. Для того, чтобы стать секретарем ЦК, Андропову необходимо получить в Политбюро 7 голосов из 13. Твердо полагаться он может только на Романова и Гришина.

Впрочем, Кириленко, одинокий и растерянный, готов был поддержать Андропова без всяких условий: он люто ненавидел Черненко, был оскорблен и обижен Брежневым, отступившимся от него.

Четверке Андропова, таким образом, необходимо было три дополнительных сторонника. Никто из соратников Черненко в счет не шел (во всяком случае, пока); Тихонов, Горбачев, Кунаев, Пельше, не имевшие за своей спиной ничего, кроме благосклонности и расположения Генсека, были ему верны. Значит, рассчитывать Андропов мог только на Устинова и Щербицкого. Они были прагматиками. Под вопросом оставался Громыко.

В то же время в Секретариате ЦК Капитонов, Пономарев и Зимянин (которые, не будучи членами Политбюро, обладали большим влиянием в партийном аппарате) настаивали, что секретарь по идеологии должен быть русским — такова традиция со времен Ленина. К этому мнению склонились Устинов и Щербицкий, тяготившиеся Черненко. Таким образом в вопросе избрания секретаря по идеологии в Политбюро сложилась “нулевая” ситуация: шестеро поддерживали Андропова, шестеро — Черненко.

Обстоятельства неожиданно помогли Андропову: неожиданно тяжело заболел Пельше. И вот 22 апреля 1982 года на торжественном заседании в Москве, посвященном рождению Ленина, все разъяснилось. Все знали: с торжественной речью выступит преемник Сулова. Речь держал Андропов.

Это была речь лидера. В ней сквозь новый, необычный для политических докладов деловой и конкретный стиль (вместо общепринятого сусального обращения "дорогие товарищи" лаконичное и сдержанное "товарищи", славословие Брежневу — с чувством собственного достоинства, умеренное, ровно столько, сколько требует протокол) просматривалась главная мысль будущего Генсека: покончить с коррупцией и круговой порукой. "У советских людей... вызывают законное возмущение факты хищения, взяточничества, бюрократизма и неуважительного отношения к человеку..." /31/

Андропов был не первым, кто использовал ленинский юбилей для изобличения и критики недостатков советского общества. О недостатках говорилось и раньше на каждом торжественном совещании, но говорилось мягко, деликатно, осторожно. За год до Андропова — 22 апреля 1981 года — в речи Черненко это звучало так: после полуоптимистического выступления ("Сейчас в стране продолжается разъяснение решений XXVI съезда. В целом оно ведется неплохо...") шло полуизвинительное, мимоходом и вскользь признание ("В жизни соседствует хорошее и дурное, наряду с успехами бывают и неудачи.") /32/

У Андропова: "Не столь важно, перешли ли недостатки в сегодняшний день из прошлого или они заносятся к нам из-за рубежа... Раз такие явления есть... борьба с ними — долг каждого коммуниста, каждого гражданина." /33/ Это заявление прозвучало чуть ли не как будущая социальная программа, явно выходящая за рамки собственно идеологии.

В промежуточный период — с апреля по май, до Пле-

нума ЦК КПСС — Черненко продолжает курировать пропагандистскую работу, хотя все сильнее ощущает на себе давление со стороны КГБ. Политбюро принимает постановление об усилении партийного контроля над литературой и печатью с целью “положить конец нездоровым тенденциям в изображении советской действительности”. По глухим отголоскам в советских газетах становится очевидным, что принято решение “перестроить” всю литературную деятельность в СССР*. Начинается наступление на музыку, театр, усиливаются нападки на эстраду, подвергаются критике западные фильмы.

Не ясно, была ли эта кампания идейного “подморозивания” отражением взглядов самого Андропова или он просто использовал ее, чтобы проложить себе кратчайший путь в ЦК. Несомненно, Андропов, не желая из-за какого-нибудь неверного шага упустить плывущую ему в руки должность секретаря по идеологии, решил вне зависимости от своих убеждений и будущей политической линии проявить надлежащую суровость: она не могла оказаться чрезмерной, так как устраивала и других членов Политбюро, которые стремились ликвидировать все очаги духовного сопротивления накануне заключительного этапа борьбы за власть. И все

* В августе в советских газетах публикуется постановление ЦК КПСС “О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства”, в котором:

отмечается, что в СССР “печатается немало произведений, слабых в художественном отношении, страдающих мелкотемьем”,

говорится, что писатели “обнаруживают мировоззренческую путаницу, неумение рассматривать общественные явления исторически, с четких классовых позиций”,

деятели литературы призываются “совершенствовать связи с трудовым коллективом”,

писательским организациям и коллегиям журналов вменяется в обязанность разрабатывать тематику, “связанную с курсом КПСС”. (“Литературная газета”, №31, 4 августа, 1982 г.)

же за несколько дней до Пленума Андропов чуть было не утратил шансы прорваться в ЦК : у Кириленко случился тяжелый сердечный приступ. И на состоявшемся 20 мая Политбюро вместо 13 членов присутствовало 11. Андропову необходим был дополнительный сторонник. Совершенно неожиданно для всех (но не для Андропова) на его сторону перешел Громыко. И Андропов стал секретарем ЦК.

24 мая Пленум ЦК формально утвердил избрание Андропова. Но перед этим на Политбюро возникли острые противоречия в связи с назначением нового Председателя Комитета Государственной Безопасности. Брежнев и Черненко хотели видеть на этом посту преданного им Цинеева. Андропов настаивал на кандидатуре Чебрикова, своего заместителя, который был лично предан ему, хотя и поднялся из "днепропетровского клана", Устинов, выступив от имени армии и напомнив о необходимости сохранения спокойствия в стране, воспротивился переносу дискуссии на Пленум ЦК. В итоге было достигнуто соглашение: ни один из членов Политбюро не должен контролировать тайную полицию. В кресле Председателя КГБ оказался Федорчук — кадровый чекист, многие годы возглавлявший государственную безопасность Украины. Он, в отличие от Цинеева и Чебрикова, не был членом ЦК и не мог вмешаться в борьбу за власть*, которая в последние месяцы полностью определила политическую жизнь Москвы. Возвращение Андропова в ЦК было серьезным политическим ударом по Брежневу. Становилось очевидным, что Андропов расколол Политбюро и самостоятельно идет к власти; не возражая получить ее в каче-

* Партийный статус в СССР важнее (и выше) положения в государственном аппарате. 24 сентября на аэродроме Внуково, в Москве, Брежнева, улетающего в Баку, провожала вся советская элита. В опубликованном списке провожающих имя заместителя председателя КГБ стояло впереди фамилии председателя: Цинеев был членом ЦК КПСС, а Федорчук — нет. (см. "Огонек", №38, 1982 г.)

стве официального преемника, он готовился в случае надобности взять ее силой — вопреки воле Брежнева.

Важным, а, может быть, и решающим, фактором в борьбе за "престолонаследие" становится время. Казалось, оно работает на Андропова: к осени 1982 года он все еще сохраняет большинство в Политбюро. Перелом происходит в октябре. Сторонникам Черненко каким-то образом удается расправиться с Кириленко (возможно, в состоянии здоровья Брежнева произошло улучшение — он вновь начинает показываться на приемах, выступает, дает интервью, — и кое-кто из сторонников Андропова, проявив малодушие, счел за лучшее уступить Генсеку, не вступать с ним в конфронтацию). Кириленко выводят из Политбюро и Секретариата ЦК. Низложение происходит на заседании Политбюро в понедельник 4 октября. Эта дата подтверждается тем, что еще в воскресном номере "Правды" от 3 октября подпись Кириленко стояла под некрологом члену ЦК Ивану Соколову, а под опубликованным в "Правде" во вторник 5 октября соболезнованием первому секретарю Татарии Мусаеву подписались все члены Политбюро, кроме Кириленко. Фотографии и портреты Кириленко изымаются из "портретной галереи" членов Политбюро, на его место выставляется новый второй секретарь ЦК Черненко — он был выбран на эту должность на том же заседании Политбюро, 4 октября. Формально о снятии Кириленко и назначении Черненко решено было объявить на Пленуме ЦК в ноябре. Но партийная пропаганда не ждала. В Москву в те дни, как обычно, съехались многочисленные делегации: Южного Йемена, Вьетнама, Лаоса, Эфиопии — и неизменно на переднем плане всех фотографий мы видим Черненко: он встречает, принимает и сопровождает гостей. Происходили важные государственные переговоры с президентом Кипра, с Генеральным секретарем ООН — и Черненко стоял и сидел по правую руку от Генсека. Брежнев получает орден Республики Йемен — Черненко по-хозяйски рас-

положился в центре торжественной церемонии, между правителем Йемена и Генсеком; Брежнев вручает ордена экипажу очередного космического корабля, и единственный из членов Политбюро, который при этом присутствует — Черненко. /34/

И нигде: ни на торжественных приемах, ни на деловых переговорах, ни на официальных встречах — не появляется Андропов. Так, его не было в свите провожающих Брежнева 24 сентября в Баку, а там собрались все члены Политбюро и секретари ЦК, проживающие в Москве.

В эти месяцы влияние Черненко продолжает расти /35/. Для подготовляемой им смены власти важное значение, видимо, имело неожиданно, необычно и поспешно созванное 27 октября в Москве совещание советской военной верхушки. Для внешнего мира причину совещания Брежнев объяснил "обострением международной обстановки, политическим и идеологическим наступлением США на социализм" /36/, однако истинная причина приглашения в Кремль более пятисот командующих всех родов войск, руководящих политработников и начальников штабов и округов была иной. Брежнев решил вновь, как это уже бывало в прошлом (в 53-м — после смерти Сталина, в 57-м — для расправы с антипартийной группой, в 64-м — для низвержения Хрущева) ввести армию в политическую игру. На этот раз ставка на армию делалась через голову министра обороны, проявившего нелояльность к Генсеку. В свете этого, заявление Брежнева о том, что он с большим удовлетворением принял предложение Устинова "о встрече с руководящим составом вооруженных сил", следовало понимать, как: "Я дал указание собрать вас для встречи со мной — Генеральным секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Оборона".

Брежнев и Черненко хотели вбить клин между кадровыми офицерами и Устиновым — маршалом по воле партии, первым министром обороны, назначенным не из генералитета, а из числа номенклатурных работни-

ков партийного аппарата. Отсюда — широкие реверансы армии (“Советские вооруженные силы являются главным фактором мира”) и обещания генералитету оснастить армию самым совершенным оружием и военной техникой (“Центральный Комитет партии примет все меры к тому, чтобы удовлетворить все нужды вооруженных сил”). И в заключение, чтобы ни у кого — ни в зале заседаний, ни вне Кремля — не оставалось сомнений, кто командует парадом, кому должна подчиняться армия, Брежнев сказал: “Устинов постоянно докладывает мне о состоянии наших Вооруженных Сил. Я... по долгу своей работы постоянно занимаюсь вопросами укрепления Армии и Флота”. /37/ Брежнев, которому оставалось жить всего 13 дней, несколько часов подряд простоял на трибуне, усталый, измученный болезнью. Но с ролью он справился, хотя говорил с трудом, с тяжелой одышкой, мучительно ворочая языком. То была роль в спектакле, поставленном Черненко. Тот факт, что именно Черненко был автором и режиссером пьесы, а Брежнев — только исполнителем, прояснился на следующий день, 28 октября, когда по указанию Черненко (в этом мог быть заинтересован только он) ТАСС распространил фальсифицированную фотографию, изображавшую членов Политбюро в президиуме совещания военачальников 27 октября в Москве. На этой фотографии, как и положено, Брежнев на трибуне, а на втором плане — небольшая, но многозначительная перемена: на том месте, где должно находиться пустое кресло Брежнева, — Черненко, стоящий в центре между Андроповым и Устиновым. Это был намек в помощь тем, кто пытался предугадать “наследника Брежнева”.

Этот фальсифицированный снимок поместили “Правда” и “Известия” — газеты ЦК КПСС и советского правительства. “Красная звезда”, издаваемая Министерством обороны, опубликовала подлинную фотографию, которая изображала Брежнева на трибуне, а позади него — ряд президиума с пустым креслом

Брежнева; справа от кресла сидит Черненко, слева — Устинов*.

Историю "двух фотографий" следует, видимо, рассматривать как отражение изменившейся расстановки сил в Кремле. "Акции" Андропова, надо полагать, упали настолько, что он, ответственный за пропаганду и идеологию, то есть, по существу, за все издания и публикации в стране, не в состоянии был противодействовать фальсификации. Но Устинов, сохраняя верность Андропову, посмел бросить вызов Черненко, дав указание опубликовать в "своей" газете подлинное фото.

Между тем Черненко продолжал осуществлять свой политический сценарий. Брежнев сделал то, что от него требовалось: оттеснил Устинова, заручился (как ему хотелось верить) поддержкой армии; теперь Черненко нужно было внести некоторые коррективы в программу, изложенную в брежневской речи: в его планы никак не входила конфронтация с Западом в переходный период межвластия. В речи Брежнева не упоминалось о разрядке, мирном сосуществовании, не говорилось о разоружении — цель у него была иной, да и генералы сочли бы неуместным разговор о таких пропагандистских пустяках. И Черненко решил воспользоваться своей поездкой в Тбилиси, чтобы успокоить мировое общественное мнение. Умеренный характер политических заявлений Черненко в столице Грузии должен был засвидетельствовать его стремление избежать чрезмерной гонки вооружений в случае, если он возглавит

* См. газеты "Правда", "Известия" и "Красная звезда" от 28.10.1982. Фотомонтаж угадывается легко: на подлинном снимке Черненко сидит под бюстом Ленина, на поддельном — резко, чуть ли не на метр, сдвинут вправо, к виднеющейся за ним колонне. Предположение о том, что советские лидеры, вставая, сдвинулись со своих мест, приходится отставить, ибо в газетах восточно-европейских государств и стран Запада советские руководители изображены стоя, но между ними отчетливо и ясно просматривается пустое место, где стоит кресло Брежнева. (См. также "Руде Право", 28 октября 1982, "Новое русское слово", 29 октября 1982 г.)

советское руководство. Черненко рассчитывал, что его, не столь агрессивный, как у других партийных лидеров, тон расценят на Западе, как личную готовность "смягчить напряженность в советско-американских отношениях", и как готовность вступить в "деловые и детальные переговоры с учетом интересов обеих сторон". /38/

Черненко выступал 20 октября. До ноябрьского пленума Центрального Комитета оставалось две недели, до торжественного заседания, посвященного 60-летию образования СССР, на котором намечалась смена власти, — 50 дней.

2 ноября Брежнев — вне всякой юбилейной даты — вручил председателю Совета Министров Тихонову высшую советскую награду. Это не было неожиданностью: новое руководство во главе с Черненко должно было предстать перед народом (а еще важнее перед партиократией), как умудренное опытом, заслуженное, облеченное доверием партии.

Обращаясь к награжденным, "видным деятелям государства, выдающимся представителям рабочего класса и науки" /39/ (так они представлены советской прессой), Брежнев сказал: Тихонову вручается Орден Ленина и вторая Золотая медаль Героя Социалистического Труда за "большие заслуги в укреплении экономической мощи" (дается понять: советский премьер — блестящий организатор, проделывающий громадную работу в народном хозяйстве. Значит, ему можно довериться, на него стоит положиться). И далее: "...За укрепление оборонной мощи" (следовательно, ему, а не Устинову, советская армия обязана своими достижениями). И чтобы не оставалось сомнения в деловых качествах Тихонова, Брежнев отметил его "богатый опыт", "редкостную работоспособность", "самоотверженность в труде". И заключил высшей оценкой: "Я хорошо знаю его не один десяток лет". /40/

7 ноября Брежнев появляется на Красной площади. Три часа выстоял на мавзолее — при морозе, на силь-

ном ветру; вечером в последний раз произнес короткую речь в Кремлевском Дворце. Спустя 2 дня он умер (10 ноября между 8 и 9 часами утра) "от внезапной остановки сердца", как сказано в медицинском заключении. И тут происходит явление, неожиданное даже для СССР. В тот же день — тело еще не привезли в Дом Союзов для последнего прощания, и похороны ожидалось спустя несколько дней — созывается экстренное заседание Политбюро. Оно заседает весь день, и только на завтра, когда оно закончилось, и Андропов был назначен Генсеком, ТАСС объявил о кончине Брежнева.

Избрание Андропова произошло с такой быстротой, что есть основания говорить о "партийном перевороте". Судить в подробностях и деталях о том, что произошло в Политбюро в ночь с 10-го на 11-ое, очень трудно — заседание окутано тайной и ложью. Но стало известно: Черненко выдвинул в Генсеки премьер-министра Тихонова. Тихонов, сославшись на преклонный возраст (77 лет), дал самоотвод и предложил кандидатуру Черненко. Все представлялось и выглядело пристойно и убедительно: второй человек в государстве рекомендует второго человека в партии. Тихонов упомянул Брежнева ("Черненко сформировался под впечатляющим воздействием личности Леонида Ильича"), теперь его именем и памятью он пытался провести в Генсеки его наследника. Но "русский блок" не захотел "второго Брежнева". Этот блок еще не оправился от унижений последних месяцев, когда Черненко и Тихонов, доминируя под покровительством Брежнева, почувствовали себя хозяевами в Политбюро. Пережитый страх, открыто проявленная слабость, попранная гордость, оскорбленное самолюбие — все это придало им силу и решимость отчаяния. Они потребовали — Устинов, опираясь на армию, Гришин от имени партийного аппарата столицы, Романов, Громыко, Щербицкий, апеллируя к сложной международной обстановке и тяжелому экономическому положению, — избрания Анд-

ропова ("Страна нуждается в руководителе с новыми взглядами, с незаурядным опытом"). Мнения разделились, и Андропов был утвержден Генсеком лишь с незначительным перевесом голосов (по одним сведениям 6 против 5, по другим — 6 против 4 при одном воздержавшемся — Горбачеве; Кириленко и Пельше отсутствовали) /41/.

Состоялся второй тур голосования, и в соответствии с "ленинскими нормами партийной жизни" (потерпевшие поражение обязаны поддержать победителя: партийный аппарат заботился о сохранении "единства и монолитности") Андропов был избран "единогласно". А Черненко было поручено на основе тех же "ленинских принципов" от имени Политбюро рекомендовать Пленуму ЦК утвердить избрание его соперника Генеральным секретарем.

В этих условиях Черненко пришлось подчиниться требованию Политбюро. Но с тем большим упорством и настойчивостью он и его сторонники решили дать "бой" на заседании членов ЦК. Однако, и там они потерпели неожиданное поражение. На Пленуме, так же как и на Политбюро, Андропов в первом туре выборов "прошел" с незначительным перевесом голосов, а при повторном голосовании был утвержден единогласно.

Свидетельства развернувшейся в Политбюро и на Пленуме борьбы за власть просматриваются в формулировках "Информационного сообщения с Пленуме ЦК", в докладах Андропова и Черненко и в разночтениях русского и английского текстов Коммюнике о Пленуме, переданных ТАСС.

В "Информационном сообщении", опубликованном в советской прессе, отмечается, что Андропов выступил на Пленуме дважды: открывая заседание, сделал доклад и, закрывая Пленум, произнес речь. /42/

Это — явное отступление от партийного протокола. В обычных обстоятельствах Пленум открыл бы председательствующий, затем он представил бы слово наибо-

лее почтенному и заслуженному члену Политбюро, — хотя бы тому же Черненко. И лишь затем, после избрания, надлежало выступить новому Генсеку. Но Андропов не мог рисковать: обстановка на Пленуме обещала быть сложной, и исход голосования представлялся проблематичным. И Андропов, опираясь на большинство в Политбюро, решил вести заседание сам: он — председатель, он — и кандидат в Генсеки. В его обращении к членам ЦК: “Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря... Прошу товарищей высказаться по этому вопросу” — угадывается не просьба и даже не предложение, а требование. “Высказаться” в контексте советского языка означает — безоговорочно поддержать, покорно и бездумно следовать за рекомендациями “сверху”.

Отзвуки еще не замолкнувшего, непогасшего сражения, горькой обиды и грозного предостережения слышны в речи Черненко, хотя не может быть сомнения, что предложенный для публикации в газетах вариант его выступления был тщательно отредактирован, смягчен, ослаблен и заглушен. Рассказ о Брежневле для него повод для собственного восхваления, и он ставит в заслугу себе, а не Андропову, что имел счастье “быть рядом с Леонидом Ильичем, слушать его, воочию ощущать остроту ума, находчивость, жизнелюбие”.

Черненко дает понять: нет достойного преемника Брежнева; если не он, то никто не способен “восполнить урон, который причинила кончина Леонида Ильича”. Он напоминает Андропову, что нормами жизни при Брежневле были “уважение к кадрам”, требует “беречь и развивать этот стиль руководства” и провозглашает: “Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно”. В этой фразе — предостережение Андропову: не пытаться навязать Политбюро свою волю. И тут же совет: если он хочет сотрудничества и спокойствия, необходимы “дружная, совместная работа во всех партийных организациях”. /43/ И совсем не случайно, выдвигая Андропова по поручению Политбю-

бо в Генсеки, Черненко заметил, что на Политбюро Андропов был избран "единодушно", но не "единогласно" (как это было сказано в "Информационном сообщении о Пленуме ЦК КПСС"). /44/

Примечательно наконец расхождение в русском и английском варианте выступления Черненко. В тексте, опубликованном в советских газетах, сказано, что ему, Черненко, было "поручено" выдвинуть кандидатуру Андропова на пост Генсека. Такое объяснение мотивов выдвижения Андропова создавало (могло создать) впечатление, что Черненко действовал против своей воли, вопреки желанию. Поэтому в английском варианте появляется выражение "мне доверили", в котором отчетливо и ясно проявляется глубокое согласие и полная поддержка Черненко решения Политбюро. /45/ И единственный, кто "посмел" (разумеется, дело здесь не в гражданском мужестве, а в партийном заказе: кому-то в ЦК — не Андропову ли? — необходимо было слегка приподнять тайную завесу закулисных событий) осторожно осветить и прокомментировать противоборство, происходившее на Пленуме, это — главный редактор "Правды", профессор Афанасьев. Он признался: "Черненко имел возможность унаследовать Брежневу" (значит, был весьма близок к этой цели), но "многие исполненные чувства ответственности товарищи избрали Андропова" (следовало понимать — все сторонники Черненко лишены этого чувства. Впрочем, ничего удивительного: тот, кто выступает против Генерального Секретаря, пусть даже потенциального, и проигрывает, подлежит отлучению из партии. Вопрос только, когда и каким будет наказание). Но это полупризнание сделано для Запада — в беседе с японскими журналистами. /46/ А для советских людей, для взоров общества борьба в Кремле проходила скрыто и недоступно. Она и в самом деле существенно отличалась от всего, что было в прошлом. Ленин умер, предостерегая против Сталина. Смерть Сталина казалась шоком, грозившим перерасти в национальную истерику. Хрущев пал, осме-

янный, в позоре. Переход власти после Брежнева произошёл почтенно и эффективно. В Москве научились достойно и спокойно расставаться со своим прошлым. В СССР появился новый лидер — человек, который, как надеялись, сумеет пробудить страну от социального паралича, экономического застоя и духовной окаменелости. Началась эра Андропова.

Брежнев на трибуне мавзолея Ленина за три дня до смерти.

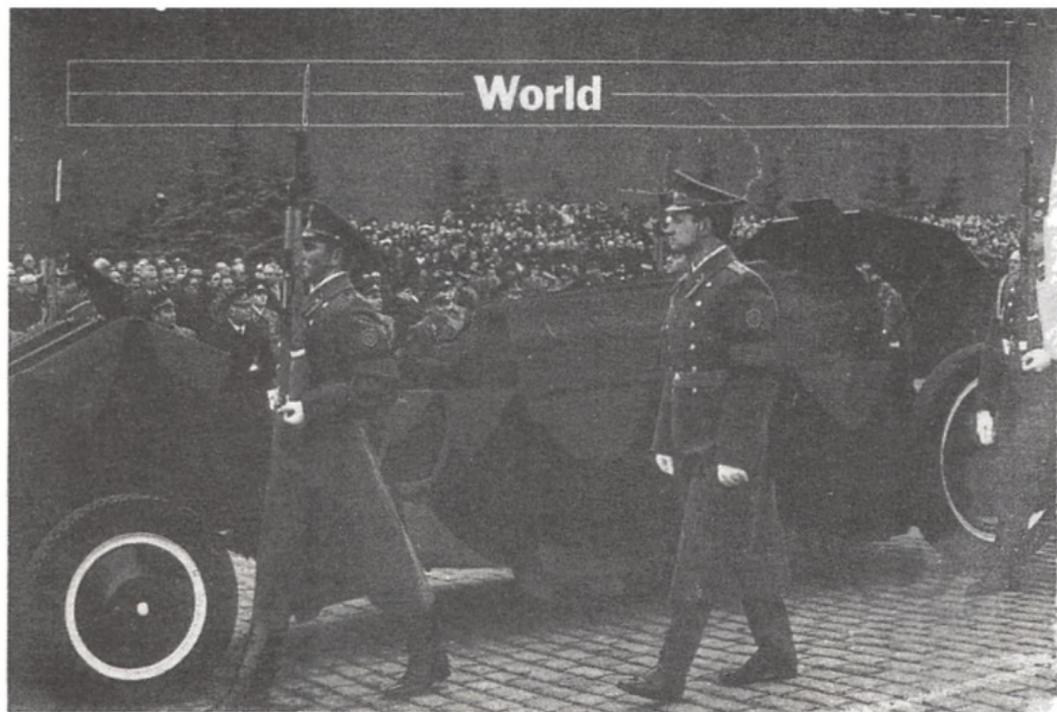

У гроба Брежнева: руководитель московских коммунистов Виктор Гришин, Генеральный секретарь

ЦК Юрий Андропов, председатель Совета Министров СССР Николай Тихонов.

Ярузельский, Кастро, Кадар и Арафат в Москве в дни похорон Л. Брежнева.

Члены Политбюро (слева направо) Н. Тихонов, Ю. Андропов, К. Черненко сопровождают гроб с телом Л. Брежнева.

У ВЛАСТИ

Если сделать снимок с 2-х негативов — Политбюро Брежнева и Андропова, наложенных один на другой, изображение окажется слегка смазанным, смещенным, раздвоенным в деталях, но фотография не будет восприниматься как созданная из различных снимков — человеческий “материал” на них окажется общим или очень похожим.

У ВЛАСТИ

12 ноября 1982 года начался отсчет "эры Андропова" в Кремле. Впоследствии, возможно, будут говорить о первой, третьей, пятой и т.д. годовщине его правления. Но уже в свой первый день у власти Андропов вел себя с большим тактом опытного и искусного государственного деятеля и производил впечатление человека сильного и рассудительного. В Москве была разработана сложная процедура похорон — с грандиозными почестями, с яркой процессией генералов, с солдатами, застывшими у лафета с гробом Брежнева, с батальонами различных родов войск, гусиным шагом проходящими мимо мавзолея. Оркестр играл марш Шопена. Все было респектабельно, солидно, чинно, как... на параде.

Вечером в великолепном Георгиевском зале Андропов принимал гостей — глав государств, премьер-министров, принцев. Он сдержанно, без особой теплоты, приветствовал посланников коммунистических стран Восточной Европы, прохладно обменялся несколькими фразами с Бабраком Кармалем, наспех — с Фиделем Кастро и, задержавшись возле министра иностранных дел Китая Хуанг-Хуо, приветливо пожал ему руку и радушно побеседовал с ним несколько минут. Он сердечно встретил Индиру Ганди, с достоинством при-

ветствовал делегацию США. Обращала на себя внимание самоуверенность нового Генсека и его умение владеть собой. Назавтра и еще спустя несколько дней Андропов принял вице-президента США Д.Буша — разговор шел об Афганистане, о правах человека, о переговорах в Женеве. Андропов внимательно слушал, не снисходя до дискуссий, давая возможность американцам оценить его и сам приценивался к ним. Он встретился с китайским министром — разговор шел о нормализации отношений между двумя странами, пригласил для беседы правителя Пакистана Мухамеда Зиа и выразил осторожный оптимизм в вопросе улучшения отношений между двумя государствами.

Завязка спектакля, поставленного Андроповым с эффектной сменой политических декораций и тонкими психологическими мизансценами, спектакля, первое действие которого было разыграно на Красной площади, а второе — на подмостках Кремля, так заинтриговала западных комментаторов, что они начали поспешно запускать в международное обращение неожиданные и рискованные предположения о личности нового советского лидера. Многие выражали надежду, что с ним можно будет договориться о новом политическом курсе России, что эпоха стагнации заканчивается, что грядут реформы, что в отношениях с Западом Андропов проявит гибкость и стремление к миру. Система рассуждений была приблизительно такова: у советского руководителя хорошие манеры, следовательно — он не догматик; он говорит по-английски, значит — понимает Запад; он интеллигентный человек, стало быть — либерал. Вот краткий список скороспелых надежд, прямо следующих из этой схемы: возможное соглашение о советско-китайской границе (не случайно же Андропов был подчеркнута внимателен к китайскому министру); быстрое и благополучное разрешение афганского кризиса (как иначе объяснить встречу с президентом Пакистана?); и наконец — долгожданная оттепель в советско-американских отношениях (он

же воспитанный человек и не может не оценить добрую волю Рейгана, отрядившего в Москву столь представительную делегацию). Андропов и в самом деле усердствовал, и его игра (в лучших реалистических традициях системы Станиславского) убеждала всех в его доброй воле, в поисках нестандартного подхода к мировым проблемам, создавала впечатление, что с ним можно договориться, что он и только он в советском руководстве открыт для смелых идей и решений. А чтобы не оставалось сомнений, в Москве был параллельно срежиссирован еще один акт спектакля — “Андроповский иллюзион, ноябрь 1982 года”. Главный герой был тот же, во второстепенных ролях выступили Корниенко и Арбатов.

На следующий день после “доброжелательной”, “искренней” и “откровенной” беседы Андропова с Бушем первый заместитель министра иностранных дел СССР Корниенко неожиданно выступил на обеде в честь американских бизнесменов, приехавших в Москву, с острой критикой политики США. Он иронизировал над вашингтонской администрацией, которая отвергает советские предложения, “не читая их”, осуждал санкции в торговле, отвергал отказ от ратификации СОЛТ-2, высмеивал американские социальные порядки: “Что лучше — иметь демократию, где все работают, или такую, где 10% безработных?” Ему вторил Арбатов, советник, доставшийся новому Генсеку по наследству от Брежнева, — он назвал заботу американского правительства о правах человека “лицемерной”, обвинил США в расизме, сославшись на уничтожение индейцев, и заключил угрожающе: “Мы не платим изменением нашего общества за отказ от санкций!”. /47/

Это лицедейство, обращенное ко всему свободному миру, должно было убедительно продемонстрировать, что положение Андропова проблематично, что у него недостаточно сторонников в государственном аппарате. А поэтому Западу надлежит (в своих собственных интересах) проявить максимум терпимости и уступчи-

ности. Сюжет не оригинальный, но обыгрывался в начале 60-х годов Хрущевым, а позже Брежневым: не следует перечить благородному, хоть и несговорчивому сегодняшнему Генсеку — договориться с завтрашним будет еще труднее.

Андропов полагал, что ничем не рискует: в политическом спектакле, как и во всяком другом, правда искусства не обязана соответствовать правде жизни — этот принцип режиссуры Станиславского он прекрасно усвоил. Выигрыш же в случае успеха стоил затраченных усилий. Противники в Политбюро были растеряны и подавлены. И Андропов, еще до Пленума ЦК, то есть до своего юридического утверждения в статусе Генсека, не включает в комиссию по организации похорон (председателем которой он, конечно, был) неугодных ему секретарей ЦК Русакова и Долгих; не дает произнести на похоронах траурные речи ближайшим соратникам Брежнева — заместителю по партии Черненко, заместителю по Президиуму Верховного Совета Кузнецову, главе правительства Тихонову. На похоронах получают слово те, кто символизирует и представляет "новый порядок" в Кремле: Андропов, Устинов — и дежурные статисты: президент Академии Наук, партийный работник с Украины, рабочий.

Но неожиданно для Андропова придуманная им для мистификации Запада легенда о борьбе за власть, которая, якобы, еще не завершена, из спектакля оборачивается реальностью. Андропов был главным действующим лицом в изощренной церемонии похорон Брежнева, он оставался главным в Политбюро, где большинство принадлежало его сторонникам, — однако, сторонники оказывали Андропову лишь ограниченную поддержку, не желая позволить ему сосредоточить всю полноту власти в одних руках.

Характер силы Генсека в СССР прямо пропорционален степени слабости, то есть подчиненности ему, и несамостоятельности членов Политбюро. Устинова, Громыко и К°, несомненно, устраивал тот факт, что

именно их ставленник наследовал Брежневу. Но чтобы сохранить свои привилегии и особое положение в Политбюро, им чрезвычайно важно было регулировать и определять партийный авторитет и социальный престиж нового Генсека в соответствии со своими ежеминутными амбициями и интересами. Они видели свою задачу в поддержании деликатного баланса: не позволять Генсеку чрезмерно возвыситься (что грозит потерей влияния на него), но и не допускать полного крушения его авторитета (ибо только опираясь на него, они могли реализовать свои честолюбивые замыслы). Короче, отдавая в руки Андропову штурвал власти, его сторонники стремились сохранить приводные ремни этой власти в своих руках. И здесь возникало противоречие между субъективными стремлениями соратников Андропова ограничить его правление жесткими политическими рамками и объективно заложенной в статусе Генсека тенденцией к универсализации власти.

Источник и основа силы Генсека — Политбюро и Секретариат ЦК, и Андропову необходимо было гарантированное, устойчивое большинство и там, и там. Для этого ему в одинаковой мере следовало избавиться и от тех, кто провел его в Генсеки, и от тех, кто противодействовал его восхождению на вершину партийной пирамиды. От первых зависит он, вторые зависят от него. Эта двойная система зависимости является препятствием для его превращения в "первого среди неравных" в Политбюро. Его зависимость от других ограничивает его свободу действий, зависимость других от него таит в себе потенциальную угрозу его власти. Важно, чтобы членами Политбюро были люди, лично ему всем обязанные, — Андропов стремится к этому, как стремились все его предшественники. Разумеется, и это не гарантирует стабильности и не исключает опасности заговора. Но путь от верности к предательству растянут на годы, необходимые для завершения цикла эволюционных превращений, обычных для партийного работника в СССР: ученик — помощник — по-

следователь — коллега — соратник — соперник — противник. Именно длительность всех этих процессов оказывается теперь главной проблемой Андропова.

Сталину для замещения большинства членов Политбюро понадобилось 15 лет, — но он не торопился, так как стал Генсеком в 43 года. Хрущев возглавил партию на грани пенсионного возраста — в 59 лет — и вынужден был провести этот процесс вдвое быстрее — за 7 лет. Брежнев, который пришел к власти, будучи всего на год моложе Хрущева, правил гораздо дольше и мог позволить себе “очищать” Политбюро дважды, заполнив его сперва “днепропетровским кланом” (1969—72 гг.), а затем — “молдавской мафией” (1977—80 гг.). Андропов же оказался в совершенном цейтноте: скоро ему исполнится 70 — самое время подумать о наследнике, а ему лишь предстоит растянутое на годы утверждение у власти. Следовательно, ему необходимо еще плотней “спрессовать” период обновления Политбюро — до двух, в крайнем случае, — трех лет. Удастся ли ему это — зависит от фактора, который в прошлом как-то не учитывался при оценках расстановки сил в Кремле — здоровья как самого Андропова, так и его коллег — сторонников и противников.

Исходные данные Андропова кажутся утешительными: на фоне геронтократов Кремля он вовсе не стар, чуть ли не молод. Тихонову — 78, Устинову — 75, Громыко — 74 и даже Черненко — 72. Но физическое увядание или смерть членов Политбюро, как и простых смертных, не полностью определяется возрастом. Если, однако, болезни пощадят Андропова или врачи его окажутся достаточно искусными, он уже через несколько лет, без борьбы, просто в силу естественных причин, получит возможность “нафаршировать” Политбюро своими людьми. Главная его проблема — проблема выбора: какой человеческий материал использовать на “фарш”? Сталин, как известно, не терпел в своем окружении людей выше его ростом, Хрущев — интеллигентных, Брежнев — молодых. Андропов не терпит профес-

сиональных партийных работников. Он утратил к ним уважение и доверие, работая в тайной полиции, где на практике познакомился с их абсолютной профессиональной непригодностью, неполноценностью, дилетантством, духовной нищетой, лицемерием, продажностью и нечистоплотностью.

В поисках соратников Андропову, несомненно, придется обратиться к своему прошлому — к опыту работы в органах госбезопасности. Там он может найти кадры для реконструкции партийного аппарата по своему вкусу — сотрудников менее развращенных и более послушных. Эта перекачка кадров из КГБ в партийные организации (по апробированному в 70-х годах в Азербайджане рецепту Алиева) уже началась: сначала в центральные, затем в периферийные и, наконец, в государственные. Постепенно в СССР в верхней части правительственной пирамиды сложится и оформится "чекистская надстройка". И всевластие партии заменится олигархией государственной безопасности.

В сущности, уже сегодня КГБ стал на деле выполнять роль "боевого отряда партии" /48/. Об этом объявил Федорчук, недавно перемещенный шеф КГБ. Суть этого определения станет ясна, если иметь в виду, что выражение "боевой отряд" (как и его вариация — "авангард") в советском языке традиционно закреплено за коммунистической партией, которая в марксистском толковании является "направляющей, руководящей, организующей, сознательной силой общества", так что, перенеся понятие "боевой отряд" на государственную безопасность, Андропов устами Федорчука, — так удобнее, — провозглашает КГБ "направляющей, руководящей, организующей, сознательной" силой партии.

Полицейское государство получит полицейское же оформление. Андропологизация — или кагебизация — режима является, в сущности, последней исторической попыткой сохранить партократическую диктатуру. Но

в этой попытке таится и определенная опасность для коммунистической системы.

Сотрудники тайной полиции будут все больше заполнять различные ячейки общества, а полицейская субстанция режима — и в этом парадокс — не станет больше. Во внутренней структуре государства произойдут передвижения и смещения элитарных сил. КГБ, как институт власти, ослабеет: он окажется под давлением и контролем чекистских групп, переданных им партийному аппарату и интегрированных этим аппаратом в соответствии с его сущностью и потребностями. Предсказать при этом, усилится ли роль тотального террора в обществе или ослабнет, — невозможно.

Рекрутируемые из тайной полиции в партийную систему функционеры, не прошедшие фундаментальной идеологической обработки, более информированные и менее подверженные пропагандистскому прессу, чем их коллеги — ортодоксальные партийные работники, могут начать отходить — сперва в мышлении, а позднее в государственном управлении и регулировании — от омертвевших, а вернее мертворожденных постулатов и догм коммунизма.

Это развитие может быть эволюционным, растянутым на десятилетия, а может, под давлением определенных социальных катаклизмов в СССР, произойти скачком, если заполнившие партократию чекистские кадры взорвут систему изнутри. При этом следует отметить: прогнозируемая деформация советского общества — не единственно возможная, но весьма вероятная, если андрологические тенденции в нем оформятся и сохранятся. А пока что, предполагая изменения режима в перспективе его развития, проектируемая нами модель социальных изменений советского общества сосуществует с реальной действительностью как цель, ждущая своего осуществления в будущем. И вот здесь — в вопросе о реализации советской системы из возможности в действительность — проявляется открытый Марксом закон (должен же хоть в чем-то науч-

ный коммунизм проявить себя!) о противоречии между "исторически необходимым требованием и практической невозможностью его осуществления".

В то время, как политическое реконструирование, намечаемое Андроповым, может привести к перерождению советской системы в соответствии с описанной выше схемой, инерция партийной автократии, влияющая на расстановку сил в Политбюро, будет, напротив, способствовать консервированию существующих в Советском Союзе порядков. Андропологизация системы, таким образом, хоть и заложенная в ней потенциально, может при известных условиях осуществиться, а может и не осуществиться, если превращение Андропова из "первого среди равных" в "первого среди неравных" в Политбюро окажется сомнительным или проблематичным.

Если все же есть надежда на существенные и глубокие социально-политические изменения советского общества, наиболее вероятным их катализатором может быть именно андрологизация системы. Классический переворот "сверху" в СССР исключен: государственно-партийный аппарат инфильтрован службой безопасности и находится под ее полным контролем. Военный путч — маловероятен: армия на всех уровнях скована партийно-политической паутиной осведомителей и надзирателей. Но при этом возможности самого КГБ ограничены — как контролируемой им партией, так и запуганной им армией. При попытке сил государственной безопасности высвободиться из партийных сетей, которая была предпринята в 1953 году Берией, на них обрушился сокрушительный удар армии, оставившей на организационной структуре раны, которые только-только зарубцевались стараниями Андропова. И попытка эта никогда не будет забыта ни той, ни другой стороной.

Сила и слабость партии, государственной безопасности и армии, их органическая взаимозависимость и взаимонеобходимость создали в СССР троевластие, на

базе которого существует и утверждается тоталитарный режим. /49/ Положение изменится при андропологизации системы: под партийной оболочкой окажется чекистская структура, которая сумеет, поначалу без особых усилий, ввиду общности взглядов и интересов, подчинить полицейскую машину, а затем — армию. Всесторонняя и всеобъемлющая кагебизация режима может завершиться ослаблением роли партийного аппарата.

История современного коммунизма была уже однажды вынуждена пойти на радикальный эксперимент — милитаристский переворот в Польше, который был однако, неполным и потому не стал успешным. Образовался социальный симбиоз: армия поднялась над партией, но не оторвалась от нее, оставив партократии возможность реставрации при поддержке Москвы. Сегодняшняя ситуация в СССР обещает другой, еще более рискованный эксперимент: тихую чекистскую революцию в Москве.

Андропов оказался у истоков этого процесса, не предвидя его результатов и не постигая его смысла. Используя КГБ, как рычаг, он, стремясь овладеть Политбюро, начал подрывать устои партократической системы. Его цель — власть. Чекистский потоп, если он и произойдет, будет "после него". Чтобы удержать и сохранить власть, Андропову необходимо заполнить Политбюро своими ставленниками, а затем построить прочный тыл в высших и средних кругах партии.

Со смертью Брежнева верхушка власти в СССР — Политбюро — выглядела как пепелище после жестокого пожара, в ее конструкции нехватало трех важнейших блоков: Секретаря ЦК по промышленности — в связи со смещением Кириленко, Секретаря ЦК по идеологии — после избрания Генсеком Андропова, — и первого заместителя Председателя Совета Министров — о котором не могли сговориться с брежневских времен. Вакантным оказалось и место советского Президента — Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В

прошлом задачи и функции Президента были декоративными: вручать ордена, принимать верительные грамоты, встречать послов, подписывать указы, приветствовать иностранные делегации. В 1977 году, однако, в угоду Брежневу, занявшему этот пост, обязанности советского президента были существенно расширены — ему были переданы важнейшие полномочия и права Председателя Совета Министров. Брежневу это было удобно и выгодно: в качестве Генсека он определял советскую внешнюю политику, в роли Президента он ее реализовал. Это льстило его безмерному честолюбию: он подписывал указы о собственном награждении, сам утверждал их и сам же вручал себе разные правительственные награды, до которых был большой любитель.

И вот теперь, когда Брежнев не стало, Андропову предстояло подобрать на эту должность человека, во-первых, искушенного во внешней политике, во-вторых, опытного во внутренней, в-третьих, достойного занять высокое положение, а в-четвертых (но важнее всего остального), во всем преданного Андропову. Выбор был не велик: первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Кузнецов, который в Президенты не годился, так как был бесцветный, безликий, а главное — из сторонников Брежнева; да Пельше, который был слишком стар, да к тому еще и нерусский (а в державе великой дружбы народов по неписанным предписаниям, которые регламентируют такие области жизни, куда законы дотянуться не могут, Президенту положено быть из великороссов).

Будь обстановка менее напряженной, Андропов вероятно пошел бы на компромисс: "продвинул" в Президенты Тихонова, а на образовавшуюся вакансию Председателя Совета Министров назначил бы своего подручного Гришина. Такая перегруппировка дала бы возможность вновь поднять политический авторитет Совета Министров — из подчиненной технической организации превратить его в уважаемый орган исполни-

тельной власти, как было в добрежневские времена. Но в премьеры стремился Черненко. А два председателя: Председатель Верховного Совета и Председатель Совета Министров — в стане противников представлялись Андропову, и не без оснований, явным и опасным "перебором".

Оставались Громыко и Устинов. Оба — "свои люди", известные в стране. Первый — умудренный знаток внешней политики, второй — отличный инженер и опытный организатор. Андропову предстояло подыскать им надежную с точки зрения собственных интересов замену, что было относительно несложно, ибо в арсенале тайной полиции и в генштабе кандидатур было предостаточно, а главное, получить их согласие, что представляло значительно более трудную задачу. Ведь при всем блеске и почете Председатель Президиума Верховного Совета как бы устранен от центра власти (если он не является одновременно, как Брежнев, Генсеком и Председателем Совета Министров).

Действовать, однако, следовало незамедлительно: ноябрьский Пленум ЦК партии должен был рекомендовать, а сессия Верховного Совета — тоже ноябрьская — утвердить нового Президента.

Андропов, вопреки широко распространенному на Западе мнению, видимо, поначалу не планировал (в отличие от Брежнева) избрания себя Президентом: необходимости, и что еще существеннее, возможности для этого у него не было. Система построения высших органов власти в СССР такова, что сосредотачивает в руках Генсека всеобъемлющее руководство страной, ее партийным и государственным аппаратом, ее внешней политикой и экономикой. В Президиуме Верховного Совета 39—40 членов. Одним из них по должности обязан быть Генеральный секретарь. И в этом качестве он правомочен представлять страну и подписывать от ее имени международные соглашения — так делали все советские Генсеки до Андропова: Сталин, Хрущев, Брежнев. Но все они стремились украсить мундир гла-

вы партии "нашивками" Председателя Совета Министров, как Сталин и Хрущев, или Председателя Президиума Верховного Совета, как Брежнев. Это символизировало апогей власти Генсека (он становился "первым среди неравных") и знаменовало уникальность его положения, незыблемость и священность его авторитета, отсюда начиналось его движение в "гении". К этому "барьеру" признания подходили не сразу: Сталин через семнадцать лет правления, в 1941 году, Хрущев — через пять, в 1958-м, Брежнев — через тринадцать, в 1977-м. /50/

Андропову надлежало для увековечивания своей персоны действовать с чрезвычайной поспешностью, но он понимал, что и ему необходимо хотя бы пару лет отстояться и окрепнуть в "упряжке" Генсека, прежде чем сделать рывок в Президенты или Премьеры, или изобрести для себя нечто совершенно новое, потеснив в пантеоне кремлевской "ярмарки тщеславия" своих предшественников. Поначалу на пути коммунистические "гении" Андропову необходимо было "взять" другое важное препятствие: стать Председателем Совета Обороны.

Фактическими главнокомандующими вооруженными силами в Советском Союзе всегда были Генсеки, и каждый из них формально утверждал свою власть над армией, становясь, кто раньше, кто позже, Председателем Совета Обороны. Вопрос о замещении этого поста значительно усложнило тщеславие Брежнева: ему вздумалось придать этой должности, а через нее и себе, особый блеск, для чего он привязал ее к "маршальскому жезлу" и "президентскому креслу". Это изобретение оправдало присвоение Брежневу — в мае 1976 года — звания маршала Советского Союза, а спустя год — его назначение Президентом государства. Андропов рассчитывал на назначение на эту должность в качестве Генсека, что повысило бы его влияние в правительстве и в партийном аппарате. Он полагал, что вправе занять эту должность как генерал армии, ведь ему до марша-

ла — один только шаг. Но как быть с записанным черным по белому причудливым изобретением Брежнева, в приложении к конституции, о том, что Председателем Совета Оборона надлежит быть Председателю Президиума Верховного Совета? Приходилось уповать на Пленум ЦК — там должна была проявиться сила Генсека. Но на Пленуме 22 ноября 1982 года стала очевидной его слабость.

Глава тайной полиции и член Политбюро Андропов выступает с речью на праздновании дня рождения Ленина (1982).

Константин Черненко на съезде французской коммунистической партии (1982).

Член Политбюро Андрей Кириленко, об отставке которого было объявлено на Пленуме ЦК 22 ноября 1982 г.

ДИНАМИКА ВЛАСТИ

Андропов может и не решиться на реформы. И тогда окажется, что его будущее уже позади, а прошлое — впереди.

ДИНАМИКА ВЛАСТИ

В советской истории до Андропова было четыре лидера и каждый из них стремился выражать тенденции, уже доминирующие или только созревающие в партийном аппарате. Поэтому каждый опирался, прежде всего, на партийный аппарат. Обстоятельства прихода к власти Андропова, который не был креатурой бывшего Генсека, позволили ему отказаться от этой традиции и сделать ставку на новых людей, находившихся вне важнейших "коридоров власти".

Обновление круга партийно-государственных функционеров при Брежневе было замедлено и парализовано. И Андропову предстояло провести основательную "чистку" — заменить более 6000 ответственных работников на всех уровнях правительственной пирамиды. Начинать следовало со средоточия власти — Политбюро. Радикальные изменения в Политбюро были необходимы Андропову, но провести их оказалось непросто: Пленум ЦК КПСС не дал на них согласия. Андропову для консолидации власти необходимо было ввести в Политбюро трех сторонников — на три имевшиеся вакансии. В результате чего назначение его ставленника Председателем Президиума Верховного Совета, а его самого — Председателем Совета Оборона — свелось бы к простой формальности. Таким образом гарантирова-

на была бы поддержка Политбюро в намечаемой им основательной перетряске партийно-государственного аппарата — сверху донизу. Но начинать-то, несомненно, следовало сверху — с Политбюро и Совета Министров. Оттуда нужно было спускаться вниз, в аппарат Центрального Комитета, чтобы постепенно обновить секретарский корпус и незамедлительно вслед за этим сменить всех заведующих отделами. В перспективе предстояла замена партийных и государственных руководителей всех республик, краев, областей — вплоть до важнейших больших городов, что должно было обеспечить Андропову послушный его воле состав Пленума ЦК.

Собственно в этом не было бы никакого новаторства: Андропову предстояло идти по колее, проложенной насилием во времена Ленина, орошенной кровью в эпоху Сталина, утрамбованной произволом Хрущева, испытанной коварством Брежнева. У Андропова по сути и выбора не было: на тернистом пути к власти в Кремле не оставалось места ни для терпимости, ни для страдания: формулу борьбы за эту власть с гениальной краткостью определил Сталин: "Кто — кого". Но Пленум ЦК КПСС отказал Андропову в том, что должен был, по многолетней традиции, благоговейно и услужливо ему предоставить: он не получил положенного Генсеку покорного единогласия. Всеми виной, конечно, были противоречия в Политбюро. Противодействию Черненко, Тихонова и других противников он не удивился, он ожидал его и, понимая их страх и ненависть к нему, даже мог бы оправдать: кто же захочет проголосовать за собственную плаху? Но как быть с соратниками?

Интересы друзей и врагов Андропова на этом Пленуме совпали: они решили, пока возможно, не давать ему в руки всю полноту власти. Для этого они противопоставили его честолюбивым устремлениям хитрое устремление советского режима, которое на партийном жаргоне Политбюро называется "коллективным

руководством". Изобретение это заставляет любого советского руководителя перед выходом его на орбиту "диктаторства" некоторое время поплясать в невесомости раздираемого противоречиями Политбюро, где недруги Генсека по любому обсуждаемому вопросу всегда — "против", а сторонники иногда, но не всегда — "за", и где решается роковой вопрос: кому из членов Политбюро — быть, а кому — не быть.

Политбюро, предшествовавшее ноябрьскому Пленуму ЦК, утвердило предложение Андропова о переводе из кандидатов в члены Политбюро генерала Алиева. Это был как раз такой случай, когда соратники Андропова согласились поддержать Генсека, ибо понимали, что без секретаря из Азербайджана, его опыта и знаний, Андропов не сможет приступить к программе социального переустройства, определяемой им как "укрепление социалистической законности", но больше всего известной как "алиевские реформы". Алиеву удалось провести в Баку почти полную кагебизацию управления, а затем его опыт был успешно апробирован в Грузии (целиком) и в республиках Прибалтики (частично). Правитель Азербайджана не пытался, конечно, изменить годами отлаженную государственную систему произвола, да и не мог бы помыслить об этом, даже если бы и хотел, — над ним стояла Москва. Не ломая партийную машину, он стал заполнять все ее звенья, от ЦК до райкома, молодыми образованными сотрудниками КГБ, приученными свято выполнять инструкции. Личный произвол множества мелких местных деспотов он заменил организованным государственным произволом центральной власти. Алиеву удалось приостановить прогрессирующий развал азербайджанской экономики, и в Москву пошли отчеты о выполнении планов развития промышленности и поставок государству сельскохозяйственной продукции.

Андропов надеялся использовать алиевские методы, чтобы придать ускорение забуксовавшей советской экономике. Ожидания Андропова разделялись члена-

ми Политбюро, в том числе и его оппонентами из лагеря Черненко, ибо еще Брежнев готовился использовать "опыт" Алиева в столице, но не решился или не успел.

Членов Политбюро, однако, смущал и пугал тандем двух генералов КГБ в партийном аппарате: они дали согласие на избрание Алиева членом Политбюро, но отказались перевести его в Секретариат ЦК на место Кириленко, как, по-видимому, надеялся Андропов. Алиеву предложили пост заместителя Председателя Совета Министров. Это все, что удалось "выжать" Андропову из Политбюро. Он же предназначал Алиева на иную роль, более ответственную и важную: он хотел сделать его главным полицмейстером страны, способным использовать и КГБ, и МВД как инструмент репрессий для опоры нового режима; для этого необходимо было возвести его в ранг второго секретаря ЦК. Конечно, с введением Алиева в правительство позиции Генсека укреплялись и усиливались: премьер Тихонов оказался под наблюдением и контролем человека, на которого Андропов мог полагаться. Но укрепились недостаточно — из-за нерусского происхождения Алиева.

Первый заместитель премьера обладает значительными возможностями в стране: он курирует государственный аппарат; частично промышленность — а иногда и сельское хозяйство. При этом реальная сфера его влияния шире официальных прав, принадлежащих занимаемой им должности. Он — возможный и даже вероятный кандидат в премьеры: из первых заместителей Председателями Совета Министров стали Косыгин и Тихонов.

Но Алиев заведомо не мог рассчитывать на это. Ибо в СССР после Сталина решено было не выдвигать нацменов к руководству страной — ни на пост Генсека, ни на пост премьера: партократия учла печальный — прежде всего, для себя — опыт правления явившегося с Кавказа "отца народов". Поэтому для Алиева новое назначение становилось, в известной мере, "дорогой в никуда": не обладая ни опытом планирования, ни знанием структуры и организации экономики, Алиев пре-

вращался в верховного надзирателя над деятельностью правительственного, но никак не партийного аппарата. Назначение это, к тому же, не снимало с повестки дня вопроса о том, кто в партийном аппарате будет курировать индустрию. Оставлять ее под опекой Черненко, в дополнение к контролю над кадрами, было нельзя; в этом Андропов и его соратники были единодушны. И Политбюро удовлетворяет предложение Андропова об утверждении Николая Рыжкова (53 года) Секретарем по промышленности. В аппарат ЦК вводился, таким образом, по настоянию Генсека, профессиональный технократ (Рыжков с 1979—1982 г. был заместителем Председателя Госплана) без элементарного опыта партийной работы, а следовательно, не имевший связей в партократической среде и тем удобный для Андропова.

Сторонники Андропова, подозрительные, ожесточенные долголетней борьбой за власть, ревниво отнеслись к своим прерогативам: вопреки требованию партийного протокола, они не захотели ввести Рыжкова в Политбюро. Это лишало протеже Андропова возможности руководить оборонной промышленностью, — не исключено, что по настоянию Устинова: он уже удобно расположился в качестве И.О. Председателя Совета Оборон в одном из кресел Генсека, а теперь выбивал из-под контроля военную индустрию. Андропов вынужден был уступить. Эта уступка не означала поражения. Однако власти Генсека присуща собственная динамика развития, отчужденная от воли и устремлений субъекта — она должна была вознести и вознесла Андропова уже весной 1983 года в Председатели Совета Оборон. Эта динамика вела и ведет Андропова к реализации его честолюбивых замыслов — хотя, возможно, не всех и, скорей всего, не всех сразу. Тем не менее, пока что укоренившаяся в Политбюро геронтократия торопилась поставить новому Генсеку как можно больше палок в колеса: на том же заседании Политбюро было наложено фактическое “вето” на его стремление произвести быструю смену партийно-государствен-

ной верхушки — были оставлены открытыми для последующих политических пасьянсов вопросы о назначении двух секретарей ЦК, Председателя Президиума Верховного Совета, Председателя Совета Обороны. Под угрозой срыва оказывалась намечаемая Андроповым программа социального переустройства: чистка кадров, реорганизация государственных учреждений, реформы с учетом опыта восточно-европейских стран, предполагаемая система мер по укреплению трудовой морали и дисциплины. И Андропов решает действовать в обход Политбюро. Он апеллирует к Пленуму ЦК, открывшемуся 22 ноября 1982 г. — попытка в чем-то наивная, с известной степенью риска: ведь члены ЦК, связанные системой служебной зависимости от Политбюро, не обладают свободой принятия решений. Постановления Пленума заблаговременно составляются Секретариатом и, как правило, выносятся на пленарное заседание всего лишь для формального одобрения. Тонко разбираясь в механизмах функционирования партийной системы, Андропов тем не менее попытался использовать трибуну Пленума — не столько в целях ревизии решений Политбюро (такое удалось в советской истории лишь однажды: Хрущеву в 1957 г. /51/), сколько для того, чтобы продемонстрировать партийным активистам и технократии в экономическом руководстве, что он решителен, смел и не теряет голову в критических обстоятельствах — это должно было импортировать молодым и стремящимся к переменам.

Возможно, он верил сам и стремился убедить Пленум в том, что он — единственный человек, способный вывести страну из экономического кризиса и спасти ее от грядущих политических катастроф. В своем первом докладе, произнесенном на заседании Пленума 22 ноября, новый советский лидер стремился показать членам ЦК, что он — хозяин, а не просто руководитель. Хотя Андропов время от времени ссылался на мнения других членов Политбюро, весь стиль его выступления подчеркивал независимость и самоуверенность нового

Генсека. В отличие от Брежнева и Хрущева, которые любили монотонные, нудные и длинные речи, Андропов говорил сжато, четко, ясно, без избитой напыщенной фразеологии, а порой — и резко. После нескольких вступительных фраз о стремлении ускорить темпы развития экономики и увеличить национальный доход, после двух-трех дежурных замечаний о важности повышения интенсивности народного хозяйства и эффективности труда (что заняло в целом не более 3—4 минут) Генсек перешел к сути: к анализу бюрократических методов руководства и управления, к критике производственных потерь, к осуждению лени и пассивности, которые превратили советскую экономику в застойную и нерентабельную.

Хрущев любил выступать против хозяйственной инерции, Брежнев нередко говорил о нединамичности управления. Но никогда ни один советский руководитель не произносил такого жесткого и ясного приговора советской системе, как это сделал Андропов, хоть опирался он на неверные предпосылки и оставался в плену неправильных выводов. До него советские руководители, чтобы не представлять действительность слишком мрачной, старались больше подчеркивать достижения, а он заявил открыто: "По ряду важнейших показателей плановые задания за первые два года пятилетки оказались невыполненными". И далее еще более категорично: "Производительность труда растет темпами, которые не могут нас удовлетворить".

Вся последующая речь Генсека убедительно рисовала картину полного развала и глубокого кризиса советской промышленности и сельского хозяйства: планы "выполняются" (точнее было бы заметить — во все не выполняются) ценой "больших затрат и производственных издержек", руководители (Андропов сказал осторожнее — "кое-кто") "не знают как взяться за дело", не действуют механизмы управления и планирования (в устах Андропова это звучало как "необхо-

димось совершенствования всей сферы руководства экономикой”) /52/.

Судьба Хрущева показала опасность неортодоксальности и продиктовала сравнительный иммобилизм эпохи Брежнева. Андропов же не побоялся предстать перед партийной гвардией на Пленуме гибким политиком, склонным и способным к реформам, готовым к переоценке приоритетов, как экономических, так и социальных. “Нельзя двигаться, — решительно сказал он, обращаясь к членам ЦК, — только на лозунгах”. Заявление, нетипичное для ответственного советского руководителя и совершенно необычное после продолжавшегося чуть ли не 20 лет мертвого политического сезона. За этими словами угадывалось биение реальной жизни и скрытое недовольство прошлым. И чтобы не оставалось сомнений, на кого нацелена эта унижительная характеристика, Андропов уточнил: “Не мало есть таких руководителей, которые, охотно цитируя крылатые слова Леонида Ильича о том, что экономика должна быть экономной, практически мало что делают для решения этой задачи”. Это было недвусмысленное указание на Черненко, считавшегося главным толкователем, интерпретатором и популяризатором “афоризма” Брежнева и являвшегося автором ряда статей и многочисленных выступлений на эту тему. Далее Андропов ясно, без иносказаний и эвфемизмов, сформулировал основные меры и средства преодоления экономической стагнации. Главным лечебным средством он назвал децентрализацию: “Надо расширить самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов”, сделав ставку на необходимость усиления “ответственности за соблюдение общегосударственных, общенародных интересов”. Он предложил внести изменения в методы государственного управления: “Надо сделать правилом, чтобы каждое новое решение... принималось только тогда, когда выполнены прошлые решения”.

В чисто утилитарном духе поставил он вопрос о материальном стимулировании, практически исключив из

рассмотрения моральные факторы, которые традиционно принято считать главными побудительными мотивами деятельности советского человека: "Плохая работа, бездеятельность, безответственность должны... сказываться на служебном положении". Создавалось впечатление, что перед Пленумом разворачивается программа нового способа правления. Однако, в действительности, это была не программа, а лишь смутные ее контуры: у Андропова еще не было ни возможности, ни времени ее основательно разработать и убедительно обосновать. Этой незавершенностью объясняется противоречивость программной речи Андропова. Сначала он смело дал понять, что стране недостает не планов — на бумаге все проблемы государства давно рассмотрены и решены — а людей, достаточно настойчивых и волевых, чтобы эти планы осуществить: "Все еще действует сила инерции, привычка к старому, не хватает... инициативы, решительной борьбы с бесхозяйственностью и расточительностью". И тут же автоматически повторил тривиальные партийные призывы: увеличить выпуск продукции, укреплять дисциплину, искоренять разбазаривание ресурсов, ускорить научно-техническую революцию, внедрять в производство достижения передового опыта. И вдруг неожиданно сквозь дежурные лозунги прорвалось признание: "Ныне экономия, рачительное отношение к народному добру — это вопрос реальности наших планов". После таких слов кое-кто невзначай мог подумать, будто Генсек на Пленуме заявил, что государственные планы, случается, бывали и утопичными, невыполнимыми, фиктивными. И в заключение речи — подлинная сенсация: Андропов предложил при модернизации советской экономики "взвесить и учесть опыт братских стран".

65 лет советская пропаганда настойчиво утверждала, что СССР и только СССР открывает и прокладывает новые, неизведанные, "самые эффективные и передовые" дороги к "светлому будущему". Его опыт (и ничей другой) должно изучать, перенимать и проводить в

жизнь “все передовое человечество” и в первую очередь — “братские страны”. И вдруг в горьком признании Андропова открывается печальная правда: Советский Союз утратил монополию на идеальное социальное устройство. Более того, стало ясно: устройство это никогда не было совершенным и нуждается, срочно и неотложно, в экономических подпорках, которые следует импортировать из стран, следовавших доселе советскому примеру, причем всегда “с ошибками и с отклонениями”.

На партийном форуме повеяло тревожным — и опасным для Андропова — духом реформаторства: ведь бюрократическая инерция укрепляет идеологическую нетерпимость.

Идеи социально-экономического переустройства так или иначе всегда возникали в СССР на перекрестках борьбы за власть. Таким был маленковский план (1953 г.) увеличения производства товаров широкого пользования за счет темпов развития тяжелой промышленности, который позднее определялся как отход от коммунистической теории; такими были (в 1957 г.) реорганизации Хрущева, которые преподносились как развитие коммунистической теории в сельском хозяйстве (предоставление автономии колхозам) и промышленности (создание совнархозов); такими были (в 1963 г.) эксперименты Косыгина: внесение в систему планового хозяйства элементов рыночных отношений. В 80-е годы (особенно в год смерти Брежнева) стали распространяться слухи, будто Андропов выступает за введение нового критерия производственной деятельности — не торгового оборота, а прибавочной стоимости, — в результате чего он чуть ли не возвращает аксиомы коммунистической теории к их истокам, т.е. к Марксу и Ленину.

Вот и на сей раз внешний мир с готовностью и удовлетворением усмотрел в намерении Андропова “учесть опыт братских стран” стремление подтолкнуть СССР на путь венгерской модели развития и даже еще даль-

ше — в сторону рыночного социализма Югославии; международные информационные агентства неожиданно “вспомнили”, что Андропов, возвратившись в 1957 году в Москву со своего поста в Будапеште, стал, оказывается, союзником Яноша Кадара по внедрению реформ в Венгрии. Пользуясь методом аналогии, при котором новый правитель Кремля сопоставлялся и сравнивался с известными руководителями демократических стран, некоторые советологи пришли к заключению, что Андропов — потенциальный революционер /53/, который будет вынужден — на том основании, что так было на Западе, — разрешить или преодолеть важнейший конфликт современной России: между высоким уровнем вооружений и низким жизненным стандартом.

Но советская Россия не похожа на другие государства. И Андропов поспешил заверить участников Пленума: никакого, во всяком случае поспешного или необдуманного, экономического переворота не будет. Стараясь отогнать призрак Хрущева, он заверил: децентрализацию необходимо проводить поэтапно, осторожно. Андропов оставлял себе пути отхода, заявляя: “У меня, разумеется, нет готовых рецептов” /54/. Его кодовой фразой для оценки развития советской экономики и роста благосостояния был “мировой опыт”, т.е. достижения западных образцов — явление далеко не оригинальное: оно неоднократно делалось и раньше на различных партийных форумах. Но Андропов, видимо, хорошо усвоил уроки великого мастера политики Макиавелли, методами которого он пользовался на долгом пути восхождения к власти: “При переменах необходимо сохранить тень прежних установлений, чтобы народ не подозревал о переменах порядка. Большинство людей больше боится внешности, чем сущности /55/. Он решил действовать осмотрительно — так, по крайней мере, может быть истолкована его тактика. Он пытается “встроить” новые реформы в существующую в СССР социальную систему и провести их в рам-

ках действующих экономических механизмов, оставляя без изменений (или изменяя лишь незначительно) основы государства. Прививать "братский опыт" (возможно — венгерский, возможно — восточногерманский, а вероятней — элементы того и другого) к советскому политическому стволу его побуждает углубляющийся экономический кризис в стране. Но не только. Главное для Андропова — это власть, а реформы — только средство ее укрепления в меняющихся обстоятельствах.

В порядках советской партийной жизни (как и в советской конституции) не предусмотрено наследование и порядок преемственности, поэтому смена власти в СССР неизменно сопровождалась отказом от политического курса предыдущего лидера с последующим осуждением и разоблачением. Сталин произвел "деленинизацию", уничтожив всех сподвижников и учеников вождя русской революции, Хрущев осуществил "десталинизацию", осудив "культ личности", Брежнев провел "дехрущевизацию" под прикрытием разоблачения политики "волюнтаризма". Все они — Сталин, Хрущев, Брежнев — решительно отвергали линию своих предшественников. В этом отказе от прошлого можно видеть определенную систематичность, продиктованную неизбежностью. Каждый советский правитель действует в замкнутом и строго ограниченном социальном пространстве тоталитарной системы, выйти за рамки которой он, оставаясь коммунистическим деятелем и не посягая на основополагающие принципы режима, не может. Так что любое социальное творчество, будь то политическое конструирование или экономическое новаторство, сводилось в СССР, по существу, к комбинациям с одними и теми же переменными: партийное единовластие, плановое руководство, централизованное управление, монополизированное хозяйство, государственное крепостничество. И каждый новый советский правитель, получивший власть над системой, или вернее — подобранный системой в соответствии с ее потребностями, мог проявить свою индивидуальность и

самобытность, если она у него была, только в рамках правил “коммунистической игры”.

Возможностей здесь немного: следовать по пути предшественника опасно: приходится брать на себя ответственность за его ошибки и преступления. Значит, остается единственный вариант — отрицание предшествующего исторического развития наряду с отрицанием самого предшественника. Но коммунистическая система к 50-м годам XX столетия уже не поставляла “строительный материал” для реального — а не мифотворческого — социального прогресса: к этому времени она исчерпала всю свою способность к динамизму. В результате, “отрицание” процессов, протекающих в “самом передовом” государстве, грозило подрвать власть того, кто на это отрицание решался, не приняв предварительно мер предосторожности.

У коммунистических руководителей не оставалось другого выхода, как создавать искусственное “утверждение” с помощью двойного отрицания: два социальных минуса как в соответствии с законами алгебры, так и в соответствии с законами диалектики дают “плюс”. Осуждение Хрущевым преступлений, правонарушений и злоупотреблений Сталина само по себе ничего не “утверждало”. Но Хрущев не только “отрицал” Сталина, он выступил против сталинского “отрицания” Ленина. “Отрицание отрицания” выводило его к позитивным началам коммунистического мифа — к Ленину: к нему он апеллировал в своей борьбе с оппозицией, его именем и авторитетом прикрывал и оправдывал свои авантюрные эксперименты. Брежнев действовал по такому же рецепту: заклеив Хрущева, он воспротивился огульной критике Сталина. Таким образом, из политической ткани “двойного отрицания” правители России кроили себе костюмы положительных героев, а историческое движение в СССР тем временем превращалось в бег на месте: от Хрущева, минуя Сталина — к Ленину; от Брежнева, через голову Хрущева

— к Сталину. Новым провозглашалось более или менее позабытое старое.

Основу амбиций Ленина составляла мировая революция и коммунистический интернационал. Сталин, захватив власть, сосредоточился на внутренних проблемах страны — на экономических вопросах и на борьбе с личными противниками. Его жизнь государственного деятеля оказалась настолько, однако, продолжительной, что позволила ему с конца 30-х годов перенести интерес на проблемы высшей политики: осознав, что с построением социализма в "отдельно взятой стране" ничего не получилось, он стал закладывать основы международного коммунистического лагеря.

Ленин и Сталин исчерпали весь небогатый диапазон социальных и экономических альтернатив советского строя. Далее можно было либо подражать одному из них, либо обоим одновременно, либо создавать политические комбинации из элементов первого и второго.

Впервые это сделал Хрущев. Осознав, что вести вперед "корабль" советского режима некуда, ибо намечаемый переход к коммунизму не состоялся, и опасно, ибо на закваске идеи отмирания государства возникали центробежные силы, он попытался создать видимость движения, начав дерзко раскачивать свой корабль по синусоиде — от Ленина к Сталину — до тех пор, пока не израсходовал все горючее, отпущенное ему партийной командой Политбюро. И тогда они сбросили его с капитанского мостика и отправили на пенсию.

Его преемник Брежнев был настолько напуган социальными манипуляциями Хрущева, что чуть ли не полностью отвернулся от внутренних государственных проблем: он скромно похоронил идеи экономических реформ и переключился на реформы внешнеполитические. Восстановилась связь советских времен: Брежнев завершил "дело" Сталина — коммунизм расползся по всем континентам, СССР превратился в мировую

имперскую державу, первую по вооружению и одну из самых нищих по уровню жизни.

“Дебрежневизация”*, через которую должен пройти путь утверждения нового Генсека у власти, приведет — и уже приводит — к переоценке Андроповым государственных приоритетов: они переместятся с внешней политики, где не так-то просто перекрыть достижения Брежнева, на внутреннюю: экономические вопросы, такие как реорганизация принципов производства и упорядочивание планирования и управления, а также социальные задачи: усиление контроля над личностью и борьба с коррупцией. Именно этим объясняется определенная склонность Андропова к реформам и при этом — только в естественных для системы, т.е. тоталитарных — пределах, налагаемых советским социально-политическим контекстом.

Мы не можем претендовать на знание убеждений Андропова, а тем более с абсолютной достоверностью предсказать его ближайшие планы — мы уверены, что ни на Западе, ни в Советском Союзе никто их не знает и не в состоянии предвидеть полностью. Не следует характеризовать Андропова-реформиста эпитетами “либеральный” или “прогрессивный”: эти представления существуют только в воображении западных политических деятелей и ученых, не способных видеть разницу между принципами коммунистического и демократического общества. Есть определенные основания говорить, да и то с ограничениями, накладываемыми советским режимом, лишь о таких чертах его линии, как гибкость в сочетании с твердостью и относительной недогматичностью.

Андропов, как и те, кто поддерживает его в Политбюро, несомненно желает, чтобы система функциони-

* Сомнительно, что она примет столь же бурный характер, как развенчание “культы личности” Сталина; более вероятно, что имя Брежнева, как это случилось с именем Хрущева, просто исчезнет из советского политического лексикона.

ровала эффективно — это определит его — и их — политическое будущее. Что же касается реформ — они всего лишь средство достижения указанной цели.

У Андропова все еще нет точного “чертежа” — проекта реформ. Но, судя по выступлению на Пленуме, он понял, что экономические проблемы СССР настолько обострились, что начали угрожать стабильности режима. Стало очевидным, что продолжать управлять советской экономикой на основе принципов централизма, значит увековечить отсталость и неэффективность. Однако на пути решения этих проблем, перед Андроповым стоят концептуальные и политические препятствия.

На Западе считают, что экономическим реформам в Советском Союзе противятся партийные бюрократы и только. Если бы это было так, Андропов мог бы при желании ударить по консерваторам — тем более, что жесткие идеологи уходят со сцены. Но он знает, что есть более глубокие и серьезные причины, противостоящие политике реформ. Причины эти — во внутренней противоречивости советской экономической системы. Рассмотрим основные противоречия.

Противоречие первое: необходимо предоставить большую самостоятельность предприятиям, но такая самостоятельность грозит подорвать принципы централизованного хозяйства. Противоречие второе: показателем рентабельности является прибыль, но в СССР, где цены устанавливаются произвольно, руководители искусственно завышают стоимость выпускаемых товаров, и нет способа оценить реальную рентабельность. Противоречие третье: главным показателем успеха работы предприятия в СССР является нормативная продукция, состоящая из стратегически важной продукции, а не из необходимых обществу предметов широкого потребления. Тем самым программируются “нехватки и избытки” и производится множество ненужных вещей без всякой связи с общественными потребностями. В результате, сверхдержава, ракеты которой

устрашают мир, оказывается неконкурентоспособной даже на рынках развивающихся стран.

Противоречие четвертое: для интенсификации производства и стимулирования производительности труда необходима рыночная ориентация. Но рыночные механизмы несовместимы с отсутствием безработицы. В результате советская промышленность разрывается между противоположными тенденциями: текучестью кадров и невозможностью экономии производственных затрат.

Противоречие пятое — специфичное для сельского хозяйства: невозможность создания условий, при которых успешно и рачительно работающие крестьяне могли бы увеличивать производительность труда, а неспособные или не желающие работать вынуждены были бы оставлять производство.

Даже если Андропову и удастся преодолеть базисные антиномии советской экономики, он неизбежно окажется перед неразрешимыми политическими проблемами. Предпосылки эффективной реформы ясны были советскому руководству уже многие годы, но они неприемлемы для него в силу социальных причин, характерных для тоталитарного режима. Совмещение государственного регулирования с рыночным хозяйством подорвет принципы плановой организации. Различные цены на основные продукты питания составляют в СССР, как правило, половину их реальной стоимости. Движение в сторону плюралистической экономики приведет к повышению этих цен в 2—3 раза и тогда может возникнуть реальная опасность взрыва массового недовольства.

Дезинтеграция советской экономики, повысив ее качество и конкурентоспособность, увеличила бы доступ западных товаров на советские рынки, расширила бы контакты с внешним миром. В этом кроется опасность для режима: свободные страны стали бы более привлекательны для советского человека, что могло

бы привести к смягчению коммунистического ригоризма.

Модификация и реорганизация системы управления требует изменения методов партийного руководства, а это вопрос уже не идеологии, а политики.

Если Андропов когда-нибудь и приступит к осуществлению реформ, ему придется проявить чрезвычайную осмотрительность. Иначе он восстановит против себя партократию. После жестких сталинских репрессий и сумасбродных экспериментов Хрущева, партийные бюрократы 18 лет жили при Брежневе в спокойствии, довольстве и мире, без потрясений и реорганизации. Они обросли жиром; обзавелись солидным капиталом. И они примут изменения системы или изменения в системе только при условии, что эти изменения и далее будут гарантировать руководящую, хотя бы номинально, роль партийного аппарата.

Трудности Андропова отягчаются взаимоотношением с генералитетом, который не спешит одобрить политику реформ. Андропов пришел к власти при сильной поддержке военных, в частности Устинова. Армия, конечно, страдает от развала гражданской экономики, но именно армия больше всех выигрывает от принципа централизации, который обеспечивает ей неограниченный приток средств для развития, обновления и реорганизации. Западная разведка оценивает военные расходы СССР в 14% совокупного национального продукта — т.е. вдвое больше, чем военный бюджет США /56/. Реформы потребуют денег. Единственным возможным источником этих денег могла бы быть доля министерства обороны в общем бюджете. Но вряд ли Андропов решится посягнуть на жизненные интересы своих сторонников в вооруженных силах. Существует, впрочем, обстоятельство, которое все-таки способно примирить армию с реформами и даже склонить ее к необходимости проведения политики детанта: увеличивающийся разрыв между качеством советского оружия и оружия Запада. Советская оборонная

промышленность поставляет армии образцы вооружения, отстающие от мировых стандартов на 5—6 лет, и если бы не советская разведка, выкрадывающая за рубежом экспериментальные модели и технологию изготовления нового оружия, этот разрыв был бы еще большим. Чтобы модифицировать военную промышленность, необходимы коренные изменения, т.е. реформы в системе не только военной, но и всей советской экономики: в ее организации, управлении и планировании.

Становится очевидным: Андропову предстоит нелегкая, а может быть, и непосильная задача скомбинировать устойчивость собственной власти со стабильностью режима. В отличие от восточно-европейских стран над СССР не стоит всемогущая коммунистическая супердержава, способная и готовая оказать ему "братскую помощь" в случае, если под влиянием реформ начнется разложение коммунистической системы. Андропов не хочет присутствовать при распаде своего государства. Он поэтому должен проводить свои социальные эксперименты осторожно и постепенно. Возможен некоторый поворот к преобразованию политики цен, но нет никаких перспектив на легализацию "второй" экономики. Допустима большая независимость колхозов, но нет никакой надежды на возрождение единоличных крестьянских хозяйств. Андропов убеждал Пленум: "Действовать тут надо осмотрительно, провести, если нужно, эксперименты, взвесить, учесть". /57/

Нельзя сказать, что речь Андропова оставила равнодушными участников Пленума. Бросалась в глаза разница между Генсеками: старым, выступавшим бессмысленно, по заранее заготовленному докладу, и новым, свободно оперирующим сложными концепциями, способным к самостоятельной оценке и собственному мнению. Члены ЦК внимательно и вежливо слушали нового лидера и аплодировали согласно регламенту: где следует — просто, а где следует — продолжительно. Но они многое уже пережили на своем веку: уничитель-

ное низвержение Сталина, взлет и падение Маленкова, коварное изгнание Хрущева, агонию Брежнева — ведь больше половины членов избранного в 1981 году ЦК старше 60-ти, четверть — старше 70-ти и лишь 6,3% — моложе 50-ти лет! /58/ И они мудро решили... пойти за Политбюро: прилежно и послушно, без всяких корректив, утвердить его решение. К чему рисковать — а вдруг эпоха Андропова так и не состоится? Не то, чтобы экономическая программа Генсека не нашла "покупателей" на Пленуме; просто (или не совсем просто) никто из членов ЦК публично не рискнул выступить в поддержку реформ. Все благоразумно решили повременить, пока окончательно не прояснится расстановка сил в Кремле.

Итак, не подтвердилось предположение, что Андропову удастся реализовать свою власть сразу же после смерти Брежнева. Верховный Совет СССР — его сессия состоялась на следующий день после Пленума ЦК, 23 ноября, — ввел Андропова в члены Президиума Верховного Совета, что было простой формальностью, предусмотренной номенклатурным регламентом для Генсека, а отнюдь не "важным шагом" к монополизации его власти, как представляла это западная печать. И оставил открытым вопрос об избрании Президента. Случай настолько беспрецедентный в советской истории, что заведующему отделом международной информации ЦК КПСС Леониду Зимянину пришлось созвать специальную пресс-конференцию /59/ иностранных журналистов для разъяснения: "Конституция СССР не требует немедленного замещения Брежнева на посту главы государства"*.

* Пресс-конференция в Москве состоялась 22 декабря, спустя почти полтора месяца после смерти Брежнева, когда уже никак не мог стоять вопрос о "немедленной" замене. Что же касается возможности "медленного" заполнения вакансии Председателя Президиума Верховного Совета СССР, то ответ (пояснения давал Вадим Загладин) был таков: "Когда нужно, тогда это и будет сделано".

Единственным диссонансом, нарушившим антиандроповскую гармонию сессии Верховного Совета прозвучало выступление председателя КГБ Федорчука. Федорчук был озабочен расположением Генсека: он был не из его лагеря и не ему был обязан своим восхождением. Совершенно несущественно, что он думал, как в действительности относился к Андропову: он был кадровый офицер, мыслил статично и рассуждал однозначно, — Андропов получил высший чин в партии, стало быть, ему следует служить и угождать. И он поспешил, явно до времени, с верноподданическими заявлениями: "Все мы знаем Юрия Владимировича Андропова как талантливого руководителя и организатора, политического деятеля ленинской школы, обладающего широким кругозором, глубоким видением проблем и мудрой осмотрительностью при принятии решений". /60/

Поспешил — и проиграл. Андропова не обманула душевная лесть Главного Полицейского — она не была вызвана производственной необходимостью и не внушала ему доверия. Коллег Генсека возмутили велеречивые дифирамбы Федорчука: соратников — из-за их преждевременности, противников — из-за того, что дифирамбы эти свидетельствовали о федорчуковской беспринципности. И те, и другие решили не поддерживать председателя КГБ, когда (и если) Андропов захочет и сумеет сместить его.

А пока что расстановка сил в Кремле не изменилась: Андропов вынужден был продолжать борьбу за расширение и усиление своей власти с тех же исходных позиций, с которых он к этой власти пришел. Ему дали понять, что новое поколение руководителей, инициативное, гибкое, образованное и одновременно послушное его воле, которое он рассчитывал ввести в Политбюро и Секретариат ЦК, сможет придти только тогда, когда состарится и будет хорошо обработано системой. Омоложение и обновление высшего аппарата власти было необходимо, но его пока не удалось осуществить;

вместо него Генсеку было навязано коллективное руководство.

Теперь советская жизнь стала "разыгрываться" секстетом: Андропов — Устинов — Громыко — Алиев — Черненко — Тихонов. Андропов в этом секстете — дирижер, но не маэстро: он ограничен в "творческой" свободе. Инструменты в секстете распределялись так: Устинов — армия, Громыко — внешняя политика, Алиев — политическая и уголовная полиция, Черненко — партийный аппарат, Тихонов — экономика. "Коллективное руководство" — одна из любимых тем советской пропаганды. Если, однако, не поддаваться влиянию пропаганды и судить о советском обществе не по его лицемерным декларациям, а по реальной расстановке сил в нем, то можно легко увидеть, что сама идея коллективного руководства как системы и организации власти, находится в глубочайшем противоречии с сущностью коммунистического режима, с его философией "демократического централизма" и со всем его социально-политическим укладом. Коллективное руководство в СССР всегда возникало только как переходная форма правления и лишь для того, чтобы выделить из своей среды диктатора с той или иной мерой единовластия. Периоды "коллективного руководства" никогда не были длительными. Они продолжались несколько лет и на различных этапах советской истории имели свои особенности. В первые годы правления советских Генсеков власть делили так: при Сталине — Рыков (правительство), Зиновьев (Коммунистический Интернационал), Дзержинский (государственная безопасность), Бухарин (идеология); при Хрущеве — Булганин (правительство), Жуков (армия), Сабуров и Первухин (экономика); при Брежневе — Косыгин (правительство и экономика), Суслов (идеология), Кириленко (партийный аппарат), Шелепин (госбезопасность), Подгорный (местные и верховные советы).

"Коллективное руководство" эпохи Андропова утверждает и объясняет себя стремлением обеспечить

“преемственность правления” и гарантировать “единство общества”: на Пленумах ЦК 12 и 22 ноября 1982 г. эти “мелодии” звучали отчетливо и звонко (и куда приглушенной — “мотив” предотвращения разброда и паники). И объявляет себя, как это делалось в СССР всякий раз, когда ставился эксперимент коллективной олигархии, наиболее эффективной и плодотворной формой “народовластия”. Это руководство имеет, впрочем, одну отличительную особенность — ему все время необходимо громко и публично напоминать о своей “коллективной работе”. И вот с конца 1982 года в центральных, республиканских и областных советских газетах еженедельно начинают появляться сообщения: “В Политбюро ЦК КПСС”. Впервые после смерти Ленина в СССР снова печатаются отчеты о заседаниях Политбюро — так советским гражданам навязываются желательные идеологические ассоциации. Раньше деятельность Политбюро считалась важной, может быть, даже важнейшей государственной тайной. Теперь же она является свидетельством того, что нет более (пока) в Москве самодержца, но существует и правит “мудрое коллективное руководство”. Это руководство, как услужливо сообщали советские газеты в январе, феврале, марте, апреле 1983 года на своих очередных заседаниях “заслушало”, “рассмотрело”, “утвердило”, “одобрило” — далее идет бесконечно длинный перечень “проблем”. Здесь и “о беседах с товарищем Раулем Кастро”, и о встречах с кандидатом в канцлеры ФРГ от СДПГ И.Фогелем и лидером ООП Я.Арафатом, и об итогах визита А.Громыко в ГДР, и о мерах, “направленных на... продвижение инициативных предложений государств-участников Варшавского договора”, и о “сотрудничестве между Советским Союзом и странами Индо-Китая”, и т.д., и т.д. /61/. Перед нами разворачивается обычная правительственная рутинa, приоткрывающая занавес своей таинственности, и в этом — ее относительная новизна для рядового обывателя.

Советский человек "с улицы" не впервые приобщается к тайнам "московского двора". "Почин" был положен Хрущевым в 50—60 годах, когда на партийных и не партийных собраниях стали зачитываться бесчисленные "открытые" и "закрытые" письма — "о культуре личности", "о кубинском кризисе", о "противоречиях с Китаем" и другие. В 1957 году Хрущев решил даже обратиться к "народу" самолично, через голову Политбюро (тогда оно называлось Президиумом). 30 марта 1957 года он опубликовал в прессе "Тезисы доклада товарища Хрущева". Это было неслыханное самоуправство, чуть ли не протокольная бестактность, не имевшая места в "чинной" и "респектабельной" новейшей советской истории многие десятилетия со времен Троцкого. Официальный документ преподносился не как рекомендации ЦК или, в крайнем случае, — Совмина, а подавался как индивидуальное предложение. Позднее — после "разоблачения" и разгрома "антипартийной группы" на Пленуме ЦК 22 июня 1957 года — выяснилось, что "Тезисы Хрущева" и в самом деле выражали личные идеи тогдашнего Генсека, которыми он воспользовался для создания политических и психологических предпосылок экономических и административных реформ, порой вынужденных, порой спланированных им в соответствии с его неумной и буйной фантазией.

Регулярная публикация в 1983 году в советской прессе материалов о работе Политбюро свидетельствует о временном упразднении института единоначалия на вершине партократической пирамиды, но не означает, как могло показаться, какой-либо демократизации системы и к ней не ведет. Советские вожди "советуются" с народом только тогда, когда им не хватает стабильности и уверенности, и лишь для того, чтобы укрепить и усилить свою власть, — как правило за счет других вождей.

Человеческая память, однако, недолговечна, а душа советского человека чрезвычайно чувствительна и от-

зывает к малейшим проявлениям ослабления и смягчения диктатуры, пусть даже внешним и призрачным. Сообщения "В Политбюро ЦК КПСС" как раз и создают иллюзию сопричастности советских людей к принятию важных государственных решений. И одновременно предоставляют им некоторую — пусть незначительную, но все же реальную — информацию для самостоятельного, а не продиктованного директивно, анализа и робкого, осторожного прогнозирования политических и экономических процессов.

Срабатывает услужливое воображение, и советскому человеку представляется видимость социальных реформ: "Соответствующим органам поручается обеспечить четкую организацию и координацию работы новой системы управления..." /62/. Или же другое уведомление, подтверждающее близость реформ и, как хотелось бы верить советскому гражданину, уточняющее и раскрывающее их суть: "Обращалось внимание на недопустимость администрирования, навязывания... рекомендаций и инструкций по вопросам, входящим в компетенцию руководителей и специальных хозяйств". И вдруг начинает казаться, что удушающие путы партийного давления и контроля чуть-чуть ослабели, в конце темного туннеля забрезжил свет и вот-вот, чуть ли не завтра откроется возможность для инициативной активности и предприимчивости. "Перед Советом Министров союзных республик... поставлена задача обеспечить безусловное выполнение планов жилищного строительства" /63/. И возникает осторожная надежда: может быть, когда-нибудь в России не придется двум, трем поколениям — родителям, детям и внукам — ютиться в убогих подвальных квартирах. Тем более, убеждает себя советский человек, вопрос идет не только и даже не столько о благополучии людей — обещаниям и заверениям партии на этот счет в стране уже давно никто не верит — а о благе и выгоде государства, ведь именно с этой точки зрения рассматривал квартирный кризис Политбюро: "Из-за нехватки жилья

плохо обеспечиваются кадрами вновь созданные промышленные мощности..." /64/.

"Предусматривается увеличение заготовок грубых и сочных пастбищных кормов, расширение мелиорации..." /65/. Наконец-то! А вдруг все наладится и совсем скоро, в обозримом (партией) будущем, не придется простаивать ночами, после изнурительного трудового дня, или днем, во время и за счет работы, — в очередях, чтобы "достать" необходимые продукты питания — молоко, масло, мясо...

Новое руководство — на словах, во всяком случае, — старалось проявить некоторую заботу о простом человеке. Оно оповещало: "...Большое количество предприятий сферы обслуживания работают в часы, когда трудящиеся заняты на производстве... Совет Министров СССР в ближайшее время рассмотрит практические меры по наведению должного порядка в этом деле". /66/ Ничего нового в этом заявлении не было, это знали все, но раньше об этом не принято было говорить на Политбюро или тем более заявлять от имени Политбюро. Различные партийные бюро — от районного до союзного — никогда раньше не опускались до обсуждения "презренного" уровня конкретной человеческой судьбы. Партийные бюро обычно "обсуждали, выявляли, постановляли" в строгом соответствии со своим достоинством и значением: районные — в местном масштабе, союзные — в государственном и глобальном.

О том, что в партийном аппарате происходят какие-то сдвиги, — верилось, что к лучшему, — и намечается определенная переоценка ценностей, свидетельствовало следующее утверждение Политбюро: "Политбюро ЦК КПСС рассмотрело предложения о мерах по дальнейшему развитию сети предприятий по техническому обслуживанию принадлежащих гражданам легковых автомобилей и увеличению мощностей по выпуску запасных частей к ним" /67/. Итак, на 66-м году советской власти личная автомашина получала в России пра-

ва социального гражданства: ее перестали использовать только для выкачивания денег из советских людей, для чего цены на машины всегда преднамеренно завышались, и признали ее необходимым обществом средством передвижения, а "не роскошью".

Советский человек, бесправный в общественной жизни, униженный на работе, обездоленный в быту, просматривая сообщения "В Политбюро ЦК КПСС", не мог не испытывать скрытую радость, видя, как рушится благополучие и благосостояние всемогущих партocrats, жизнь которых он представлял себе с едкой завистью или с презрительным беспокойством. В затхлой атмосфере советского общества повеяло грозой социального очищения, иначе говоря, очередной "чисткой". На этот раз молния террора обещала ударить по "сильным советского мира": "Ряд министерств и ведомств, республиканских и местных партийных органов... мирятся с невыполнением планов. Политбюро ЦК КПСС обратило внимание руководителей министерств и ведомств... на их персональную ответственность..." /68/. И далее — еще конкретнее: "Большую ответственность за неудовлетворительное выполнение планов несут... лично министры" /69/. И что более всего импонировало — к суду над провинившимся начальством вроде бы предполагалось привлечь народные массы: "Политбюро ЦК КПСС на своем заседании рассмотрело вопрос о письмах трудящихся, поступивших в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета..." /70/. И отмечалось: партия ждет от авторов писем — "простых советских тружеников" "сигналов" о фактах бесхозяйственности, очковтирательства, приписок, неэкономного расходования материальных ресурсов, расточительства /71/.

Поистине — необъятный простор для сведения личных счетов, для выхода озлобления, для удовлетворения зависти. ЦК КПСС не только призывало к доносительству, наушничеству, фискальству — оно его всемерно поощряло и восхваляло: письма, отмечало По-

литбюро, — “это свидетельство политической активности трудящихся, их непосредственного участия в совершенствовании форм управления” /72/. И в заключении: “Письма являются наказом трудящихся партийным и советским органам” /73/.

Конечно же, далеко не все в замечаниях и рекомендациях Политбюро устраивало “советских трудящихся”. Многие из его решений суживали и без того ограниченные и ущемленные их права и возможности, не разрешенные формально, но утвержденные фактически: “Обращено внимание Прокуратуры СССР и МВД СССР на необходимость принятия мер по усилению охраны правопорядка в городах и сельских населенных пунктах” /74/. Значит, читалось между строк, рабочему человеку будет нелегко “опрокинуть” в закуской стакан-другой вина или разделить в подъезде “на троих” традиционную бутылку водки.

“... Ставится вопрос о необходимости строгого соблюдения требований партии и правительства об укреплении государственной, трудовой и производственной дисциплины, активного применения законодательных и общественных мер воздействия к их нарушителям” /75/. Стало быть, работать придется еще тяжелее — до полного износа. И не будет возможности “выскочить” на час-другой в магазин, чтобы “отовариться” самыми необходимыми вещами: одеждой, обувью, мелочами каждодневного пользования, мылом — сегодня, зубным порошком — завтра, иглками — еще через день и т.д., когда их по случаю “выбросят” в продажу.

Намечается закрепить — пока на селе, по формуле сталинских времен — трудящихся на рабочем месте: “Необходимо сосредоточить внимание партийных и советских органов... к тому, чтобы освобождающиеся в связи с перестройкой органов управления сельским хозяйством кадры специалистов были сосредоточены в отраслях агропромышленного комплекса, использова-

лись на работе непосредственно в колхозах и совхозах" /76/.

Идеологический процесс "единомыслия" еще сильнее придавит духовную и нравственную жизнь общества: "Политбюро ЦК КПСС поручило... принять необходимые меры по усилению политической и организационной работы среди колхозников, рабочих..." /77/. А тем, кто попытается из-под него выскользнуть, не избежать наказания, в том числе самого сурового — исключения из партии со всеми последствиями: отлучением от социальной жизни, изгнанием с работы и т.д. "Подведены итоги работы партийных комитетов и первичных организаций, связанной с приемом в партию, расстановкой и воспитанием коммунистов... намечены меры по устранению имеющихся в этом деле недостатков" /78/.

Оснований для большого оптимизма такие призывы и резолюции Политбюро не могут дать. Но сам факт их публикации для всеобщего ознакомления вызывает определенное убогостворение: он встряхивает общественную жизнь, выводит ее из состояния оцепенения и безразличия. Толпе приятны и желанны решительные меры правительства — в ней живет извечная тоска по хозяину. А если порой эти меры направлены непосредственно против самой толпы — что ж, советский человек давно научился хитрить, приспосабливаться и... обходить. Так что, в целом, сообщения о заседаниях Политбюро, призванные, по существу, засвидетельствовать факт ограничения власти Генсека, на деле вызвали в общественном сознании, скорее, противоположные результаты — способствовали упрочению и укреплению авторитета Андропова. И новый лидер незамедлительно и умно этим воспользовался.

Константин Черненко открывает торжественное заседание, посвященное 60-й годовщине образования СССР (21 декабря 1982).

Министр обороны СССР Дмитрий Устинов во время визита в Индию в марте 1982 г.

Гейдар Алиев приветствует Брежнева в Баку по случаю награждения Азербайджана орденом Ленина (24 сентября 1982).

*Виталий Федорчук, преемник Андропова на посту
Председателя КГБ.*

АНДРОПОЛОГИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

На советской государственной сцене много персонажей из социальных спектаклей, которые в современном обществе сняты с политического репертуара.

АНДРОПОЛОГИЗАЦИЯ ВЛАСТИ

Советская история движется по замкнутому тоталитарному кругу. В 1982 году она вернулась к событиям 1957-го, когда давление оппозиции заставило тогдашнего Генсека, лукавого Хрущева, сделать крутой поворот от внутрипартийной борьбы к экономическим вопросам, развернув наступление по широкому фронту проблем, заманчивых для народа, важных для его личной популярности и опасных для его противников (таких, как соревнование с Америкой по производству продуктов питания, освобождение приусадебных участков колхозников от натурального налога, сокращение правительственной бюрократии) /79/.

К началу 1983 года Андропову становится очевидно, что несмотря на победу в борьбе за власть на ноябрьском Пленуме он оказался в положении, когда большинство членов Политбюро противится его попыткам реорганизации государственного аппарата и экономическим реформам. И тогда он решает, по методу Хрущева, перенести внимание с внутрипартийной борьбы на актуальные социальные темы. И делает это не за стенами Кремля, где позиции его противников сильнее, а вынося спорные вопросы на "массовое обсуждение" /80/.

28 января 1983 года Андропов неожиданно появля-

ется на московском станкостроительном заводе им. Серго Орджоникидзе. Без обязательной в таких случаях многочисленной свиты, без организации привычного торжественного митинга, он просто ходит по цехам, беседует с рабочими, а затем, во время перерыва, выступает с короткой речью /81/.

Первое явление Андропова народу призвано продемонстрировать деловитость и доступность нового Генсека, его умение говорить без дежурных фраз об успехах, без громких призывов к благодарности партии. Это — явление, выдержанное в лучших традициях коммунистического мифа, даже нескольких мифов одновременно: Андропов стремится проявить в общении с "простым народом" и "ленинскую доступность", и "сталинскую решительность", и "хрущевскую непосредственность", а заодно подчеркнуть и собственные добродетели — широту кругозора, глубину знаний. Он расспрашивает о текучести кадров, размерах зарплаты, условиях и характере труда, рентабельности предприятия, качестве продукции. И во всем проявляет обстоятельность и компетентность, — видимо, над вопросами Генсека кропотливо и основательно поработали многочисленные специалисты. Разумеется, ответы рабочих Андропову известны заранее — они призваны подтвердить важнейшие положения его докладов на Пленумах ЦК. Оно и не удивительно — ведь технология "собеседований" вождей с народом отработана и доведена в СССР до совершенства: тезисы вопросов и ответов трудящиеся получают от парткома, куда они спускаются из райкома, который сам получает их "свыше" — и так до личной канцелярии Генсека. Так что, в сущности, любой "диалог" Генсека с массами является фактически монологом.

Андропову тем не менее важно было посетить завод и пообщаться с рабочими, — это давало ему формальное основание при случае заявить: народ меня понимает и поддерживает. И хотя члены Политбюро не хуже самого Андропова осведомлены о рецептах изготов-

ления такого "понимания" и "поддержки", дезавуировать Генсека они не посмеют: на этих рецептах держится вся советская система, а стало быть — их собственная власть.

Андропов получил все, что ему требовалось. "Труженики" образцово-показательного советского завода дружно, в один голос (голос парткома), заверили Генсека: "Пленум выразил и наши чувства и настроения. Мы ждали этих решений" /82/.

Эти слова были вложены парткомом в уста "рядового труженика", поэтому они нарочито незатейливы и прямолинейны. А вот выступление директора завода — уже развернутая иллюстрация к докладам Андропова: "После ноябрьского Пленума ЦК КПСС коллектив завода глубже взглянул на проблемы дисциплины... вышел с инициативой улучшить организацию труда... принял серьезные обязательства в социалистическом соревновании..." /83/. Разумеется, обо всем этом не раз говорилось и до "исторического" Пленума. И, конечно, ничего конкретного не будет сделано в этом направлении после него. Но одна из особенностей советского двоемыслия состоит в том, что отсчет времени в нем всякий раз начинается заново — с первого Пленума (а потом — и первого партийного съезда), проведенного "под руководством" нового Генсека. Другие страны и народы исчисляют свою историю "с сотворения мира", "с рождения Христа" и тому подобное; в СССР же к обычной "новой эре" обязательно добавляется еще одна точка отсчета: "после Великой Октябрьской социалистической революции", а эта эра, в свою очередь, распадается на периоды властвования очередных правителей. После смерти Ленина советским людям было предписано отмечать все их свершения, достижения, успехи и дерзания, начиная с январского (1924 года) Пленума ЦК; после смерти Сталина — с мартовского Пленума 1953 года (позднее — с XX съезда партии); после смещения Хрущева — с октябрьского Пленума 1964 года (потом его заменил XXIII съезд);

а теперь, после Брежнева, директор завода начинает свою речь словами: "После ноябрьского Пленума".

Точно так же данью традиции и верностью жанру партийной риторики были "слова благодарности", с которыми Андропов обратился к сотрудникам завода: "Большое спасибо за теплую встречу. Я воспринимаю такое ваше отношение как аванс на будущее и постараюсь работать так, чтобы оправдать ваше доверие" /84/.

В действительности, конечно, подлинное и естественное отношение "трудящихся" к Генсеку на встрече не могло проявиться — встреча проходила по заранее составленному сценарию. Не было и "авансов доверия" — он выдавал себе сам. Поэтому пусты и заверения "оправдать" это доверие. На самом деле встреча преследовала иные цели: во-первых, завоевать расположение трудящихся, польстив им своими словами, а во-вторых, показать Политбюро, что рабочим "близки и понятны" его, Андропова, стремления. Именно для этого прозвучали в его речи слова: "Отрадно, что решения Пленума нашли живой отклик во всех трудовых коллективах по всей стране" /85/.

Что же касается сути выступления Андропова, то она сводилась к попытке перебросить мост от "старых" мыслей к "новым" идеям. Андропов снова поднимает вопрос об отставании советской экономики по всему фронту, вновь говорит о снижении производительности труда, опять признается: "То, что мы производим, обходится нам... слишком дорого" /86/, сетует на разрыв между ростом доходов населения и уровнем производительности труда, упрекает, что "за выполнение сниженного плана порой нередко дают еще и премии" /87/, затрагивает и довольно острые, необычные для советской пропаганды проблемы — тяжелый женский труд, низкий уровень техники безопасности, целесообразность использования труда пенсионеров. Он предлагает "выход" из продовольственного кризиса: выдавать продукты питания прямо на предприятиях /88/, — но на этом он останавливается; он не обещает роста зар-

платы (зачем он, "если не обеспечен товарами?" /89/), отказывается видеть путь к реорганизации хозяйства и в повышении цен ("Можно, конечно, идти по пути повышения цен, но нам такой путь, как генеральный, не годится" /90/).

В чем же Генсек видит то главное звено, ухватившись за которое он предполагает вытащить советскую индустрию из болота? Оказывается, таким решающим звеном в тяжелой и запутанной цепи нерентабельности и неэффективности экономики ему представляется дисциплина.

"Нам нужна сознательная рабочая дисциплина, которая бы двинула вперед производство. Нам надо наполнять борьбу за дисциплину большим содержанием, связывать непосредственно с выполнением производственных заданий" /91/.

Андропов понимает, конечно, что дисциплина сама по себе не может решить острых экономических проблем страны. Но он сознает также, что реформы (если он на них решится) могут оказаться опасными для режима без введения жесткой, даже жестокой дисциплины, не ограниченной только рамками производства, но распространенной на всю социальную структуру. Вдобавок, он знает, что под прикрытием лозунга "борьбы за дисциплину" можно навести в стране желаемый порядок без дополнительных капитальных вложений.

Этот лозунг имеет для Андропова и еще одну привлекательную сторону. Он может служить идеологическим обоснованием для снятия или перемещения неудобных или непослушных ему партийных и советских работников, минуя Пленум и Политбюро, в порядке чисто бюрократической, "дисциплинарной" процедуры. Андропов — опытный стратег: не сумев овладеть главным бастионом диктатуры, Политбюро, с помощью лобовой атаки, он хочет сделать его недееспособным, окружив с флангов и взяв в блокаду. А для этого нужно разорвать связи между аппаратом политического управления (Секретариат ЦК) и исполнительной

властью (отделы ЦК, министерства, Комитеты и т.д.) . Из опыта всей советской истории Андропов знает, что победа всегда остается за бюрократическим аппаратом, то есть, в конечном счете, — за Генсеком.

Так появляются в его речи слова: "Вопрос о дисциплине относится не только к рабочим, инженерам, техническим работникам, это относится ко всем, начиная с министров" /92/. И слова вскоре становятся делами. Один за другим увольняются с должностей министр путей сообщения И.Павловский, Председатель Комитета по спорту С.Павлов, министр торговли А.Струев. Их заменяют давние знакомые (чтобы не сказать — коллеги) Андропова: Н.Конарев, по должности заместителя министра путей сообщения курировавший кадры министерства и тесно связанный поэтому с госбезопасностью; М.Грамков, сменивший Павлова, а до этого бывший одним из руководителей отдела международной информации ЦК, полностью инфильтрованного тайной полицией; Г.Ващенко, преемник Струева, а прежде — консультант КГБ.

17 декабря Президиум Верховного Совета совершенно неожиданно объявляет о смещении Председателя КГБ В.Федорчука. Он получает Министерство внутренних дел и в утешение — звание генерала армии. Государственная безопасность передается более надежному человеку, доверенному лицу Андропова В.Чебрикову, который начинал "шестеркой" при "днепропетровской мафии". Объявлено и о назначении двух новых заместителей министра иностранных дел — возможно, с дальним прицелом вырастить наследников Громыко. Одним из новоназначенных является видный ученый-историк М.Капица, другим дипломат, специалист по США В.Комплектов; оба с давних пор находились под "колпаком" КГБ, поскольку работали за границей.

Эти и другие перемещения во втором эшелоне советского руководства преподносятся, конечно, как "оздоровление" правительственного аппарата. По су-

ществу же, новые назначения ведут к тому, что во главе важнейших государственных организаций СССР становятся гебисты. Бывший главный полицейский страны распределяет ключевые посты полицейского государства между низшими полицейскими чинами. Вообще говоря, для советской системы это вполне нормальный метод — каждый новый Генсек пытается опереться на социально близкие ему слои. Любопытна, однако, поспешность, с которой это осуществляется. Расстановка сил в Политбюро понуждает Андропова спешить с захватом всех ступеней партийной иерархии. Вскоре перемещения затрагивают уже и пропагандистско-идеологический аппарат. В том же декабре был снят заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, ставленник Брежнева Е.Тяжелников (его отправляют послом в Румынию), и на его место назначается давний и высокопоставленный сотрудник КГБ Б.Стукалин, в прошлом — Председатель Комитета по печати.

В январе 1983 года реорганизуется отдел международной информации. Заместитель руководителя отдела В.Фалин, один из приближенных Брежнева "переводится" обозревателем в газету "Известия"*.

Покидает отдел "международных кадров" Н.Пегов, сделавший карьеру еще при Сталине. Его наследником становится посол СССР во Франции С.Червоненко, старый доверенный нынешнего Генсека еще с тех времен, когда Андропов был секретарем ЦК КПСС по связям с восточноевропейскими странами.

"Дебрежневизация" захватывает и средства массо-

* В.Фалин — опытный дипломат — был долгие годы советским послом в ФРГ. Когда в Москву приехал в 1983 г. Фогель, лидер социал-демократической партии Германии, и поинтересовался судьбой своего давнего знакомого Фалина, ему любезно объяснили: "Валентин Михайлович, наконец, осуществил свою давнюю мечту. Он сейчас усиленно пишет международные комментарии для газеты "Известия".

вой информации: смещен главный редактор "Известий" А.Алексеев и на его место поставлен Л.Толкунов, последние годы возглавлявший Агентство печати "Новости" (в сети Андропова он попал еще в 50-е годы, будучи одним из редакторов газеты Коминформа "За прочный мир, за народную демократию"). На повестке дня, видимо, — отстранение редактора "Правды" В.Афанасьева и Председателя Комитета по радиовещанию и телевидению С.Лапина. Афанасьеву, по слухам, прочат место в Академии наук (Андропову нужны в Академии партийцы со стажем), а Лапину — почетную отставку (на что указывает недавнее присвоение ему, по случаю 70-летия, звания Героя социалистического труда — высшей почести для советского бюрократа).

Одновременно Андропов формирует и свой "внутренний кабинет", подобный тому, какой был у всех его предшественников. Роль этого кабинета в структуре партаппарата всегда велика: через него проходят все распоряжения Генсека, он распределяет задания и рассылает все важнейшие документы. При Андропове эта роль должна лишь возрасти: не имея надежной опоры в Секретариате ЦК, он вынужден сместить центр власти в сторону преданного ему "внутреннего кабинета".

Здесь, однако, положение нового Генсека осложняется тем, что в его "кабинете" остаются люди Брежнева — без надежд на будущее, зато с известным прошлым. Это — главный консультант по внешней политике А.Александров (Агентов), работавший с Брежневым более 20 лет, составлявший Брежневу все речи и доклады по международным вопросам и продолжающий мыслить брежневскими категориями; это также П.Лаптев и В.Шарапов (первый начинал карьеру в ЦК под руководством Андропова, второй, будучи корреспондентом "Правды" в Китае и Вьетнаме, проходил по ведомству КГБ). Двое последних несколько лет назад редактировали книгу избранных речей Андропова, так что, вполне возможно, останутся на своих местах. От

Александрова же Андропов, надо полагать, захочет избавиться.

На важнейшие роли в партийном или государственном аппарате могут быть выдвинуты давние консультанты Андропова, профессора-интеллектуалы А.Бовин, Г.Арбатов, Ф.Бурлацкий, хотя выдвижение еврея Арбатова и цыгана Бурлацкого может вызвать определенные процедурные сложности.

В целом, кадровая политика Андропова, как уже можно видеть, исходит из четырех критериев: личная преданность; относительная молодость; отсутствие прочных связей в партийном аппарате; профессионализм и компетентность. Первые два всегда были определяющими для коммунистических правителей; два последних введены лично Андроповым.

Вряд ли у Андропова хватит времени, чтобы произвести основательную перетряску всей партии — видимо, при нем она так и останется, в основном, хрущевско-брежневской. Похоже, однако, что он пытается придать ей черты сталинской эпохи. В результате режим приобретает своеобразный облик "сталинизма с андроповским лицом". Ресталинизация не только вносит дополнительные (популярные среди многих) черты в образ нового Генсека, который предстает поборником "сильной власти", но и служит его практическим целям — постепенной и ненавязчивой отмене решений брежневских съездов и обоснованию нового курса внутренней политики.

Первые признаки ресталинизации можно было усмотреть уже в начале 1983 года, когда в вышедшем втором изданием однотомном энциклопедическом словаре были изъяты все упоминания о сталинских преступлениях (в первом издании 1979 года им было посвящено 54 строки со ссылками на XX съезд). Затем в Москве стали циркулировать слухи о готовящемся переименовании Волгограда в Сталинград. Но главное в этом направлении состоит в том, что печать и дух сталинизма становятся постепенно ощутимыми во всем

стиле социального (индивидуального и массового) поведения, который Андропов пытается сделать нормативным в советском обществе. Хотя и говорит он вроде о необходимости создать в обществе "здоровую обстановку" /93/, в действительности в атмосфере носится иное. Разработаны (а в Москве уже введены в действие) "Кодексы жителей коммунистических городов", которые требуют "покончить" со стяжателями и тунеядцами. Любопытно, что Брежнев призывал положить конец явлениям стяжательства и тунеядства, тогда как Андропов предлагает уничтожить носителей указанных "пороков". По всей стране (разумеется, по подсказке властей) развернулась борьба с нарушителями трудовой дисциплины. "Трудящиеся" в порыве благородного негодования предлагают посылать прогульщиков на принудительные работы, а власть поспешно опубликовала указ, согласно которому "антисоциальные элементы" будут отправляться на пер- и довоспитание в "специальные производственные коллективы" (видимо, стало опять не хватать ээков для "великих" и "ударных" строек коммунизма!). Те же "трудящиеся" стали вносить предложения "устанавливать продолжительность отпуска в зависимости от стажа непрерывной работы, а у лодырей — вычитать из отпуска дни" /94/. За опоздание, неявку или самовольный уход с работы лишают премий, тринадцатой зарплаты, летнего отпуска, очереди на жилье, а при повторном нарушении — увольняют. Жизнь стала невыносимой — ведь надо же как-то отстоять очередь за продуктами?! Но в городах устраивают облавы на детей и взрослых в учебное и рабочее время, ловят их в магазинах, парикмахерских, банях и пойманным предъявляют постановление "Об учете потерь рабочего времени". В пригородных поездах лютуют "комсомольские патрули", которые снимают на полустанках "мешочников" — колхозников, домохозяек, пенсионеров, направляющихся в большие города за покупками. Специальные бригады ревизоров и контролеров,

направленные на предприятия, в учреждения и колхозы, доносят, что за 30 минут до конца рабочего дня на заводах Москвы остается "всего 10% трудящихся", что в конторах работа начинается чуть не через час после звонка, что на селе свадьбы и похороны выливаются в многодневные попойки и массовые прогулы, что в дни получек на заводах "треть работающих" опохмеляется прямо на работе.

Пресса неустанно призывает граждан к "бдительности", к обнаружению и изобличению виновных в лености и халатности. Комсомольская газета Украины призывает комсомольцев принять участие в операции "Найденные минуты" — сообщать в редакцию "полный адрес предприятия или учреждения, на котором допускается нарушение трудовой и производственной дисциплины", указывая имена конкретных виновников. Донос должен быть сработан в известных советских традициях анонимно: "Просим указать ваше место работы, — пишет газета, — и фамилию по желанию" /95/. Появилась особая профессия — "слухачи Андропова", люди, которые ходят с магнитофонами по очередям, автобусам, музеям, выставкам, всюду, где скапливается народ, и записывают, чем недовольны, чего ожидают, на кого жалуются. Так используется долгодлительный опыт работы Андропова в КГБ.

Стремясь задушить крамольные вопросы "снизу" о причинах бесхозяйственности и нерентабельности производства, Андропов пытается переложить вину с системы на самих советских граждан, обвиняя их в лени, расхлябанности, неспособности к эффективному труду. Бичуя эти второстепенные изъяны (и скрывая принципиальные недостатки режима), он одновременно зарабатывает репутацию непримиримого борца с "недостатками" и "смелого" глашатая социальных "реформ". И, наконец, желая провести эту борьбу (в сущности, против народа) руками самого народа, Андропов облакает хрупкую систему общественного равновесия, сложившуюся в СССР на хитроумном балансе

закона и беззакония, призрачным фасадом "народовластия" — по чертежам Алиева. По его указанию в стране создаются народные "комиссии по контролю за деятельностью администрации" /96/, в армии создаются "комитеты комсомольской чести" для наблюдения за нравственностью солдат и офицеров. А сам Андропов, поговаривают, вот-вот появится в магазинах и оптовых базах, чтобы "лично" проверить организацию снабжения граждан.

Но пока что в СССР недостает самых необходимых продуктов питания, и их распределение производится по талонам и карточкам. В Баку, Тбилиси, Ярославле, Красноярске и Петрозаводске нормы месячной выдачи на одного человека составляют 1 кг мяса, 400 г сливочного масла, 4 кг картофеля; в Казани — 700 г говядины, 700 г мясных изделий, 400 г масла; в Куйбышеве — 500 г масла, 500 г колбасы, 800 г мяса; в Гори (на родине Сталина) — 1 кг мяса, 300 г масла, 3 кг сахара. В Ленинграде у сотрудников маслозавода берут подписку о неразглашении технологии изготовления масла, а врачи советуют не давать его детям /97/.

Но даже эта страшная информация, просочившаяся на Запад, не дает полного представления о продовольственном обнищании в СССР. Вот что рассказывает поэт Юрий Кублановский на страницах выходящей в Париже газеты "Русская мысль": "И ежедневные будни изматывают все больше. Еще пару лет назад: ну, исчезли сосиски — перехватим колбасы, нет колбасы — сырку. А теперь заходишь в магазин, и нет ровным счетом ничего — ни масла, ни молока, а если и есть что-то, то очередь не на двенадцать минут, как прежде, а на час — и стоишь час, а что делать? На себя бы плюнул, да дома дети. Еще два-три года назад консервы "Завтрак туриста", например, стояли штабелями свободно, а теперь где-нибудь в Куйбышеве очередь за ними... Вот уже полгода ни в одном обувном магазине Москвы нет коричневого гуталина, в электротоварах не найти обычной настольной рабочей лампы... Одним словом,

чуть не ежедневно безвозвратно что-нибудь исчезает. Многие, наверное, помнят наши железнодорожные вокзалы летом: духота, грязь, запах пота и сидящие сутками на скамьях и прямо на полу пассажиры. Теперь то же самое и зимой. Обычный билет в будний день в любом направлении — в Ленинград, Ярославль, Новгород — проблема: в кассе очередь на два-три часа. И люди становятся все грубее, все раздражительнее... Скотство, как в гражданскую войну, — зайти в общественный туалет нет возможности... Где-нибудь на Беломорье катастрофически деградируют целые деревни: у мужиков от недоброкачественного спиртного отнимается речь, бабы к тридцати от тяжелой работы и нездоровой пищи уродливо расплзаются, дети, зачатые по пьянке, рождаются с явными признаками дегенеративности" /98/. Если поначалу у кого-то и была надежда, что Андропов попытается вытащить советскую экономику из развала с помощью экономических реформ, то теперь эта надежда исчезла. Политбюро не разрешило ему предоставить хотя бы частичную свободу действий предприятиям и колхозам (чтобы увеличить материальную заинтересованность трудящихся), и он, отложив реформы до "лучших времен", обратился к обычному советскому методу "кнута без пряника". На производство и в торговлю были брошены новые армии контролеров и инспекторов, в Москве сместили нескольких заместителей министров (рыбного хозяйства, энергетического машиностроения, легкой и пищевой промышленности, воздушного транспорта /99/), расстреляли группу-другую спекулянтов и взяточников, посадили в тюрьму нескольких зарвавшихся сверх меры хозяйственников, вроде управляющего плодоовощной базой в Ленинграде, директоров ГУМа и Елисеевского магазина в Москве /100/, — но бесхозяйственность, спекуляция, хищения и коррупция остались, как были.

По существу, Андропов и не строил иллюзий, что ему удастся полностью смести черный рынок с лица советской земли. Его цель была скромнее: доказать, что

отныне экономические преступления в СССР не окупаются. Но и эта задача оказалась ему не под силу. Коррупция, фальсификация отчетов, неуплата налогов, подпольное производство, хищение государственной собственности, злоупотребление служебным положением — короче, все то, что подводится властями под понятие "второй экономики" — не являются случайным или искусственным наростом на теле социалистического хозяйства. Это — интегральная и органичная часть советского образа жизни.

Вторая экономика не есть типично советское явление, но в советском обществе она порождена условиями, типичными для социализма: нехваткой товаров и услуг, негибкостью руководства, идеологизированной системой распределения и производства. К незаконным операциям вынуждены прибегать любые советские предприятия, чтобы выполнить план, наладить снабжение, реализовать готовую продукцию. Так что вторая экономика является симбиотическим подвигом коммунистического хозяйства, выполняющим важные и полезные для него социальные функции. Она перераспределяет награбленное, частично перемещает — заново и более справедливо — национальный продукт от эксплуатирующего правящего класса к эксплуатируемому народу, предлагает населению товары и продукты, которые государство не в состоянии ему предоставить, создает межличностные связи и отношения (они пронизывают социальную ткань общества сверху донизу), необходимые для терпимого существования, компенсирующие несправедливость права и бессилие закона.*

* Коррупция — это также, в известной мере, смазочное масло советской государственной машины: без нее остановилась бы и замерла общественная жизнь, она является своеобразной формой участия населения в управлении страной. Через нее реализовалась мечта Ленина о кухарке, управляющей государством — действительно, без взятки кухарка в СССР не приготовит вкусный обед, продавец не продаст мяса или масла, толко-

Но пятнадцать лет работы в КГБ не прошли для Андропова бесследно: он прекрасно знал, что порочна вся экономическая структура общества, и всякое серьезное стремление обуздать "вторую экономику" приведет к потрясению системы. Поэтому он ограничил свой поход против коррупции отдельными (хотя и не единичными) террористическими мерами.

Тактика террора имела для него и другое преимущество: она запугивает население, принуждает к осторожности, к разрыву многих личных связей и тем самым атомизирует социальную среду. В результате сопротивляемость общества снижается. И действительно, когда Андропов начал свой второй "поход" — против нонконформистов и диссидентов, большая часть народа осталась безучастной к его жертвам.

Первой из этих жертв стал театр на Таганке: поставленный Любимовым спектакль по пьесе Пушкина "Борис Годунов" был запрещен после генеральной репетиции; видимо, проблема узурпации власти обеспокоила нового правителя опасными ассоциациями. Затем была снята с репертуара театра Сатиры пьеса Эрдмана "Самоубийца" в интерпретации режиссера Плучека. Писатели, печатавшиеся на Западе, но никогда открыто не выступавшие против властей, были вызваны на "собеседование" в прокуратуру или в КГБ, где им были сделаны предупреждения о недопустимости "продолжения антисоветской деятельности". В Москве стали проводиться досмотры личных библиотек в поисках "нежелательной" или запрещенной литературы. Если во времена Брежнева еще существовали некие неписанные правила либерального поведения, которые позволяли инакомыслящим балансировать на грани дозво-

вый врач — не примет больного, приемная комиссия — не пропустит в институт, без взятки не купить хорошую книгу, не попасть на интересный спектакль — и так до бесконечности (см. "Развитие коррупции", "Русская мысль", 30 декабря 1982 г.).

ленно го, то теперь границы допустимого сузились почти до нуля.

Андропов всегда умел приспособливаться к обстоятельствам. Он всегда был готов провозглашать (и проводить в жизнь) любую необходимую в данный момент политику, будь то либеральная или консервативная. Именно в этом контексте практицизма и беспринципности следует рассматривать и оценивать также и его отношение к инакомыслящим — к каждому конкретно и ко всем в целом, как социальному феномену. Если в первом случае Андропов может позволить себе известную гибкость, когда хочет повлиять на западное общественное мнение, то во втором его политика сводится к тотальному устрашению и террору.

В январе 1983 года власти заявили известному историку Рою Медведеву (опубликовавшему на Западе 19 книг), что он должен прекратить свою "антисоветскую деятельность", на что Медведев спокойно заявил: "Если я нарушил закон, отправьте меня в тюрьму" /101/. И Андропов решил пропустить этот дерзкий вызов мимо ушей. Пока...

В том же месяце писатель Георгий Владимов получил ультиматум: под угрозой ареста представить в органы "покаянное письмо" с обещанием прекратить "антисоветскую деятельность", указать все свои контакты и впредь печататься на Западе только с ведома и разрешения властей. Владимов заявил, что предпочитает отправиться в добровольное изгнание на Запад /102/. И Андропов снова проявил "гибкость" — Г. Владимов навсегда пересек советскую границу.

Двоемыслие и двоедействие Андропова порождено его честолюбивым стремлением создать впечатление благоразумного, рассудительного, здравомыслящего и мудрого руководителя. Но чем больше он старается отгородиться от КГБ, удержаться в рамках закона, тем более проявляются его гебистские привычки, антизаконные повадки — в частности, в инспирированном им преследовании инакомыслящих.

В этом "беге с препятствиями" между допустимым (Политбюро) и желаемым (личной популярностью), между стремлением (прослыть либералом) и возможностью (обусловленной тоталитарным строем) побеждает в Андропове, в конечном счете, его сущность "гомо советикус". Коммунистическое (точнее — околокоммунистическое) мировоззрение составляет основу его взгляда на жизнь, он целиком — в рамках предписываемого уставом КПСС социального поведения, точкой нравственного отсчета для него является советская система.

При этом важнейшее для Андропова — видимость благопристойности. Он очень озабочен благопристойностью внешней: всегда в тщательно отутюженном костюме спокойных тонов, искусно повязанном некрикливом галстуке, в ослепительно белой рубашке. Он старается не проявлять ни к чему подчеркнутого любопытства, не резонерствует, не питает пристрастия к торжественным ритуалам. Он верит (во всяком случае, хочет заставить других поверить, что верит), будто советская система — это лучшая модель для развития "всего человечества". Он твердо убежден (или делает вид, что убежден), что "авторитет СССР" день ото дня растет во всем мире. Возможно, в глубине его души таится сомнение и недоверие к партийным лозунгам и "вечным" заветам и живет мечта о радикальных и глубоких преобразованиях. Но внешне он проявляет благоразумную марксистскую "убежденность". Советскую действительность он делит на две противоположные субстанции: "просоветскую" — положительную и "антисоветскую" — отрицательную. В первую входит дорогая его сердцу госбезопасность и частично партия, во вторую — инакомыслящие и вообще мыслящие люди. Между этими полюсами он размещает "народ" — 270 миллионов граждан за вычетом полностью "правоверных" и явно "неблагонадежных". "Народ" призван служить строительным материалом для надежного фундамента власти. Себя самого он хочет навязать это-

му "народу", как центр мировосприятия, независимо от того, пойдет ли он путем реформ или останется (если заставят) поборником консервативных тенденций.

Как и его предшественники, Андропов сам конструирует и создает врагов режима — по международной потребности и внутривластной возможности. По его указанию КГБ разворачивает кампанию гонений на верующих. Ширятся случаи ареста распространителей религиозной литературы /103/, высылки баптистов, насильственного помещения в психиатрические лечебницы пропагандистов "Нового завета" /104/, перед судом предстают члены инициативных групп по защите прав христиан. Одновременно стремительно поднимается волна репрессий против тайных сторонников НТС*, против создателей и членов Свободного межпрофессионального объединения трудящихся**, против феминисток и йогов (105-108) и против просто порядочных, независимых граждан, поведение и поступки которых не укладываются в коммунистические стандарты. Наказывают за демонстрации в честь международного Дня прав человека на площади Пушкина в Москве, за выражение солидарности с политзаключенными, за встречи с иностранцами. Призваны к ответу и "младшие братья": за вышедший из "социалистических берегов" национализм на Украине, в Латвии, Грузии, Армении и других республиках поспешно фабрикуются

* НТС (народно-трудовой союз российских солидаристов) — либерально-демократическая политическая партия российских эмигрантов, выступающая с антикоммунистических позиций, поддерживающая освободительное движение в СССР.

** СМОТ (свободное межпрофессиональное объединение трудящихся) — создано в СССР 28 октября 1978 г. Его основатели В.Свирский и Л.Волхонский — в заключении, В.Борисов, Е.Николаев, А.Якорева — в эмиграции. СМОТ выпускает самиздатский "Бюллетень" с ценной информацией о Советском Союзе — о национальном и демократическом движениях, об экономических проблемах и репрессиях.

обвинения в шовинизме, пропаганде сепаратизма и в участии в правозащитном движении. /109/

Не забыты и "исконные", вечные противники советской власти, пригодные для использования при любых изгибах генеральной линии партии и на всех поворотах коммунистической истории, — сионисты. Через борьбу с ними — а как же иначе? — всегда проявлял и утверждал себя "социалистический патриотизм".

С приходом Андропова к власти границы Советского Союза замкнулись еще больше. Теперь осталась лишь узкая щель, через которую тонкой, едва заметной струйкой — всего несколько десятков в месяц, — еще просачиваются советские евреи. Создается впечатление, что с политикой "приоткрытых границ" покончено и что прежний курс, направленный на "выброс" из страны "бродильных" и "неблагонадежных" элементов, признан несостоятельным. Такой вывод, однако, может оказаться преждевременным.

В Москве усиленно распространяются слухи, что "отказники" оповещены: "разрешения на выезд выдаваться больше не будут — ищите работу, устраивайтесь". Но эти разговоры и слухи лишний раз подтверждают, скорее, обратное — то, что советские власти хотели бы скрыть: стратегическая установка в отношении эмиграции все еще не изменилась, перемены имеют тактический, а стало быть — временный характер. Если в Москве действительно хотели бы полностью перекрыть выезд евреев, это было бы сделано оперативно и без промедления. В КГБ вот уже много лет, едва ли не с той поры, как вообще началась эмиграция, разработана операция "закрытия границ". Заготовлены многочисленные материалы, "компрометирующие" Израиль: "страстные" статьи в газетах, "негодующие" телевизионные репортажи, "гневные" заявления "патриотической" еврейской общественности, "изобличающие" свидетельства "беженцев" из обетованной земли. Не достает только команды Политбюро, чтобы привести в движение этот пропагандистский механизм. Для пре-

кращения эмиграции будут использованы и сложные международные обстоятельства: обострение и ухудшение советско-американских отношений, затяжной кризис на Ближнем Востоке. Сей цели послужат и "новые" идеологические претензии: советские евреи, выпущенные по "израильской квоте", оседают в США и Западной Европе, значит, — они обманывают советское правительство. Могут быть обыграны и "гуманистические" мотивы — "забота" советского государства о бывших его гражданах "еврейской национальности", ответственность "за судьбы и будущность их детей".

Однако еврейская эмиграция — явление сложное. Она порождает ряд разнообразных последствий — на ней основан международный престиж коммунистического государства и личный — Андропова, которому не хотелось бы прослыть антисемитом, она питает надежду на возрождение советской политики "мирного сосуществования", она помогает удовлетворить нужды советской экономики в западной технологии. Она плотно переплетается с противоречивыми аспектами советской внутренней жизни, определяется ими и определяет их.

Если Андропов примет решение "наглухо закрыть ворота", ему придется, даже против воли народа, предоставить евреям определенные права и создать видимость культурной жизни, а это поставит его перед новыми трудными вопросами. Другие меньшинства (греки, курды, китайцы, корейцы) могут также потребовать предоставления им национальной автономии и равенства. Возможны осложнения и с основными "братскими" народами — украинцами, белорусами, литовцами, эстонцами, грузинами и другими. Сейчас, на фоне совершеннейшего бесправия евреев, их собственное неравенство представляется другим советским народам менее унижительным и безрадостным. Таким образом, выпадение, даже частичное, "еврейского блока" из дискриминационной конструкции "лоскутного государства" таит опасность потрясения всей конструк-

ции. Произойдет цепная националистическая реакция, последствия которой могут оказаться губительными для режима.

Так что Андропов, по-видимому, предпочтет не будить чувства попранного национального самосознания, покупая спокойствие и наживая попутно политический капитал сравнительно недорогой ценой эмиграции. Андропов стремится убедить Запад, что остаются открытыми две возможности — развертывание и свертывание эмиграции. Продолжение эмиграции определяется тем же условием, которое когда-то сделало ее возможной — возрождением детанта; прекращение ставится в зависимость от проведения Вашингтоном "воинственной" политики или отказа от нее. Советские евреи — заложники, зажатые в тисках этой дилеммы, и Андропов ловко ими манипулирует. Он дал "великодушное" согласие на репатриацию из Вены 800 семейств, добывающихся возвращения в СССР, с тем, чтобы Запад понял: они будут при необходимости использованы в качестве антиссионистского "запала" для срыва еврейской эмиграции.

Советские власти стали активнее включать евреев в состав делегаций, отправляемых за границу — так они подводят мировое общественное мнение к мысли, что существует альтернатива исходу евреев из СССР. Той же цели служит создание в Москве антиссионистского Комитета, в который вошли видные деятели советского государства, науки, культуры — в случае надобности от его имени будет выдвинуто "требование" запретить эмиграцию евреев /110/.

"Придушив" еврейскую эмиграцию, сведя ее с тысяч до немногих десятков в месяц, Андропов расчетливо создает атмосферу безысходности в расчете на сострадание и уступчивость либерального Запада. Стоит Андропову пожелать сломить и сокрушить еврейское национальное движение, он тотчас может частично арестовать, частично выпроводить за рубеж глухо замороженных "отказников". И сионистское тело,

состоящее из сотен тысяч потенциальных эмигрантов-евреев, лишившись головы, будет перемолото и поглощено "братской семьей" советских народов.

А тем временем в Политбюро то и дело раздаются голоса: исход евреев из "социалистического отечества" наносит непоправимый ущерб "делу построения коммунизма во всем мире". В этом суждении, очевидно, есть известная доля истины, но лишь доля. Массовый отъезд из СССР и впрямь пробил "брешь" в устоях коммунистической системы — зато в эту вновь образовавшуюся пробоину широким и мощным потоком пошла в СССР современная западная технология, новейшее оборудование, миллионы тонн хлеба. Так что потеряв в тоталитарной цельности и идейной гармонии, коммунистическая власть приобрела в стабильности и силе.

Советское государство всегда охотно расплачивалось принципами за богатство и благополучие, вопрос лишь в том: что и кто в ближайшее десятилетие будет выброшено на советский прилавок на международном аукционе. Цена за выкуп евреев (и немцев), кажется, уже определилась, так что андроповские заморозки, пришедшие на смену брежневской оттепели*, не обязательно окажутся губительными для сионистского движения в России.

Пока не удастся Андропову полностью сковать "чеккистским льдом" и возникшее во времена Хрущева движение духовного и нравственного сопротивления в стране. Для того, чтобы полностью покончить с брожением, существующим в советской системе, ей необходимо преодолеть собственный страх и переродиться в то, чем она уже однажды была при Сталине, — в режим перманентного и тотального террора. Возродить его полностью Андропову не позволит партийная номенк-

* Все в нашем мире постигается в сравнении: правление Брежнева на фоне либеральной эпохи Хрущева когда-то казалось суровой зимой.

латура, приведшая его к власти. Неограниченный произвол поставил бы под угрозу не только обретенное номенклатурой благоденствие, но и самый факт ее физического существования, как уже случилось в 30-х годах, когда с молчаливого согласия партийной верхушки, пролетарская революция, одолев и сокрушив своих реальных и мнимых противников, поглотила и уничтожила собственных руководителей.

В современном советском обществе, таким образом, сложилась сюрреалистическая ситуация: борьба противоположностей — партократии и оппозиции — существует с их единством. Они необходимы друг другу как противоположные полюсы одной социальной субстанции. Это противоречивое единство, однако, не бесконечно — оно должно быть преодолено или ценой уничтожения оппозиции, или ценой гибели партократии. При этом падение партократии не обязательно приведет к исчезновению оппозиции, которая при определенных условиях может даже окрепнуть, в то время как полная ликвидация оппозиции неизбежно потребует насильственного устранения существующей партийной номенклатуры и ее замены в качестве "направляющей и определяющей силы общества" другой автократией, например, чекистской. Последняя, как и партократия, будет вынуждена предстать в марксистском облачении "авангарда прогресса", осуществляющего "последнюю социальную революцию в истории", для идеологического обоснования своего права на власть.

Данная эволюция режима, если она произойдет, должна полностью уместиться в рамках классической традиции "научного коммунизма": Ленин, разгромив и разогнав оппозицию, подменил социалистическую партию бюрократической номенклатурой, Сталин, репрессировав номенклатуру, создал новый правящий класс партаппаратчиков. Так тянет история непрерывную нить преемственности от Ленина через Сталина к Андропову.

А пока что Андропов настолько занят борьбой за

власть и обеспокоен тяжелым экономическим положением страны, что, будь его воля, предпочел бы, пожалуй, спокойные отношения с внешним миром. Над ним свинцовым облаком нависает "геополитический кошмар": перевооружение Запада, незаконченная и нескончаемая партизанская война в Афганистане, противостояние с Китаем, противоречия с Японией и Пакистаном, проблемы в Анголе и Никарагуа. И при этом СССР — единственная страна в мире, которая оказалась в окружении враждебных коммунистических государств.

У Андропова, разумеется, нет видимых причин, психологических или идеологических, не воспользоваться благоприятным для Москвы соотношением военных сил с Западом, сложившимся при Брежневле. Но он понимает, что Политбюро будет оценивать его деятельность не по достижениям, а по ошибкам, и поэтому старается строить свою внешнюю политику по принципу: "большой грэм и мелкие капли". Андропов вынужден проводить политику силы, но не по заранее рассчитанному плану агрессии, а так, как подсказывает ему инстинкт власти: сила надежней всего переводится в политическое влияние.

И Андропов, избегая риска, воздерживается от смелых инициативных решений. Временно он избрал самый удобный в его положении вариант: успокаивать свободный мир примирительной риторикой, наращивая в то же время вооружение и поддерживая сложившийся в мире стратегический "статус кво".

Во внешней политике он, как двуликий Янус, обращается к аудитории иностранной и к аудитории советской. И говорит на два голоса. Для "внутреннего пользования" он обещал партии, что "дело Брежнева" будет продолжено, СССР останется верным "пролетарскому интернационализму", поддержит "освободительные и революционные движения" /111/. На внешний мир он стремится произвести впечатление правителя благоразумного и рассудительного, — на этот случай у него заготовлены заверения, свидетельствующие о его

трезвости и гибкости. "Мы глубоко уверены, — отмечал Андропов в ноябре 1982 г., — что детант не был случайным эпизодом в трудной истории человечества и не является прошлым эпизодом, будущее принадлежит этой политике /112/.

Андропов охотно делает умиротворяющие Запад заявления: человечество не может бесконечно мириться с гонкой вооружений и войнами, компартия Советского Союза не хочет, чтобы разногласия в идеях переросли в конфронтацию между государствами и народами /113/. И тут же разъясняет собственному народу, что мир будет защищен только благодаря непобедимой мощи советских вооруженных сил, а не благодаря разговорам с "империалистами" /114/.

Андропову необходимо пугало иностранной опасности для объяснения отсталости коммунистической системы, претендующей на то, чтобы выражать волю народов, но не способной накормить собственных граждан. "Агрессивные намерения империалистов побуждают нас вместе с братскими социалистическими государствами показать заинтересованность в поддержке нашей обороноспособности на должном уровне" /115/. Но вместе с тем советскому Генеральному секретарю важно убедить свободные страны, что склеротическая внешняя политика Брежнева может измениться. Он уверяет: военное сотрудничество не является советским выбором; идеалом социализма является мир без оружия /116/.

Драматическое изменение внешне-политического курса грозит ослабить позиции Андропова в армии. И он, как маятник, "раскачивается" между противоречивыми декларациями: скоропалительно-наступательными и рассудительно-усыпляющими, воинствующими и умиротворяющими, делает шаги в направлении детанта и петляет при этом по дорогам холодной войны. Сразу же после похорон Брежнева Андропов в беседе с правителем Пакистана дал понять, что не исключено мирное решение афганской проблемы. Спустя некото-

рое время в "Правде" появилось официальное заявление ТАСС, что пока Запад не признает режим Бабрака Кармаля, советские войска не покинут Кабул /117/.

Накануне нового 1983 года Андропов, отвечая на вопросы американских журналистов, оптимистически отнесся к возможности достижения соглашения в переговорах о сокращении ядерных вооружений /118/. Но уже в начале января "Правда" опубликовала редакционную статью, а редакционные статьи в советских газетах неизменно выражают позицию и взгляды правительства, в которой говорилось, что без серьезных уступок Белого Дома не имеет смысла садиться за стол переговоров /119/.

В высшем синклите советского партийно-государственного руководства в настоящее время представлены три фактора: партия, олицетворяющая суть режима, КГБ — составляющий его основу и опору, и армия — его орудие обороны и наступления. Вариант военной хунты по польскому образцу в СССР оказался пройденным, так и не начавшись, — Андропов перешагнул через него, создав правительство, опирающееся на политическую полицию. Роль армии, однако, не уменьшилась — по мере проведения и для проведения новым советским руководством активной внешней политики она будет возрастать. В настоящем, ее значение пропорционально авторитету в Политбюро министра обороны Устинова, союз с которым Андропова оказался решающим для его успешного возвышения и отразил степень его политического искусства.

Политбюро, или "коллективное руководство эпохи Андропова", представляет собой конгломерат "удельных князей", каждому из которых отдана на "откуп" своя особая и суверенная "территория". Устинову принадлежит (если не целиком, то в существенной степени) стратегическое руководство внешней политикой: он устанавливает ее курс и совместно с Громыко определяет приоритеты. Так что на внешней политике Андропова отчетливо проступают "отпечатки пальцев"

министра обороны. Но и сам по себе Андропов отнюдь не "голубь" — он типичное порождение советской системы, в "гнездах" партийного аппарата которой взращиваются и "вылетают" в политическую жизнь одни только "ястребы". Он знает, что власть его самозванна: не освящена волей народа и не узаконена демократическими выборами, ибо единственное обоснование коммунистической власти — сама власть. И Андропов, как и его предшественники, вынужден непрерывно утверждаться через демонстрацию непрерывных "успехов", "свершений" и "достижений" коммунистического режима, — иначе с неизбежностью встанет вопрос: на каком основании он правит страной, распоряжается ее богатством и судьбами людей?

В некотором смысле советская система напоминает велосипед: чтобы сохранить социальное и политическое равновесие, она должна находиться в постоянном движении. И если недостижима возможность движения внутреннего, т.е. экономический прогресс, то настоящей потребностью становится движение внешнее — военная экспансия. В этом — причина и природа советского, а стало быть, — и андроповского — милитаризма: советская власть во всем функционирует плохо, хорошо она умеет только стрелять, и она начинает стрелять, когда не в состоянии править.

У Советского Союза скорее всего нет четкого плана завоевания мира, но Москва пользуется для коммунистического проникновения любой глобальной "трещиной" — правительственным переворотом, хозяйственным кризисом, национальным брожением. Едва в какой-либо стране образуется политический вакуум, туда немедленно протягиваются советские щупальцы. Так было в Эфиопии, Анголе, Никарагуа, Сальвадоре, так случилось в Сирии, так будет и дальше.

Прогрессирующий милитаризм — насущная потребность коммунистического правящего класса СССР: не в состоянии управиться с растущей зависимостью от мирового рынка, со снижением темпов экономическо-

го роста, с социальной неустойчивостью, с нищетой и с опасным для него демократическим движением, он прибегает к единственно доступному ему средству — “бегству вперед”, от одной агрессии к другой.

“Окончательно победить можно только в мировом масштабе” — от этого утверждения Ленина не сможет, даже захоти он, отказаться и Андропов. Этот принцип определит и уже определяет внешнеполитическую стратегию Андропова, которая будет перемещаться, как при Брежневле, от континентальных баз и региональных провокаций в Европе и Азии на глобальную политику. По мере усиления и увеличения советской военной мощи, Москва расширит плацдармы для своих военных и политических, а точнее, военно-политических “игр”. И будет демонстрировать большую готовность к риску — по крайней мере до тех пор, пока не укрепится власть Андропова в Кремле.

Существуют два подхода к советской экспансии. Первый — оптимистический: СССР пустился в самую большую авантюру столетия в попытке взять в коммунистические тиски весь свободный мир, пользуясь тем, что демократические правительства Европы нерешительны и неустойчивы, а автократические государства Южной Америки, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Центральной Америки находятся в состоянии кризиса или на грани развала. Москва уже отправила в эти районы военную технику на много миллиардов долларов и десятки тысяч военных специалистов и советников. Она прочно обосновалась в Афганистане, Эфиопии, Анголе, на Кубе, стремится создать плацдарм в Сирии — для усиления влияния в Ливане и Ираке; в Никарагуа — для проникновения в Сальвадор, в результате чего в Центральной Америке сложилась чреватая взрывом ситуация. При этом оптимисты надеются, что Москва ведет эту необъявленную мировую войну с большой опасностью для себя: она подорвет свою военную мощь, истощит собственную экономику и в конечном итоге — сокрушит свой политический строй.

Второй подход — пессимистический: расширение и усиление советского военно-политического проникновения в Африку и Америку — репетиция для постановки грандиозного спектакля — коммунистической революции на всемирной "сцене". И тогда советское стратегическое наступление следует рассматривать не в свете издержек СССР, а в свете потерь свободных государств.

Но вне зависимости от того, какая из этих двух оценок более справедлива, — а на сегодня вероятность каждой представляется нам равной, — мы можем назвать четыре импульса, которые будут питать и определять советский экспансионизм в ближайшие годы, три — постоянных и один — временный, спорадический.

Первый наблюдался чуть ли не со времени образования Российского государства: стремление раздвинуть границы империи. Большевики стремятся превратить СССР в крупнейшую мировую державу.

Второй импульс — идеологический — тоже не нов. Царизм успешно эксплуатировал концепцию панславянизма, коммунизм еще более успешно — марксистскую теорию всемирной социалистической революции.

Третий импульс — социальный, полностью порожден советским режимом, и на нем нам придется остановиться подробнее. Несомненно, СССР стремится к военному превосходству в политических целях. Но сами эти политические цели должны рассматриваться не в аспекте мирового господства, а в контексте определяющей и давней установки советских властей на укрепление режима внутри Советского Союза и как гарантии этого — на сохранение коммунистического правопорядка в государствах-сателлитах.

Руководители СССР полагают, что слабость советского военного потенциала или его равновесие с Западом представит угрозу для режима. Здесь срабатывает психологический стереотип приписывания противнику собственных намерений — ведь будь Запад не в состоянии защитить себя, Советский Союз не отказал бы себе

в удовольствии советизировать или по крайней мере — финляндизировать его. Такое мироощущение определяет суть советской стратегической доктрины, основывающейся на максимальном наращивании военной мощи, на постоянном проникновении коммунистических вооруженных сил в важнейшие районы мира, на бесконечном расширении политической сферы влияния. Это, по мнению Москвы, должно предотвратить идеологическое и экономическое вмешательство Запада в страны "социалистического лагеря".

При определенных условиях функциональные стратегические задачи перерастают в субстанциональные. Иными словами, у советской военной машины в процессе реализации политических целей режима могут возникать собственные интересы, которые порой находятся в соответствии с идеологическими намерениями партийного руководства, как, например, в Афганистане, где советская армия своими штыками пытается насадить "московские порядки", а порой приходят с ними в столкновение — это происходит в Сирии, где наращивание советского вооруженного присутствия угрожает привести к конфронтации с Западом. Политбюро стремится избежать прямого столкновения с НАТО — такова ориентация партократии. Военные же круги готовы вести игру на грани столкновения, полагая, и не без основания, что в пограничной ситуации — ни мир, ни война — они сумеют усилить свое влияние на процесс принятия политических решений в Политбюро. При этом военная машина не ждет пассивно — она создает выгодную для себя конъюнктуру с помощью обострения мировых конфликтов.

Здесь-то и приходят в противоречие интересы партийного и военного руководства: локальное вооруженное противоборство несет опасность перерасти в большую войну, которая (как того страшится Кремль) может потрясти и подорвать основы коммунистической системы в СССР и в странах советского блока.

С другой стороны, если мировая ситуация приведет

к углублению социальных противоречий внутри советского общества и тем поставит под угрозу стабильность тоталитарного режима в СССР, выбор будет отдан войне. И тогда уже интересы партийного руководства придут в столкновение с возможностями армии — Москва решится на агрессию, даже если военное превосходство не будет полностью обеспечено.

При прогнозировании советской внешнеполитической стратегии, таким образом, недостаточно исследовать преимущества в вооружении, численности или мобильности армий (критерии сами по себе чрезвычайно важные), а необходимо изучать состояние советского режима, его устойчивость и положение его лидеров — их относительную силу и влияние.

Продолжающаяся в Кремле борьба за власть является четвертой константой советского стратегического наступления. В политико-идеологическом контексте этой борьбы становится возможным понять тактические планы и определить стратегические возможности Андропова.

Детант в Европе, который воспринимают в Москве как мирное наступление на капитализм, был важным аспектом советской внешней политики в конце 60-х и начале 70-х годов. При Андропове он может стать более важным, чем политическая эксплуатация военного преимущества.

Какое-то время Андропов все еще будет находиться в фарватере внешней политики Брежнева. Это необходимо ему в борьбе за власть, ибо к памяти Брежнева апеллируют все враждующие группы в Кремле. И исход этого противоборства в существенной мере зависит от того лидера, который сумеет доказать, что он — достойный преемник Брежнева. Андропов желает убедить всех, что он — Брежнев больше самого Брежнева; так он создает себе облик самостоятельного, сильного, решительного правителя. Но в перспективе ближайших лет Андропов попытается измерять успехи своего правления не только новыми государствами, вовлеченными

в сферу влияния Москвы: это становится все более проблематичным — “организм” советской империи с трудом стал “переваривать” дополнительные страны. Есть надежда, что он сосредоточит свое внимание на новых социальных преобразованиях и реформах.

Вероятно, Андропов не прочь вернуться к спокойным и ровным отношениям с США. Но сделает он это не за счет отказа СССР от завоеванных на сегодня стратегических позиций в мире. Расширение военной мощи продолжится, но, по-видимому, в пределах, необходимых для обеспечения безопасности советского государства — конечно, так, как понимают безопасность в Москве. Андропов постарается улучшить политические и военные позиции СССР, не перенапрягая возможности страны, а постепенно — шаг за шагом, чтобы не вызвать чрезмерного страха противников и дальнейшего обнищания своего народа.

Советская стратегия, возможно, станет более гибкой, адаптируется в зависимости от глобальных, региональных и внутренних условий. В этом случае сложатся новые отношения с теми странами, с которыми при Брежневе отношения были напряжены — с Египтом, с Пакистаном, возможно, с Саудовской Аравией и, не исключено, — с Чили.

Андропов, скорей всего, захочет, чтобы в мире его уважали, и проявит некоторую долю доброжелательности и понимания в переговорах с представителями зарубежных государств. Но всюду, где будут затронуты политические позиции его страны, он будет яростно отстаивать интересы режима, так же игнорируя мировое общественное мнение, как и его предшественники. Такая тактика неторопливого “прироста достижений” полностью вписывается в советскую глобальную концепцию, но лучше отвечает сложившейся ситуации в Западной Европе и больше подходит к жесткому внешнеполитическому курсу Рейгана.

Глобальная политика СССР в последнее десятилетие захватывала различные регионы планеты и преследо-

вала различные стратегические цели одновременно: порой они перекрывались, поддерживая друг друга, порой — приходили в противоречие. Регионов этих семь: Западная Европа, Центральная Америка, Южная Африка, Ближний и Средний Восток, Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия и Восточная Европа. При Андропове география советской стратегии вряд ли изменится. Не откажется СССР и от притязаний на то, что изменение в любой части планеты затрагивает его интересы. Однако приоритеты Москвы сместятся: Ближний и Средний Восток, как и Западная Европа станут основными центрами советской мобильности на ближайшие годы, тогда как при Брежневле они в течение нескольких лет (до 1982 г.) находились на стратегической "периферии".

В Южной Африке и Юго-Восточной Азии Андропов займет выжидательную позицию, тогда как брежневская политика носила явно наступательный характер, в Центральной Америке — оборонительную (при Брежневле она была агрессивно-провокационной), в Восточной Европе и Северо-Восточной Азии перейдет к повышенной активности — так же, как это было при Брежневле.

Стратегические конфигурации будут строиться на фундаменте традиционных советских средств. В нестабильной дуге стран третьего мира, протянувшейся от Юго-Восточной Азии через Африку к Центральной Америке, СССР продолжит подогревать атмосферу, используя для этого внутренние распри и местные противоречия. Пути проникновения останутся обычными — широкие военные поставки, ограниченная экономическая помощь и массированный экспорт идеологии. Впрочем, последний фактор в советских расчетах займет меньшее место, чем первые два. Брежнев считал приверженность стран-союзниц к коммунизму важнейшим необходимым условием вложения в них "советского капитала", ибо она "намертво" привязывала лидеров этих стран к политике Москвы.

Андропов усмотрел в переходе слаборазвитых стран

на позиции "социалистического лагеря" существенный недостаток и опасность: СССР терял свободу маневра, ибо приверженность принципу "коммунистической солидарности" не позволяла ему высвободиться из "братских объятий", душивших и затягивавших его в омут конфликтов, из которого нет выхода. Так произошло в Афганистане: не стань эта страна коммунистическим государством — путь для маневрирования в ней был бы открыт. Теперь же любой компромисс по вопросу Афганистана — будь то уход из него советских войск или создание нейтрального правительства — может стать прецедентом для декоммунизации стран Восточной Европы. Андропову из-за этого придется понизить политические ставки во внешнеполитических авантюрах, и он, по-видимому, откажется от использования советских войск в вооруженных конфликтах.

Так терпение и осмотрительность, настойчивость и упорство могут стать характерными чертами советской стратегии при Андропове. Но в каждом регионе она приобретает свои особенности и очертания. Совершенно безрадостным оказался сценарий, сделавший Советский Союз участником стратегической "драмы" на Ближнем Востоке.

За последние 35 лет существовали различные варианты советской политики на Ближнем Востоке — каждый из них, стремясь "выиграть" этот регион для Москвы, строил свою "завязку" на арабо-израильском вооруженном конфликте.

Андропов, возможно, попытается "разыграть" Ближний Восток без войны, точнее — используя войну, в которой СССР не принимал участия: операцию "Мир Галилее".

8 июня 1982 года в советской печати появилось "Заявление ТАСС". Оно сообщало: "После варварской бомбардировки Бейрута и других ливанских городов израильские войска при поддержке большого количества танков и артиллерии вторглись в Ливан... С моря высадился десант... Агрессор углубляется на терри-

торию Ливана, неся смерть и страдания... Брошен вызов Организации Объединенных наций... СССР решительно осуждает авантюру..." Вслед за этим следовали предупреждение ("СССР решительно осуждает авантюру Израиля") и угроза ("Следует немедленно положить конец вооруженному вторжению") /120/.

После такого заявления можно было бы ожидать вмешательства Советского Союза по обычному в таких случаях сценарию — создание воздушного моста с Сирией или же ультиматум, наподобие предъявлявшихся Москвой в прошлом: в Синайскую кампанию (1956), во время Шестидневной войны (1967) и войны Судного дня (1973). Но вмешательства не последовало. Похоже, что с начала 80-х годов в конфликтах локального масштаба — там, где нет возможности действовать чужими руками, Советский Союз не в состоянии оказывать действенную помощь своим союзникам. Боязнь оказаться преждевременно втянутым в глобальный конфликт, экономическая депрессия, стагнация престарелого руководства — все это предопределило пассивность правительства Брежнева на Ближнем Востоке летом 1982 года.

Нерешительность Москвы диктовалась также ненадежностью арабского плацдарма. Ближний Восток с его разобщенными и разрозненными арабскими государствами и сильным Израилем не является в представлении Москвы тем "слабым звеном мирового империализма", где СССР ждут легкие победы — как это было в Анголе, Эфиопии и Никарагуа. Не прошел, по видимому, бесследно для СССР и "афганский урок".

Разумеется, чтобы учиться на "уроках" истории, необходимо верно их воспринимать и понимать, а у Политбюро порой есть тенденция видеть советские неудачи как преходящие или же объяснять их случайными просчетами. Это, однако, не означает, что советское руководство всегда ошибочно оценивает внешнеполитическую ситуацию: когда того требуют его интересы, оно способно на объективный и точный анализ. И сде-

лав его в связи с операцией "Мир Галилее", Андропов оказался перед трудной дилеммой: с одной стороны, он не в состоянии позволить себе заплатить истинную "цену" за победу на Ближнем Востоке, требующую прямого вмешательства СССР в вооруженный конфликт Сирии с Израилем, с другой — он не может взять на себя и "стоимость" поражения, которую пришлось заплатить Брежневу — окончательную потерю доверия арабов, начавших осознавать, что политический и военный союз с СССР имеет для них ограниченную ценность и сомнительные преимущества.

И Андропов избрал третий путь: он решил спасти престиж России и собственную честь путем демонстративного расширения советского присутствия в Сирии и попытки нормализации отношений с Египтом и Ираном.

СССР увеличивает военные поставки Ирану. Делается это не прямо, — чтобы не оттолкнуть Ирак, — а через Северную Корею. Она продает Ирану оружие на 2 миллиарда долларов, что составит около 40% всего оружия, которое Тегеран планирует купить в 1983 г. Поскольку сама Северная Корея не располагает столь огромным количеством оружия, очевидно, что оно будет взято из арсеналов СССР.

Высокопоставленные советские деятели, и среди них видные военные, в последние месяцы несколько раз посетили Каир. Не исключено, что в дальнейшем, как и в прошлом, перевооружение египетской армии будет строиться с ориентацией не только на Запад, но и на Москву. Во всяком случае, из Каира уже раздаются заявления, что без участия СССР невозможно разрешение ближневосточного конфликта. Подобные мелодии не звучали в Египте около 10 лет.

Диапазон политических возможностей Мубарака в собственной стране ограничен: или продолжение курса Садата — тогда ему не в чем будет проявить свою самобытность, или реставрация политики Насера — и тут ему тоже не оставить собственного следа в истории,

или создание политического симбиоза с ориентацией на Насера и Садата одновременно, что-то вроде просвещенного насеризма или радикального садатизма. Если Мубарак предпочтет этот путь, — а он к нему явно склоняется, — то следует ожидать усиления военного сотрудничества Египта с СССР.

Андропов не отказался и от использования ООП — он изыскивает новые условия и средства влияния на эту организацию. Одна из возможностей, уже эксплуатируемая Москвой, — давление на Арафата через Дамаск.

Что же касается самой Сирии, то ее уже посетили многочисленные советские миссии: делегация генерального штаба во главе с маршалом Николаем Огарковым, представители командования различных видов войск — танковых, сухопутных, ПВО; в Дамаск прибыли и еще 1500 военных советников в добавление к уже находившимся там 2500. Президент Сирии несколько раз вылетал в Москву для тайных встреч с советским правителем, и в арабской прессе циркулируют слухи о намерении Андропова посетить Дамаск.

Между Москвой и Дамаском установлена высокочастотная система связи, наподобие той, что действует в странах Варшавского пакта; ведутся переговоры о предоставлении Сирии советского разведывательного спутника; советские специалисты проектируют прокладку в Сирии новой стратегической железнодорожной магистрали параллельно берегу Средиземного моря. СССР интенсивно наращивает и модернизирует сирийскую армию. В июне 1982 года сирийские силы насчитывали пять бронетанковых дивизий — к январю 1983 г. они были увеличены до шести дивизий, способных выставить на поле боя четыре и более тысяч танков. СССР поставил Дамаску (безвозмездно или на льготных условиях) большие партии танков Т-72, самоходные артиллерийские орудия калибра 122 и 155 мм, минометы "БМ-21", 85 самолетов "МИГ-21" и "МИГ-23", ракетные батареи "СА-6", "СА-9". Завер-

шается монтаж двух баз с установками "СА-5" — самых мощных тактических ракет "земля-воздух", до этого находившихся на вооружении только советской армии. С помощью этих ракет Сирия сможет "покрыть" все воздушное пространство Ливана, Галилейский выступ и север Голанских высот. Вокруг Дамаска и к северу от Хома планируется новая система противовоздушной обороны на основе еще более усовершенствованных ракет "СА-11".

Возникает вопрос: какие цели преследует эта эскалация советского присутствия в Сирии?

Ответ не может быть однозначным — он затрагивает широкий спектр проблем, как политических, так и военных.

Уничтожение Израилем противовоздушной обороны Сирии вскрыло несовершенство советских защитных систем, размещенных в Восточной Германии, Польше и Чехословакии, а разгром первого эшелона сирийских войск под Бейрутом (в результате их отрыва от резервов и тыла) свидетельствует о несостоятельности советской стратегии современного боя. Посылая новые ракетные установки в Сирию, СССР стремится апробировать их в условиях военных действий (в том, что еще одна война Израиля с Сирией неизбежна, у Москвы нет сомнений).

Присутствие ракет "земля-воздух" дальнего радиуса действия в стране, не входящей в советский блок, изменяет баланс сил не только на Ближнем Востоке, но и в глобальном масштабе. Но опасность и риск эскалации гонки вооружений были тонко и верно рассчитаны Андроповым: он увидел в этом возможность столкнуть Израиль с США. Как и полагали в Политбюро, Вашингтон поставил в вину Израилю интенсификацию советского военного присутствия в Сирии, объясняя это его неуступчивостью.

Военная активность в Сирии попутно позволяет Андропову связать в один узел и решить разнообразные стратегические и политические проблемы. Против-

никам на Западе дается понять, что новое руководство Кремля намерено действовать на Ближнем Востоке жестко и целеустремленно, союзникам в регионе — что теперь Москва будет поставлять своим сторонникам только современное оружие, тогда как Брежнев предпочитал сбывать сателлитам устаревшее. При этом "удачно" обосновывается увеличение советских военных расходов и провоцируется бескомпромиссная позиция Сирии в отношении плана Рейгана и соглашения в Ливане.

Что же, однако, в действительности скрывается за советскими приготовлениями в Сирии: политическая демонстрация или демонстрация достоинств советского оружия в военных действиях на Ближнем Востоке?

У советского правительства, по-видимому, нет основания считать, что Сирия может победить в военном столкновении с Израилем — здесь взгляды Андропова и Устинова сходятся. Устинов, в согласии со всем советским генеральным штабом, тем не менее считает, что следует подтолкнуть Сирию к локальному конфликту с Израилем, ибо вне зависимости от результатов сражения политически война будет выиграна Дамаском. Генеральный штаб рассчитывает, что тем самым проблема Голанских высот, а вслед за ней и вопрос о палестинском государстве, будут "разморожены" и станут предметом переговоров, которые начнутся, а может быть, и кончатся на советских условиях — и с американской монополией на Ближнем Востоке будет покончено навсегда.

Андропов, по-видимому, более осторожен и осмотрителен. Он полагает, что можно "прорубить" для Советского Союза "окно" в переговорах по ближневосточному урегулированию, попутно "похоронив" план Рейгана, и без войны — эксплуатируя страх перед нею и манипулируя поставками современного оружия Дамаску.

Андропов не может позволить себе потерять Сирию — будь то в результате войны с Израилем или за сто-

лом переговоров без участия СССР — от этого союза в существенной степени зависит его политическое будущее. Устинов же не может позволить себе оставаться пассивным: ему важно "смыть" пятно позора с советского оружия. И оба они едины в стремлении удержать израильскую армию от попыток разбомбить советские ракетные установки в Сирии. Решись Иерусалим на эту акцию, и Андропову нечем будет устрашать Израиль и шантажировать США, а Устинов проиграет еще одну войну на Ближнем Востоке, так и не начав ее.

И что еще опаснее — уничтожение ракет "СА-5" (а в том, что Израиль способен их уничтожить, советское командование убедилось во время ливанской войны*) потрясет всю систему противовоздушной обороны Советского Союза, построенную на использовании установок зенитных ракет, до сих пор считавшихся наиболее совершенными в мире. Здесь уже будут затронуты глобальные интересы Москвы, поскольку СССР окажется незащищенным от ударов с воздуха. Отсюда — нервозность Кремля, проявившаяся по нарастающей, сперва в высказываниях советского посла в Бейруте Александра Солдатова, пригрозившего, что его страна вмешается в военные действия Израиля с Сирией, а затем — в официальном "Заявлении" советского правительства от 30 марта 1983 года /121/: на этот раз Москва призвала Израиль "прекратить игру с огнем", т.е. отказаться от плана нанести превентивный удар по Сирии.

* В июне 1982 года израильская авиация с необыкновенной легкостью, не потеряв ни одного самолета, сравняла с землей 19 советских зенитных ракет "СА-6" в долине Бика. Уязвленная, изумленная и пораженная Москва распорядилась поставить Сирии более усовершенствованные ракеты "СА-8", причем арабский обслуживающий персонал самих батарей и главного центра управления был заменен советским. В июле израильская авиация совершила новый налет — и эти установки также были уничтожены. В долине Бика появились сверхсовременные советские ракеты "СА-9", но и их постигла та же участь — в августе и сентябре они были разгромлены израильскими самолетами.

“Заявление” отличалось заметной резкостью формулировок и грубостью определений — оно подчеркивало “легкомысленность” и “безответственность” израильского руководства и готовность “арабских патриотов” в союзе с социалистическими странами решительно поддержать Дамаск. Но именно из самого факта публикации этого “Заявления” с очевидностью следовало, что СССР все еще не готов к вооруженному конфликту Сирии с Израилем. “Заявления” Москвы, как правило, не являются прологом к войне: Советский Союз сперва действует, а потом уже говорит, объясняет, оправдывается или угрожает — в зависимости от преследуемых целей. Видимо, в Политбюро победила точка зрения Андропова — о миролюбивых стремлениях Москвы и о ее желании придти к приемлемому для СССР соглашению на Ближнем Востоке свидетельствовал параграф “Заявления”, утверждающий, что можно обеспечить “законные права и интересы” всех народов Ближнего Востока “не применением оружия”, а путем “политических усилий”.

Это утверждение официально подтвердило претензии Москвы участвовать в процессе мирного урегулирования всех проблем Ближнего Востока — в выводе иностранных войск из Ливана, в переговорах Израиля с Иорданией, в решении израильско-сирийского конфликта.

Возможно, что в ближайшее время Андропов предложит новые рамки международного совещания по Ближнему Востоку (вместо Женевской конференции), в которых главные роли будут отведены США, представляющим интересы Ливана и Израиля, и СССР, выступающему от имени Сирии и ООП. Не исключено, что Москва уже разрабатывает документ о принципах урегулирования в регионе — нечто вроде “Плана Андропова”, повторяющего основные идеи и важнейшие принципы предложений Брежнева, но более приемлемого для Израиля и поддерживаемого умеренными кругами ООП.

А пока бездействуют советские ракеты и еще не поднялись в воздух израильские самолеты, чтобы их уничтожить, Андропов монтирует политические подмостки для заигрывания с Израилем — полуправдами и половинчатыми средствами. Спустя всего несколько дней после "грозного" заявления советского правительства Иерусалиму, Андрей Громыко, только что назначенный первым заместителем Председателя Совета Министров* великодушно признал право Израиля на существование /122/. СССР стремится стать участником процесса установления мира на Ближнем Востоке — значит Андропов должен показать миру: он не проводит одностороннюю проарабскую политику, а добивается "справедливого" урегулирования, учитывающего интересы "всех сторон".

И вот Громыко "категорически" возражал против "экстремистских планов" сбросить Израиль в море. И при этом добавил: Ливан должны покинуть все иностранные силы. Это было первое недвусмысленное требование советского правительства, которое предполагало вывод и сирийской армии. Этим полуревверансом Иерусалиму давали понять, что подключение СССР к переговорам не только не опасно для Израиля, но, напротив, обещает ему определенные преимущества.

В сущности, Андропов не без успеха для Москвы перенял манеру и стиль политики Вашингтона в отношении Израиля: американская помощь и поддержка в обмен на израильскую уступчивость и послушание. Москва, давно сделавшая на Ближнем Востоке ставку на арабов, в целях повышения действенности своей политики решила прозондировать возможность открытия второго канала связи в регионе — израильско-

* Назначение Громыко первым — одним из трех — заместителем Председателя Совета Министров СССР не поднимает существенно его статуса: полное "членство в клубе" Политбюро по советскому "табелю о рангах" важнее и престижнее любого "портфеля" в государственной иерархии, — но знаменует важный успех Андропова в консолидации своей власти.

го, проявив к еврейскому государству старательно отмеренную долю терпимости, тщательно продуманную так, чтобы не свертывать антисионистскую кампанию, необходимую для внутренних нужд государства, и одновременно не оттолкнуть от СССР радикальные арабские страны.

На Западе стали распространяться слухи то ли о предполагаемых, то ли об уже установленных тайных советско-израильских контактах, на страницах газет стали не навязчиво циркулировать сообщения о том, что отец Андропова будто бы еврей, а он сам женат на еврейке, на которой решил жениться в самый разгар сталинской кампании борьбы с "безродными космополитами".

В Израиле хорошо знают Советский Союз, но плохо понимают Андропова. И кое-кто в правительстве Бегина решил: настал час установить дипломатические отношения с Россией. А дерзкий министр обороны Шарон даже пригрозил Белому Дому возможностью переориентации на Москву /123/. Не считаясь с диалектикой марксизма, израильские руководители мыслили линейно-исторически: когда-то СССР и Израиль после бурного дипломатического разрыва в 1952 г. мирно и тихо "сошлись" сразу же после кончины кремлевского диктатора волей "коллективного руководства", воцарившегося в Москве (Маленков—Хрущев—Молотов) в апреле 1953 года.

Так почему же, полагали в Иерусалиме не почет за благо пойти по тому же пути и Андропов? Но новое советское "коллективное руководство" рассудило иначе: Иерусалим не стоит дипломатической "обедни". Вот почему попытки Израиля достичь немедленной нормализации с Советским Союзом преждевременны и даже вредны, ибо приводят к противоположным результатам. Андропов не в состоянии себе позволить восстановить дипломатические связи с Израилем, даже если бы хотел, — а хочет ли? — так как это означало бы признание ошибочности политики Брежнева, к

которой и он был причастен. Это создало бы для него дополнительные проблемы в Политбюро с наследниками Брежнева — Тихоновым и Черненко. Сближение с Израилем также чревато для Андропова осложнением отношений с президентом Сирии Асадом и неизбежным разрывом с безумцем Кадафи и фанатиком Хумейни. Именно сейчас Андропову это ни к чему: ему важно не ослаблять свои позиции в арабском мире, а всемерно их укреплять и усиливать.

Советский Союз признает право Израиля на существование не из филантропических или гуманистических соображений — сами эти понятия нефункциональны в советской дипломатии, — а руководствуясь исключительно своими великодержавными и империалистическими интересами. Если бы не существовало Израиля, СССР пришлось бы его создать и поместить на Ближнем Востоке, ибо без него — нет советского присутствия и влияния в регионе. И при этом важно, чтобы Израиль был таким, каков он сейчас — сильным, мужественным, жизнеспособным, готовым за себя постоять.

Советскому Союзу выгодно, чтобы мощь Израиля вызывала беспокойство его соседей — это открывает возможность для советского проникновения, сперва военного, а затем политического, в арабский мир. Слабый Израиль сделал бы союз Москвы с арабскими государствами излишним — у них бы не было необходимости лихорадочно запрашивать огромные поставки оружия.

Израиль, полностью доминирующий на Ближнем Востоке, также не желателен СССР — арабские руководители могут придти в этом случае к мысли, что Москва не в состоянии защитить их политические амбиции и националистические притязания. С позиции Кремля идеальным является, — хоть, разумеется, этого никто открыто не декларирует, — равновесие сил и страха на Ближнем Востоке.

Что же скрывается за новым советским наступлением на Ближнем Востоке — временный конец пассив-

ной политики Брежнева в регионе или начало тактической переориентации всей советской глобальной политики? Ответ на эти вопросы следует искать не в заявлениях советского правительства, а на полях грядущих международных столкновений.

Вопрос в том, когда и где они произойдут. Сегодня конфликт, тлея, грозит вспыхнуть в Западной Европе. Он разворачивается и нарастает на фоне общей уверенности, что вне зависимости от характера и остроты противоборства Востока с Западом поглотить Европу СССР не в состоянии — “захватить ее означает откусить кусок, который Кремль не сможет переварить” /124/.

Это суждение, однако, нуждается в конкретизации: когда не сможет? В настоящее время — возможно и даже вероятно. Но не в будущем, ибо по мере роста военного превосходства Москвы процесс “советского пищеварения” станет более эффективным. Да и в самой Западной Европе происходят процессы, которые делают ее более “удобоперевариваемой” для коммунистического “желудка”. Но в одном можно не сомневаться: ведя борьбу за Западную Европу и в Западной Европе, Андропов совершенно ясно взвесил все “за” и “против” и подсчитал убытки прежде, чем выложить на стратегический “стол” высокие политические “ставки”, потому что в современной военной доктрине Кремля “европейский фактор” рассматривается как определяющий.

Фактор этот равно может привести к взрыву западного союза и... стать ускорителем распада коммунистической системы. Степень влияния и характер господства над “европейским фронтом” определяет весь режим работы механизма внешней политики Андропова. Западная Европа — демонстрационный зал для показа и пропаганды новейших моделей советского вооружения: для устрашения мира, для утверждения военного превосходства. Полигоны для его испытания выбираются пока на других континентах — в соответствии с советскими политическими устремлениями и стратеги-

ческими возможностями. Но всегда — с тайной или явной целью: ослабить, расшатать, подорвать политическую стабильность, обороноспособность и экономику Западной Европы.

Советские военные базы в Индийском океане и вдоль побережья Африки способны перерезать торговые коммуникации Западной Европы. Укрепление позиций СССР на Ближнем Востоке лишит ее нефти, сделает беззащитной перед коммунистическим диктатором и может привести к отрыву ее от Америки.

Советская политика в Западной Европе выражается простейшей формулой: выбор между открытой конфронтацией с СССР или откровенной капитуляцией. Игравая гигантской машиной многомиллионной армии мощностью в 50 тысяч танков, 3 тысяч ракет и несколько десятков атомных подводных лодок и парализуя этим волю и способность Западной Европы к сопротивлению, Советский Союз получает широкий оперативный простор для агрессии в различных регионах планеты. А в западноевропейских столицах тем временем распространяется и утверждается объяснительно-оправдательная философия: лучше быть красным, чем мертвым. Из виду упускают только, что тот, кто становится красным, со временем превращается в мертвого.

Стратегическая и психологическая ситуация сразу изменится, как только в Западной Европе будет завершена намеченная НАТО программа "довооружения", предполагающая размещение, начиная с 1983 г., 572 новых американских ядерных ракет — "крылатых" и "Першинг-2". Лишившись возможности получить желаемый контроль над политикой западноевропейских правительств, Советский Союз почувствует себя заложником НАТО. Имея на западных своих границах ракетно-ядерную мощь, сравнимую с той, какой он сам обладает, СССР станет более осмотрительно бросаться в глобальные авантюры, откажется от надежды на "финляндизацию" Германии, не сможет чувствовать

себя достаточно уверенно и безопасно в восточноевропейских странах — их страх перед ним убавится.

Роль Советского Союза в европейской политике, таким образом, будет возрастать, а возможности — уменьшаться. Раньше других это понял Андропов и поставил цель — найти такой фокус во внешней политике в Европе, чтобы роль СССР продолжала увеличиваться не в ущерб его возможностям.

Американское правительство было застигнуто врасплох быстротой и настойчивостью, с которой начал действовать новый советский руководитель на европейской арене. После смерти Брежнева Вашингтон, исходя из житейской мудрости и опыта изучения СССР, полагал, что Андропову потребуется по меньшей мере год для овладения рычагами власти, прежде чем он решится на выдвижение собственных предложений по международному урегулированию.

Андропов, однако, сумел выработать определенный, хоть и не целиком такой, какой ему бы хотелось, внешнеполитический курс в Европе всего за 2-3 месяца. И избрал идеальный с политической точки зрения момент для того, чтобы бросить вызов США. Правительство США было, естественно, осведомлено, что в Западной Германии, Англии и Италии ожидается немалая враждебность к запланированному размещению американских ракет, но рассчитывало, что когда сопротивление спадет, ракеты, в конце концов, удастся разместить. Поэтому Белый Дом продолжал настаивать на "нулевом варианте", предложенном Рейганом в ноябре 1981 года.

Вашингтон ошибся дважды: во-первых, не предусмотрел, что широкомасштабные демонстрации против американских ракет в Европе, раз начавшись, будут продолжаться и нарастать, расширяя свои географические границы, пока не превратятся в важный долговременный политический фактор, а во-вторых — не учел динамики Андропова, сильно подхлестнутого дефицитом времени, которое ему отпустила история.

Советскому руководителю удалось перенести вопрос о сокращении и контроле за вооружением из закрытых от широкой публики залов, где заседают в Женеве дипломаты, на суд западной общественности*. С этой целью Андропов предпринял мастерские пропагандистские шаги — для начала заявил вслед за Брежневым: "Советский Союз в одностороннем порядке принял на себя обязательство не применять первым ядерное оружие"; затем предложил не использовать силу в отношениях между государствами НАТО и Варшавского Договора. Сначала выступил за всеобъемлющее уменьшение на 25% американского и советского арсеналов стратегического и ядерного оружия**, а затем — за сокращение советских ядерных ракет средней дальности до уровня, эквивалентного числу существующих в Европе английских и французских ракет /125/.

Андропову удалось взглянуть на проблему ядерного оружия с точки зрения напуганного европейца, находящегося в области возможного "театра военных действий": он сопоставил одну европейскую систему вооружения с другой, и в итоге на неосведомленных людей, не искушенных в сложности международных проблем, идеи Андропова произвели впечатление логичных и реалистических. В действительности, они не более, чем пропагандистский демарш с явной и единственной целью подогреть накал пацифистского движения. Был хорошо рассчитан и психологический эффект в случае

* Апелляция к общественному мнению, обращение к толпе — еще одно проявление политического стиля Андропова. Он умело, как мы помним, воспользовался этим средством в борьбе за власть. И — уже в других условиях и на другой социальной площадке — в борьбе против намерений НАТО установить в Европе новые американские ракеты.

** Эта инициатива по существу явилась повторением предложения президента США Картера, сделанного в 1977 г. Тогда Брежнев от него отказался.

отказа НАТО – СССР “предлагает”, а Запад “отклоняет”, что несомненно должно было обострить противоречия внутри НАТО, где и без того концепция Пентагона об упреждающем атомном ударе по СССР вызывает мучительные сомнения и страхи европейских союзников США. И все это для того, чтобы предотвратить, а если не удастся, то хоть отсрочить размещение американских ракет в Западной Европе. Но главное, все предложения Андропова – и здесь нет никакого различия в политике нового Генсека и Брежнева – призваны закрепить советское ядерно-ракетное превосходство.

Перемещение некоторой части ракет “СС-20” в азиатскую часть Советского Союза, как обещал Андропов в случае, если соглашение с НАТО будет достигнуто на его условиях, не уменьшает опасности для Западной Европы. Ракеты достигнут ее и оттуда или же, по необходимости, в несколько дней будут возвращены на старые исходные позиции.

Комбинация с цифрами советских и англо-французских ракет также несостоятельна: 160 ракет “СС-20”, остающиеся у СССР после “сокращения по-Андропову”, мощностью превосходят возможности американских военных баз в странах Западной Европы. Ракет же Франции и Англии, единственных в Западной Европе, обладающих этим оружием, явно недостаточно для поражения даже малой части стратегических объектов Советского Союза. Причем Франция и Англия не планируют нападения на СССР, в то время как на советских оперативных картах захвата Европы основные цели – Франция и Англия вкупе с Германией. Следовательно, в случае мировой войны СССР первым нанесет упреждающий удар по этим государствам.

И наконец Андропов предпочитает “забыть” о стратегических ракетах стационарного базирования, размещенных на подводных лодках, количество которых у СССР в десятки раз больше, чем у Франции и Англии. Конечно, Андропов умалчивает о них не по неискренности

ности — он сумел, надо полагать, произвести несложный ракетно-ядерный математический расчет. Указанное предложение, однако, — это тот максимум, на который пошли советский Генсек и советский генштаб, чтобы показать свою готовность к примирению. Но Андропов не наивен и не ждет наивности от политиков Запада. Поэтому очевидно, что выдвигая свои “конструктивные” программы сокращения вооружения, он обращается через головы правительств к народам — прием не новый в советской пропаганде. Но Андропову удалось поставить его по-новому.

В канун 1983 года он обратился с неожиданным новогодним посланием к Западу /126/. Народам и людям “доброй воли” он сказал: “Давайте будем друзьями”; руководителям государств — приоткрыл дверь для проведения встреч на высшем уровне. Андропов пробуждал надежды на мир — говорил о возможности достижения соглашения, о сокращении стратегического оружия, осторожно намекая на возрождение детанта. Он не затушевывал реальных проблем, но и не связывал себя никакими обязательствами, и в представлении масс выглядел, как и хотел выглядеть, — руководителем мудрым, терпимым, готовым на компромиссы. Чего же вам, западные правители, еще от него нужно?

Его выступления — это и последующие, при встречах с корреспондентами, на официальных приемах, — были дружественными по тону, сбалансированными по содержанию, вполне ортодоксальными, в меру либеральными, достаточно уверенными и твердыми. И лишь однажды у Андропова сдали нервы — когда американский президент объявил о новой ядерной стратегии: речь шла о развитии лучевого оружия. Он говорил, отвечая Рейгану, спокойно, как всегда, но в речи его ясно проскальзывали панические нотки — действия и политика американского президента характеризовались и представлялись “легкомысленными”, “безответственными”, “лживыми”, “безумными” /127/. Замелькали знакомые еще со времен “холодной войны” выраже-

ния — “беспардонные извращения”, “нечистоплотные приемы”, “заведомая неправда”, “назойливые разглашательства”, “агрессия”, “империализм”. И Андропов предстал перед миром тем, кем он был и остается навсегда — политическим деятелем советской школы, наглым, развязным, беззастенчивым, признающим один и единственный критерий в международных отношениях — коммунистическую партийность и советский интерес.

Он, как и его предшественники на посту Генсека, стремится к военному превосходству над Западом для достижения политических целей в своей стране. Избегая ситуаций, при которых свободный мир был бы вынужден обратиться к оружию, он продолжает укрепление советской армии, поджидая удобного случая безнаказанно нарушить относительное равновесие сил в мире.

Эта выжидательная политика Андропова неожиданно оказалась под угрозой срыва из-за планов американского президента в течение ближайших 15-20 лет приступить к интенсивной разработке лазерного оружия, способного перехватывать и уничтожать ракеты в полете. Несложно предвидеть, что СССР отстанет, если уже не отстал, в развитии этой новой области военной промышленности. Отсюда — несдержанность Андропова, проявившаяся в, казалось бы, не свойственной ему истерической реакции на выступление Рейгана в специальном интервью корреспонденту “Правды”.

Впрочем, Андропову удастся взять реванш в “холодной войне” с Америкой* — здесь технологическая отсталость России вполне компенсируется советской демагогией и умелым, порой доведенным до совершенства, использованием пропагандистского оружия.

* На наш взгляд, “холодная война”, начавшись в 1947 году, никогда не прекращалась. В ней были свои подъемы — в 1947—53 годах и свои спады — в 60-70 годах — в период, который называют детантом. Сейчас она вновь на взлете.

За полгода пребывания Андропова у власти из СССР в Западную Европу было запущено несколько идеологических бомб, — так можно назвать движения “Мир без ядерного оружия”, “За безъядерные зоны в Европе”, “Антиракетный фронт”, “Женщины против вооружений” и другие. Их выразителем всегда выступает советская пресса и коммунистические газеты Запада.

Разработаны и более сложные, так сказать, многоступенчатые подрывные пропагандистские системы: в солидных уважаемых изданиях появляются, — скорей всего, оплаченные Москвой — статьи, очерки, репортажи и заявления, призывающие к разоружению, выступающие против размещения в Европе ядерного оружия и ракет. Но чаще и успешнее для публикаций на Западе используются материалы, снабженные более тонкими средствами обработки общественного мнения. Семантическая “рентгенограмма” их сводится к трем приемам:

1. Комбинация словесных сочетаний, каждое из которых в отдельности — нейтрально, но в совокупности вызывает пацифистские настроения.

В обычную газетную полосу с новостями, в которую обязательно вкраплены рутинные заметки о перевооружении Европы, монтируются рассказы жертв или очевидцев атомной бомбардировки Нагасаки и Хиросимы. Или рядом с таблицей военных расходов подаются сообщения о падении жизненного уровня, о дороговизне. Или же, казалось бы, совсем далекое — о голоде в Мозамбике или стихийном бедствии в Индии.

2. Воздействие на подсознание людей через зрительное восприятие.

Простейший метод — комбинирование фотографии и текста, не имеющего к ней отношения. Тема газетного листа, скажем, — экономическая депрессия, рост безработицы. И тут же портрет министра обороны, лучше всего американского — причем освещение подобрано так, что тени подчеркивают двойной подбородок. При чтении становится очевидным, что эта фотография

предназначена совсем для другой статьи, помещенной где-то в конце газеты. Но эффект эмоционального воздействия достигнут: пространственная связь фотографии и текста воспринимается, как причинно-следственная.

3. Создание психологических стереотипов с помощью навязчивого повторения определенных мотивов.

Один из них — самый популярный: возложение на правительство ответственности за гонку вооружений. И если не удастся сфабриковать достаточно убедительные аргументы вины собственных политических деятелей, что, как правило, удается, события переносятся в иное время или в другую страну. Причем сперва осуждается с помощью тщательно, но не навязчиво подобранных инсинуаций, исповедуемое правительством мировоззрение, его социальная философия, а затем и само правительство — прямо или косвенно, серьезно или с юмором. Нападки строятся по закону шахматной партии — расправляются с пешками, чтобы добраться до короля.

Читатель подобных публикаций оказывается в сфере действия идеологической войны, приводящей к нравственным и психологическим потрясениям, жертвами которых становятся миллионы "борцов за мир", готовых в своем наивном неистовстве разрушить социальный правопорядок и сокрушить политическую структуру своих стран.

В сущности все "движения за мир" — еще один фасад в андроповской империи фасадов — есть форма необъявленной тайной войны СССР против Запада, которая, если она не даст желанных советскому руководству результатов, может перерасти в обычную войну — в том числе и термоядерную.

Маршалы Кирилл Москаленко (слева) и Николай Огарков (справа) — представители "ястребиного" крыла советского военного командования, с которыми должен считаться любой наследник Брежнева.

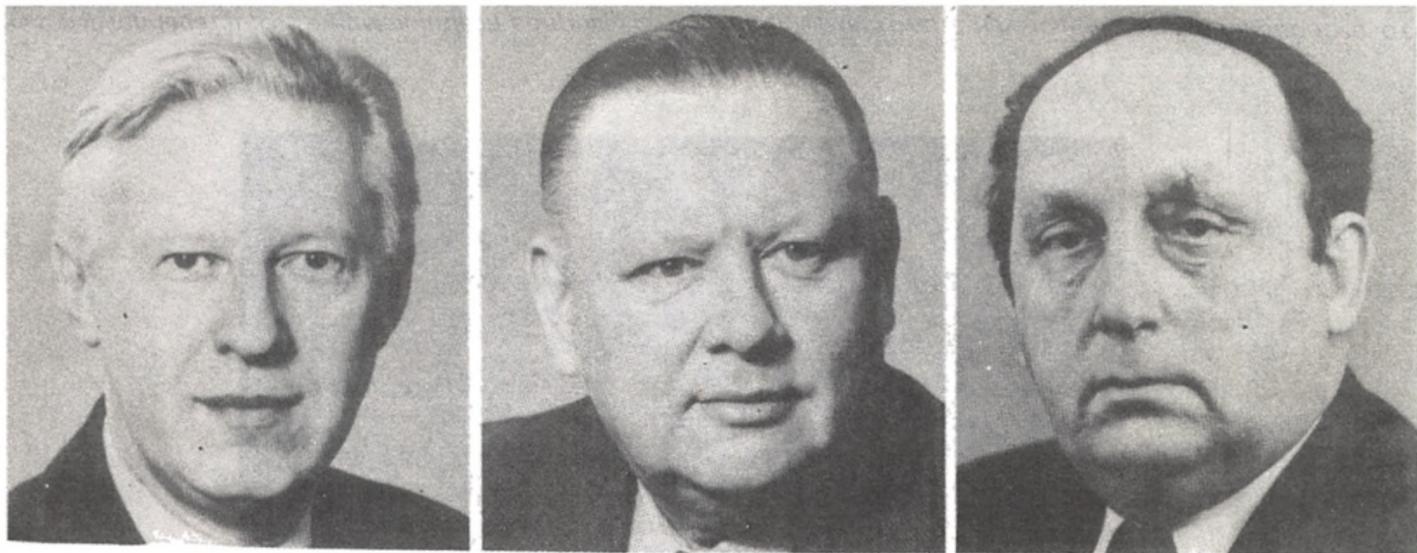

Возможные соперники: член Политбюро Владимир Щербицкий (слева) и кандидат в члены Политбюро, Председатель Совета Министров РСФСР Михаил Соломенцев (справа).

Представители старого поколения, связанные с органами госбезопасности. Слева направо: секретари ЦК по связям с компартиями Константин Русаков и Борис Пономарев, первый заместитель

председателя Совета Министров СССР Иван Архипов и министр внешней торговли СССР Николай Патоличев.

Представители молодого поколения, связанные со службой государственной безопасности. Слева направо: заведующий отделом международной информации ЦК Леонид Замятин, первый замести-

тель начальника международного отдела ЦК Вадим Загладин, директор Института США и Канады Академии Наук СССР Георгий Арбатов.

Главные партаппаратчики, занимающиеся вопросами политических движений в некоммунистических странах. Слева направо: председатель Советского комитета в защиту мира Юрий Жуков, пер-

вый заместитель начальника международного отдела ЦК Вадим Загладин, начальник международного отдела ЦК Борис Пономарев (на съезде французской социалистической партии, октябрь 1982).

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ

Роль верховного правителя не доставляет Андропову желаемого и ожидаемого удовольствия. Социальная пьеса, в которой ему приходится играть, устарела, с трудом и неохотно воспринимаются голоса идеологических суфлеров, за кулисами происходят бесконечные интриги, старые почитатели покинули или предали его, новые — лицемерны и не внушают доверия.

КОНСОЛИДАЦИЯ ВЛАСТИ

Во второй половине июня 1983 г. в Москве произошла смена декораций власти. Вернее, идеологически декорации власти остались неизменными — изменилось только их политическое освещение. Из продолжительного небытия (явно помолодевший и еще более динамичный) возвращается Константин Черненко, чтобы провозгласить нового президента государства. Этим президентом становится Юрий Андропов. Отныне он — не только всемогущий партийный босс, но общепризнанный и почитаемый (депутаты Верховного Совета приветствуют Андропова ритуальным “вставанием” — особой почестью, оказываемой вождям) государственный лидер — первый среди неравных, по крайней мере — номинально.

На сессии Верховного Совета 16 июня Черненко обращается к новому президенту (пока еще только кандидату) с притворной лестью. Он представляет Андропова как выдающегося руководителя “ленинского типа”, называет целеустремленным, энергичным, инициативным деятелем, всемерно (хотя и не подобострастно) восхваляет его деловые и человеческие качества, ум, опыт и государственную мудрость. И при этом дает понять, что говорит он искренне и рекомендует избрание Андропова Председателем Президиума

Верховного Совета по доброй воле. Этот вопрос, отмечает Черненко, рассматривался на Пленуме ЦК в обстановке полного единодушия. И чтобы не осталось сомнений в его искренности добавляет: избрание Андропова будет служить высшим интересам советского общества и государства /128/.

На Пленуме ЦК (он состоялся 14-15 июня) прояснилось: Черненко осуществил свою давнюю мечту — стать секретарем партии по пропаганде (хотя и не так, как ему хотелось — оттеснив Андропова, и не тогда, когда он к этому более всего стремился — при жизни Брежнева). Он надежно занял третье место — сразу же после премьера Тихонова — в системе советской партийно-государственной иерархии, сосредоточив под своим контролем, помимо идеологии, координацию деятельности Политбюро, общий отдел ЦК и партийные кадры.

На июньском Пленуме ЦК происходит более существенная, чем на предыдущем Пленуме, перетасовка кадров. Михаил Соломенцев получает освободившийся после смерти Арвида Пельше пост Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Но Андропову не удастся перевести Соломенцева в соответствии с новым статусом из кандидатов, где он "томится" более 12 лет, в полные члены Политбюро. Кандидатом в члены Политбюро (без права голоса) становится В.Воротников. Андропов возвращает Воротникова из политической ссылки на Кубе, где тот был послом, — возможно, готовя его на освободившееся место Председателя Совета Министров Российской Федерации. Воротников, бывший в немилости у Брежнева, как и недавно назначенный секретарем ЦК Рыжков — новое поколение советских руководителей эпохи Андропова, из которых Генсек, ставший президентом, будет отстраивать здание своей правящей мафии, полностью ему преданной, во всем покорной и целиком подвластной. Им — принадлежит будущее (если и не будущая Россия, то будущая власть в России).

Членами ЦК, выдвинувшимися во второй эшелон,

становятся: новоиспеченный маршал С.Ахромеев (не исключено, что его готовят в начальники генерального штаба), В.Кочемасов, посол СССР в Восточной Германии (можно думать, что через некоторое время в новом качестве он заявится в Москве — в МИДе или ЦК), Б.Бальмонт, министр станкостроительной и инструментальной промышленности и В.Шабанов — заместитель министра обороны. Двух последних тоже, несомненно, ждет скорое возвышение. В.Бальмонт, как “придворный еврей”, может потеснить Дымшица с должности одного из заместителей Председателя Совета Министров СССР, а В.Шабанов должен стать — этого требует его новое партийное качество — по крайней мере первым заместителем министра обороны.

Происшедшие на июньском Пленуме изменения, таким образом, имеют важное значение — они высвечивают характер и особенности правления Андропова. Но то, что не произошло на Пленуме, заслуживает еще большего внимания: на нем не было выбрано ни одного нового члена Политбюро, количество членов которого упало, со смертью Пельше, до рекордно малого числа: одиннадцати (еще совсем недавно — во времена Брежнева — в Политбюро состояло 14 членов, а при Хрущеве их число достигало 16). За семь с лишним месяцев пребывания у власти Андропову так и не удалось ввести в Политбюро секретарей ЦК для курирования промышленности и кадрами. Эти сложные и многообразные обязанности, связанные с большой физической нагрузкой, ему приходилось делить с Черненко за счет ослабления собственных позиций и увеличения влияния Черненко.

Слабость Андропова не была случайностью, а явилась следствием политики Политбюро. Старцы в Политбюро понимают, что омоложение руководства означает их вывод на пенсию. И все они, стремясь сохранить свою власть (и право на посмертную славу), всячески противятся выходу на партийную авансцену новых лидеров. Не желая фокусировать свое внимание

на гипотетических ситуациях (и рисковать), члены Политбюро дали свое согласие на назначение Григория Романова секретарем ЦК по промышленности — сторонники Андропова охотно: он — один из них; противники — вынуждено: возвышение Романова расширяет возможности Генсека, но зато (и все-таки) не меняет соотношения и расстановку сил в Кремле. Романов становится четвертым членом Политбюро — секретарем ЦК — после самого Андропова, Черненко и Горбачева. Вернее — перед Горбачевым и в потенции готовый и способный занять место впереди Черненко. Если Андропову удастся провести Алиева в секретари ЦК, у Романова есть неплохие шансы стать Председателем Совета Министров (разумеется, если в премьеры “не выскочит” Громыко или Устинов — у них есть несомненный приоритет выбора). Не удастся, — Романову уготовляется должность второго секретаря ЦК с расширяющимися (за счет Черненко) полномочиями и правами.

Назначение “молодого” Романова (в Политбюро 60-летний возраст считается чуть ли младенческим) на ключевую позицию в Секретариате ЦК и физическая слабость (а порой создавалось впечатление — немощность) * Андропова вновь поднимают и оживляют вопрос о наследовании в Кремле. Романов — несомненно умен, бесстрастен и холоден. Хорошо искушен в работе. Он отдал ей около 30 лет своей жизни, пройдя извилистый путь от инструктора райкома партии до первого секретаря Ленинградского обкома (с 1970 г.) и члена Политбюро (с 1976 г.).

До него только двум руководителям Ленинград-

* В Москве с начала года стали поговаривать о серьезных нарушениях в здоровье Генсека. В 1982 году он исчезал с поля зрения трижды: с 29 января по 1 марта, с 25 марта по 22 апреля, с 1 сентября по 26 октября.

В середине июня 1983 года в западных газетах неожиданно появилась фотография поникшего Андропова, ведомого под руки двумя дюжими телохранителями.

ской партийной организации удалось пробиться в Секретариат ЦК: один из них (Киров) был убит Сталиным, второй (Жданов) скоропостижно скончался при подозрительных обстоятельствах. И никогда ни одному ленинградскому лидеру не доводилось править в Москве. В Кремле во все советские времена — от Ленина через Сталина, Хрущева и до Брежнева — ощущалась и тайно насаждалась неприязнь, подозрительность, отчуждение (и тайная зависть) к руководителям ленинградской партийной организации и к самой организации. Видимо, в Москве казалось, что революционные, бунтарские традиции, загоревшиеся в "Питере" однажды, в начале века, так окончательно и не погасли — ни к середине столетия, ни во второй его половине.

Удастся ли Григорию Романову когда-нибудь воцариться в Москве? Сегодня это представляется более чем сомнительным. С уходом Андропова должно исчезнуть с советской политической арены поколение Брежнева (Романов же, при всей своей относительной молодости, принадлежит к этому поколению). После Андропова советский режим, по-видимому, будет иметь Генерального секретаря, рожденного в конце 20-х годов. И если будущий Генсек, по опыту Сталина и Хрущева, предпочтет и сможет окружить себя людьми на 10 лет моложе, то в течение 3-4 лет членами Политбюро окажутся люди последнего предвоенного поколения.

Радикальное омоложение советского руководства необходимо для жизнеспособности режима и важно для его стабильности. Но постулировать целесообразность по отношению к иррациональной советской системе ненадежно. Для советских лидеров важны власть и их социальные привилегии, интересы и потребности государства для них менее значительны. Кроме того, механизм тоталитарного выбора представляет возможность выдвижения лиц и клик, не лучших с точки зрения системы. Романов достаточно смел, чтобы вступить в борьбу за наследство Андропова, и достаточно опы-

тен (и предусмотрителен), чтобы от этой борьбы отказаться.

Вряд ли Романов рискнет сыграть на физической слабости Андропова. Тем более, что физическая слабость Андропова неожиданно для него стала источником его политической силы. Положение в Кремле в июне 1983 года существенно отличалось от того, что наблюдалось год назад — летом 1982 года. Весной Андропов заболел. Он не показывался на официальных приемах около двух недель и сразу же поползли разговоры, что у него неизлечимое заболевание почек. Ухудшение здоровья Генсека вызвало растерянность у группировки, выдвинувшей его к власти и выдвинувшейся к власти через Андропова. Не испытывали торжества и сторонники Черненко: кое-кто из них уже успел переметнуться на сторону нового правителя (в СССР служат креслу, а не человеку) — чуть ли не полностью Кунаев и частично, проявляя осторожный нейтралитет, Горбачев (это однако не укрепит их позиций в Политбюро в будущем; как свидетельствует советская история, Генсек ликвидирует в первую очередь перебежчиков). Оказалось, что и сам Черненко в этих условиях не желает падения Андропова: неизбежная после Андропова перетряска партийных портфелей грозила вытеснить его из Политбюро. Однако и попытки Андропова консолидировать власть наталкивались на противодействие Черненко и оставшегося ему верным Тихонова.

Ни один из членов Политбюро не стремился занять вакантную должность Председателя Президиума Верховного Совета: это бы сразу вытолкнуло его (любого — кроме Андропова) из активной политической деятельности. Назначение же Президентом одного из кандидатов в члены Политбюро предполагало автоматическую кооптацию его в Политбюро, т.е. вводило в привилегированный клуб Кремля, где принимались государственные решения. Черненко всемерно противился выдвижению в Председатели Президиума Вер-

ховного Совета человека со стороны (не члена Политбюро) — им мог оказаться только протеже Генсека (провести свою креатуру после ноябрьского Пленума ЦК КПСС он уже не мог). И тогда в Политбюро сразу бы образовался еще больший перевес приверженцев Андропова. В этих условиях Черненко (а вслед за ним и все еще находящийся под его контролем бюрократический аппарат ЦК) предпринял конъюнктурно разумный шаг — снял возражения против утверждения Андропова Президентом.

Избрание Андропова Президентом, несомненно, увеличивало популярность Генсека в массах и укрепляло его авторитет в партийных кругах. Но не усиливало его реальной власти в Политбюро: количество человек в нем оставалось неизменным — 11 человек. Так что согласие Андропова стать Председателем Президиума Верховного Совета было продиктовано в существенной степени его бессилием изменить соотношение и расстановку сил в Политбюро.

Будь это во власти Андропова, он, по-видимому, предпочел бы, учитывая все еще продолжающееся противоборство в Кремле, собственному избранию Президентом введение в Политбюро надежного и верного ему сотрудника. Тем более, что Генсек мог позволить себе не спешить с "присвоением" ему президентского звания — оно не ушло бы от него в дальнейшем, ибо новая советская конституция 1977 года предполагает объединение обязанностей руководителя партии и главы государства.

На данную особенность советской конституции (не называя ее) ссылаясь и Черненко, предлагая Верховному Совету (когда это стало ему выгодным) кандидатуру Андропова в качестве его Председателя. "Пленум (ЦК КПСС — И.З.) признал целесообразным, — сказал он, — чтобы Генеральный Секретарь ЦК КПСС... одновременно занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР" /129/. И объяснил: совмещение функций главы партии и государства отражает

“возрастающую, руководящую и направляющую” роль коммунистической партии в жизни советского общества. И конечно же — “с полным основанием будет восприниматься советскими людьми и за рубежом, как свидетельство авторитета партии и государства” /130/.

Андропов, став Генсеком, а затем назначенный Председателем Совета Оборона СССР, превратился фактически в хозяина страны и активно, а главное — “на одном уровне”, начал встречаться и вести переговоры с главами других государств.

Оказалось, что расширенные и законодательно оформленные в 1977 г. (в угоду Брежневу) функции, права и полномочия Председателя Президиума Верховного Совета не привели к смещению государственной власти: они являются декоративными и становятся реальными только тогда, когда (и пока) глава партии возглавляет также и Верховный Совет. Когда связь верховной партийной и высшей советской власти оказалась на время разорванной (со смертью Брежнева), выяснилось, что “реформы” 1977 года существуют только номинально и Верховный Совет и его Председатель Президиума были и остались “декоративным” орнаментом партийной диктатуры. И советское государство способно обходиться без “Президента” шесть месяцев (могло бы и шесть лет и больше), не испытывая потрясений или кризиса власти. Вместе с тем (и потому, что “новая роль” Верховного Совета проявляется только, если она сосредоточена на личности Генсека) избрание Андропова Председателем выводило его на формальный пьедестал супервласти в стране — он становился обладателем всех высших советских постов — Генсека, Председателя Совета Оборона, Председателя Президиума Верховного Совета, как Брежнев. Больше Брежнева, ибо тому пришлось карабкаться к коммунистическому абсолютизму по каменистым тропам партийных интриг 13 лет, он же, Андропов, преодолел эту дистанцию в 7 месяцев. И потому, что он, в отличие от Брежнева, обрел всю полноту власти в

стране не по милости соратников, а в жестокой борьбе с соперниками, противниками и... теми же соратниками. И это был триумф (и национальный рекорд скоростного спринта к вершине партийно-государственной пирамиды). И за него Андропов был согласен платить по счету Черненко и векселям партийного аппарата.

Требования Черненко были унижительными, они были по самолюбию Генсека и нарушали его планы — не вводить в Политбюро новых его сторонников, заполнить образовавшийся вакуум в Секретариате ЦК за счет одного из членов Политбюро (так Гр. Романов стал секретарем ЦК по промышленности), назначить и официально провозгласить (как это произошло на июньском Пленуме ЦК) самого Черненко идеологическим секретарем партии и разделить с ним обязанности второго секретаря ЦК по кадрам.

Условия, предъявленные Генсеку аппаратом ЦК, требовали его отказа от планов проведения глубокой реорганизации государственных организаций и радикальных реформ. Андропов пошел на сделку, уступил притязаниям и домогательствам, рассудив, что у него еще представится возможность расквитаться с Черненко и расплатиться (и расправиться) с партаппаратом ЦК, дерзнувшим навязывать ему, Генсеку, свою волю.

И случай не заставил себя ждать: в первых числах июля был смещен с должности первого заместителя заведующего Отделом организации партийной работы ЦК КПСС Николай Петровичев. Он, полный член ЦК КПСС, был отправлен на малочетную должность Председателя Госкомитета СССР по профессионально-техническому образованию, с трудом тянувшую на членство в Ревизионной Комиссии ЦК /131/.

Падение Петровичева сразу на две партийные "ступеньки" последовало вскоре после того, как с секретаря ЦК Капитонова были сняты обязанности руководителя Отдела организации партийной работы, которые он исполнял в течение 18 лет. Отдел принял Егор Лигачев, бывший секретарь Томского обкома, давний

друг Генсека. Устранение Капитонова и снятие Петровичева, передав в руки Андропова важнейшие рычаги управления ЦК, открыли перед ним возможность контроля над назначением партийных работников.

Не пришлось долго упиваться и Черненко своей победой. Вскоре у Андропова появилась возможность унижить своего противника — это произошло в июне на Пленуме ЦК. По требованию Политбюро, ссылаясь на партийную традицию и требование протокола, в доклад Черненко монтируются понятия явно из политического лексикона Андропова — требование реализма мышления, настрой на дела, а не на лозунги. Черненко пришлось говорить с чужого, андроповского, голоса и тогда, когда он разворачивал перед участниками Пленума программу воспитания советского человека. Важнейшей идеологической задачей партии он назвал проблемы улучшения организации и укрепления дисциплины труда, повышения эффективного производства, контроля и соблюдения договорных обязательств на всех уровнях — от рабочего, колхозника до министра, то есть вынужден был развивать те самые идеи и мысли, с которыми Андропов пришел к власти.

Дань почтения к Генсеку — обязательное требование партийной риторики. Но и в этом Черненко отказывает (ему отказывают) чувство меры. Он вместе со всеми “советскими трудящимися” “горячо одобряет деятельность ЦК КПСС, его Политбюро во главе с Генеральным секретарем ЦК Юрием Владимировичем Андроповым” /132/. Не отметить этого Черненко был не в праве. Ему, однако, пришлось, пожалуй, первому в СССР определить выступления Андропова как подлинные “достижения марксистско-ленинской мысли последнего времени” /133/.

Черненко в своей речи утверждал, что существуют истины, не подлежащие пересмотру. Но он сам тут же “забывал” одну такую истину: значение и роль Брежнева в советской истории — решенную, как ему представлялось на предыдущем Пленуме ЦК, давно и одно-

значно. Он не находит (ему не находят) ни одного доброго слова для бывшего своего патрона, чьей благосклонностью и расположением он еще не так давно кичливо гордился.

Одного кумира партии вытеснил другой. И перед ним приходится склоняться и рассыпаться в комплиментах. Андропов, если верить Черненко, оказал глубокое влияние на мировую общественность "принципиальностью" и "уверенностью", "спокойствием" и "аргументированностью".

Подобострастие, заискивание в выступление Черненко — вынужденная дань, которую он угодливо согласился платить за возможность проведения (и открытия) идеологического Пленума ЦК КПСС — созванного впервые за 20 лет. Этот Пленум, по замыслу Черненко, должен был повернуть партию от решения экономических проблем к пропагандистским, на гребне которых Черненко, как секретарь ЦК по пропаганде, рассчитывал и надеялся быть вынесенным в духовные вожди.

Идеологический бум, однако, не состоялся. Заключительная речь Андропова на Пленуме, деловая, острая, временами полемичная и яркая, затмила убогое, блеклое и монотонное выступление Черненко. Членам Пленума импонировала откровенность Генсека (полуоткровенность): он говорил об отрыве руководителей от реальности, отметил (посмел!), что созданная в Советском Союзе политическая система не может считаться совершенной, признал, что партийные работники все еще не изучили общество, в котором живут ("Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок") /134/. Андропов призывал к борьбе с формализмом и при этом не ограничился, в отличие от Черненко, обтекаемыми формулировками, а с рассчитанной мерой смелости (и учитывая психологию переживаемого в СССР социального момента) заявил: "собрания... происходят в основном по подготовленному сце-

нарию, ... выступления участников заранее редактируются, а инициатива, а тем более критика причисляются и приглушаются" /135/. И как-то совершенно незаметно (но настойчиво) и не навязчиво противопоставил идеологическим лозунгам Черненко требование пересмотреть (он сказал деликатно — отредактировать) действующую партийную программу /136/.

И здесь Андропову явно изменило чувство политического вкуса — он оказался банальным: программы коммунистической партии в СССР пересматривались и редактировались при каждом Генсеке и при каждом Генсеке оставались неизменными. А может быть, в тупиковом исходе своей деятельности на седьмом месяце правления, Андропов приблизился к социальному перекрестку, где надо было решать: отбросить остатки доктринерства и двинуться вперед (не посмел — устрасился опасных для себя и режима последствий) или отступить назад (не позволяло самолюбие). И он застрял на полпути. Начав с призывов модифицировать экономику, скоро понял, что ничего нельзя существенно изменить в советском обществе, не меняя его политической структуры и не подрывая власти партократии. Видимо, Андропов решил пока что уйти от рискованных экспериментов в общественной жизни к реформам... на бумаге. Начинает он, учитывая богатый опыт предшественников, с ревизии Программы КПСС. Но не ограничивается ею.

В СССР существует еще одна соблазнительная, эффективная область для приложения и реализации преобразовательных идей — это система народного образования. И Андропов не устоял перед искушением "обогащать" ее, привести в соответствие "с жизнью". "Мы здесь, в президиуме, — сказал Андропов на Пленуме, — обменялись мнениями... Видимо, возникает необходимость серьезно подумать о реформе нашей школы..." /137/.

Создавалось впечатление, что у Андропова нет четкой социальной позиции. Его внутренняя политика

проводится на основе интуиции. И оставаясь интуицией, не отличается последовательностью и определенностью.

Еще за несколько месяцев до Пленума ЦК казалось, что Андропов обладал определенной свободой для проведения намеченной им экономической программы. В те дни в советских периодических изданиях шла осторожная, облаченная в марксистские формулировки, дискуссия о характере и возможностях развития советского общества. Либералы настаивали на расширении частной инициативы, увеличении приусадебных участков, поощрении индивидуального жилищного строительства, консерваторы — напротив, призывали к дальнейшей централизации управления и совершенствованию государственного планирования /138/. Но затем партийный аппарат, не заинтересованный в переменах, которые могли нарушить принципы вертикальной структуры власти и единоначалия, оказал давление на Андропова.

И вместо введения и осуществления глубоких и основательных реформ Генсеку пришлось удовлетвориться и ограничиться законом о трудовых коллективах*, отражающим, скорее, экономические проблемы и волнения режима, нежели социальные надежды Андропова.

Призрак польской "Солидарности", бродивший по страницам доклада Андропова на июньском Пленуме ЦК**, оживает в статьях Закона о трудовых коллекти-

* Полное название этого документа, утвержденного на Сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1982 г. — "Закон Союза Советских Социалистических республик о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями".

** Андропов предостерегал партию против "ошибок в политике, когда в возникающем вакууме появляются самозванные претенденты на амплуа выразителей интересов трудящихся" — "Речь Генерального Секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Ю.В.Андропова" ("Правда", 16 июня 1983 г. стр.2).

вах. И на его пути "Закон" сооружает и возводит преграду в виде "действительного советского" /139/ (что должно означать — не польского) "самоуправления". Это прежде всего (и главным образом) принцип "демократического централизма". Вот как он преподносится партией: в обсуждении проекта закона приняли участие 110 миллионов советских граждан (иными словами, все взрослое население страны — более едкую и фантастическую сатиру на коммунистическую демократию невозможно представить). И вот как он проявляется в жизни: из 130 тысяч поправок и замечаний, внесенных в проект закона (если они действительно были) на состоявшихся 1 миллион 230 тысяч собраний (если они на самом деле происходили) включено в закон всего-навсего немногим более... 70-ти, т.е. менее 0.1%. Новый закон декларирует увеличение прав трудовых коллективов. Прав мнимых: выдвигать кандидатов на выборы — их предлагает правительство, участвовать в обсуждении планов — они определяются партией, устанавливать правила внутреннего распорядка — они утверждаются администрацией. И прав действительных. Эти права, по существу, являются обязанностями: содействовать претворению в жизнь решений партии, неуклонно исполнять советские законы и постановления правительства, выполнять договорные обязательства, повышать эффективность работы. И самое важное (здесь под расширением прав коллектива предполагается ограничение прав членов коллектива) — обязанность привлекать к ответственности недостаточно усердных работников: переводить их на нижеоплачиваемую работу или увольнять, лишать премий, дополнительного отпуска, жилой площади. (Андропов, сознавая непопулярность задуманной им широкой кампании борьбы с нарушителями трудовой дисциплины, по-видимому, решил осуществить ее — продолжить и завершить — через и с помощью коллектива, т.е. расправиться с рабочими руками рабочих).

Коллективам вменяется в обязанность, как их

долг, создавать подсобные хозяйства (т.е. самим кормить рабочих, освобождая от этой непосильной обязанности государства), направлять (это их "право") "передовиков производства" для обучения в высшие и средние учебные заведения (с тем, чтобы еще сильнее привязать рабочих к производству). Коллективам благосклонно разрешается выдвигать встречные хозяйственные планы и даже ставить "в необходимых случаях" (каких? — не разъясняется) вопросы о привлечении к ответственности лиц, "не выполняющих обязательств по коллективным договорам". Но тут же предусмотрительно разъясняется: только через общественные организации и при наличии одобрения партии.

Для того, чтобы создать видимость народовластия (а заодно приглушить общественное недовольство и разочарование), в законе о трудовых коллективах предусмотрена статья (тринадцатая), вводящая в производство элементы демократизма. В законе говорится о возможности участия рабочих "в решении вопросов назначения руководящих работников". Но при этом разъясняется: это участие осуществляется "в соответствии с законодательством СССР", которое в силу своей сущности ("демократического централизма") несовместимо с принципами самоуправления.

Что же касается мнения "трудового коллектива" при снятии руководителей, то оно будет учитываться, отмечается в законе, "общественными организациями" /140/, т.е. пресловутым советским треугольником — партийной организацией, комсомолом и профсоюзом. Так что, хотя рабочим и обещано право на тщательно отмеренное самоуправление, их благоразумие (и печальный опыт в прошлом), по-видимому, удержит их от искушения этим андроповским даром воспользоваться.

В отдельных — показательных — случаях, возможно, и будет производиться снятие с работы руководителей (не угодных партии) по рекомендации коллективов. Но рабочие не в состоянии (и не вправе) назначать но-

вых руководителей или оказывать влияние на формирование политики цен /141/.

Так что если новый трудовой закон является прелюдией к экономическим реформам Андропова, то с полным основанием можно утверждать: реформ не будет. Закон оказался необходимым Андропову для того, чтобы завоевать популярность в стране и разбить социальную апатию масс. Андропов также хотел убедить и доказать, что советская экономическая модель себя не исчерпала и в ней все еще заложены возможности для творческого развития и роста.

В действительности же история России за последние 66 лет не идет вперед, а вращается вокруг самой себя — проходит через цикл одних и тех же противоречий, порождает иллюзии и надежды с каждым новым ее правителем и с каждым новым ее правителем теряет. Иллюзии, связанные с Андроповым, рассеялись, а надежды...

На следующем Пленуме ЦК КПСС (а может быть, съезде) прояснится: круговое движение русской истории продолжается. Все еще.

Николай Рыжков, избранный секретарем ЦК 22 ноября 1982 г.

Член Политбюро и секретарь ЦК Григорий Романов

Секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро Владимир Долгих.

Секретарь ЦК и член Политбюро Михаил Горбачев.

*Кандидат в члены Политбюро и первый секретарь
компартии Грузии Эдуард Шеварднадзе.*

ЭПИЛОГ

Если о тайных вещах принято писать явно, то почему же об очевидном не сказать ясно?

ЭПИЛОГ

Коммунистическая система, как и любая система, подчиняется второму закону термодинамики — закону распада: она со временем должна придти в упадок и разложиться. Даже если политика Андропова может этот процесс замедлить, она не в состоянии его предотвратить. Он мучительно ищет средства для того, чтобы хоть временно приостановить или ослабить действие открытых его учителями — марксистскими философами — “законов” исторического развития, приходящих в противоречие с советской действительностью.

В Москве завершается борьба за власть. Андропов выиграл первый тур — наследство Брежнева и выходит победителем в борьбе со сторонниками Брежнева в партийном аппарате и правительстве. Новый Генсек, ставший Президентом, однако, все еще (или пока что) не способен проводить социальную деятельность в соответствии со своими амбициями и целями. Его политика является, по существу, следствием и отражением меняющейся расстановки сил в Кремле.

Так что открыто выраженные надежды Запада на потенциальную демократичность Андропова и на его склонность к реформам создают советскому правителю дополнительные трудности в Политбюро. Быть либералом в ЦК — плохая рекомендация в стране, в ко-

торой партийное руководство стремится к консерватизму, к отказу от радикальных перемен. И Андропов старается — он вынужден демонстрировать свою приверженность к ортодоксальности во внешней политике и к догматизму — во внутренней.

Похоже, что борьба в Кремле должна закончиться в течение года, и Андропов окажется в ней победителем. Его внимание равномерно распределится между международными вопросами и социальными проблемами, тогда как у Брежнева явно преобладал интерес к внешней политике. В экономике не следует ожидать глубоких реформ — они потрясли бы основы режима и вызвали противодействие партийной номенклатуры.

Андропов, видимо, усилит наступление на коррупцию и вторую экономику, которое постарается использовать для замены людей Брежнева своими сторонниками. Когда у нового Генсека сложится устойчивое большинство в Политбюро и в Секретариате ЦК КПСС, начнется этап собственно "андроповской" внешней политики. Тогда Андропов, возможно, захочет всерьез возродить детант — разумеется, на советских условиях, и сделает попытку "развязать" афганский "узел" приемлемым для Москвы соглашением — созданием в Кабуле коалиционного, но обязательно просоветского правительства: если удастся, "красного" — коммунистического, или "розового" — прокоммунистического.

На Ближнем Востоке СССР постарается принять более активное участие в решении конфликта — опираясь на Сирию, используя Египет и палестинцев. На этих условиях, если его претензии будут удовлетворены, он согласится восстановить дипломатические отношения с Израилем. Политика Андропова по вопросу создания палестинского государства со временем не станет принципиально отличаться от доктрины Рейгана. Различие будет семантическое: американская администрация подумывает о создании палестинского государства тайно и вынуждено, советская администрация продолжит настаивать на его создании явно и охотно. Позиции обоих

государств сблизятся на проекте образования иорданопалестинской конфедерации. СССР согласится на небольшой пересмотр границ еврейского государства, при признании особого статуса для Восточного Иерусалима.

Новое советское руководство, вероятно, предпочтет "откупиться" от развертывания в Западной Европе ракет, крылатых и "Першинг-2", более гибкими предложениями по разоружению. Не удастся, будет всячески стараться гальванизировать пацифистское движение в европейских странах — оно достигнет апогея ко времени монтажа американских ракет и постепенно спадет после их установки: Андропов умеет считаться с историческими фактами. Политика "отрыва" Европы от США в этом случае станет тоньше и изощреннее — Европу будут соблазнять и подкупать экономическими сделками и торговыми договорами.

В Центральной Америке Андропов постарается избегать открытой конфронтации с Рейганом. Белому Дому предложат "обмен" — советское невмешательство в Сальвадоре на признание сложившегося статус кво в Никарагуа. Увеличится экономическое проникновение в латиноамериканские государства — через Аргентину или Мексику. В Африке усилия Кремля сосредоточатся на стабилизации коммунистических режимов в Конго, Анголе и Эфиопии. В Азии Андропова ожидает определенный прогресс с Китаем: на государственном уровне, тогда как на партийном — противоречия сохранятся. Советские позиции в Индии не изменятся, т.е. останутся достаточно хорошими, с Японией так и не удастся подписать мирный договор.

И в заключении: что в состоянии (и должен ли?) сделать Запад, чтобы повлиять на советскую политику — отвести опасность атомной войны и предотвратить продвижение коммунистической экспансии в мире? Ответ на этот сакраментальный вопрос XX века может быть выражен лаконичной формулой: быть сильным — проводить политику на основе ясной и твердой демо-

кратической цели и четкой антикоммунистической концепции. Стремиться сочетать военную мощь с настойчивыми поисками мира. И помнить: Советский Союз — общество со средневековой социальной структурой — что-то вроде индустриального феодализма с глобальными претензиями. Он понимает, принимает и уважает только силу. И на силе строит свою политику. Такой страна Андропова идет навстречу "своему" 1984 — хочется верить, все-таки не орвелловскому — году.

Андропов — не тот руководитель, в котором нуждается советское общество, но он, возможно, лучший, которого советское правительство в состоянии выдвинуть в настоящее время.

Лауреату Нобелевской премии мира Андрею Сахарову запрещают войти в помещение суда, где открывается процесс над Юрием Орловым.

Ястреб у себя дома, голубь — вне его.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. Патриция Блейк. "Начинается эра Андропова", "Тайм" 29 ноября 1982 г.
"Время испытаний для Андропова", "Нью-Йорк Таймс" 14 ноября 1982 г.
Хедрик Смит. "Есть пути и желания к смягчению напряженности", "Нью-Йорк Таймс" 14 ноября 1982 г.
Серж Шмеман. "Рутинная смена "кремлевского караула", "Нью-Йорк Таймс" 14 ноября 1982 г.
"Осторожность – вот король", "Тайм" 6 декабря 1982 г.
Руль Вотсон, Джонс Баржатан (Москва), Джон Волькот, Лари Ротер (Пекин). "Мирная атака Андропова", "Ньюсвик" 29 ноября 1982 г.
Генри Киссинджер. "Как разговаривать с Москвой", "Ньюсвик" 29 ноября 1982 г.
2. Н. Макиавелли. Сочинения, т.1. Москва–Ленинград, 1934, стр.66,67,68.
3. См. подробнее Патриция Блейк. "Начинается эра Андропова", "Тайм" 29 ноября 1982 г.
4. Там же.
5. См. там же, а также Tibor Meray. "Thirteen Days that Shook the Kremlin", "Prager", New York 1959.
"... Наших войск в Будапеште не было, – писал в своих воспоминаниях Никита Хрущев, – но наши люди были, был посол в Будапеште ... пришли к заключению, что было бы непростительно нам не оказать помощь рабочему классу Будапешта против контрреволюции..." См. Н.С.Хрущев. Воспоминания. Книга вторая, Нью-Йорк 1981 г, стр.218
6. Ленин. Сочинения, 3-е издание. Т. 27, стр.140.
7. См. "Казнимые сумасшествием", изд-во "Посев", 1971 г.; "Политические дневники", изд-во фонда Герцена, Амстердам 1972 г.
Борис Шрагин. "Противостояние духа", изд-во Overseas Publication Interchange Ltd., Лондон 1977 г.
"Альманах самиздата", изд-во фонда Герцена, Амстердам 1975 г.

"Мысли сумасшедшего". Избранные письма и выступления Петра Григоренко. Изд-во фонда Герцена, Амстердам 1978 г.

П.Григоренко. "В подполье можно встретить только крысы...", изд-во "Детинец", Нью-Йорк 1981 г.

8. *См. Петр Григоренко. "Этот демократ Андропов", "Новое русское слово" 29 июля 1982 г.*
9. *Там же.*
10. *См. газету "Русская мысль" 13 января 1983 г., стр.2*
11. *См. Петр Григоренко. "Этот демократ Андропов", "Новое русское слово", 29 июля 1982 г.*
12. *John Baron. KGB, Nat Sobel Associates Inc., New York.*
13. *"Пролетарская революция в каждой стране является частью мировой социалистической революции, совершается рабочим классом, народными массами данной страны. Революции не происходят по заказу. Ее нельзя навязать народу извне. Она возникает в результате глубоких внутренних и международных противоречий капитализма" (Программа Коммунистической партии Советского Союза, Политиздат 1972, стр.39)*
14. *См. И.Земцов. "КГБ", "Новое русское слово" 16,23 апреля 1978 г.*
И.Земцов. "КГБ – шпионаж ради коммунизма", "Неделя" 21,28 сентября 1977 г.
15. *См. "КГБ: глаза Кремля" (Новый КГБ, или как агенты Андропова наблюдают за положением в стране и в мире), "Тайм" 14 февраля 1983 г.*
Ю.Л. Молчанов. "Международное положение СССР", изд-во "Знание", Москва 1983 г.
16. *См. 1) Iran and Afghanistan – Propaganda and Reality, IRICS Bulletin, The Contemporary World Through the Prism of the Soviet Press; editor Ilya Zemtsov, Jerusalem. January-February 1980.*
2) The Crisis in Afghanistan, IRICS Bulletin, Jerusalem, March 1980.
17. *Пьер Лингрен, ж-л "Контакт с Армией" №8, 1982 г.*
18. *И.Земцов. "КГБ – шпионаж ради коммунизма". "Неделя" 21,28 сентября 1977 г.*
19. *Там же.*
20. *Ю.Изюмов. "США – 1982. Стоп-кадр", "Литературная газета" 29 декабря 1982 г., стр.14.*
21. *"Коммунисты должны овладеть всеми формами рево-*

люционной борьбы: легальными и нелегальными, парламентскими и внепарламентскими, мирными и немирными... Немирный путь развития революции – это путь вооруженной борьбы, за власть; формами такой борьбы являются вооруженное восстание, гражданская война либо партизанская борьба как разновидность или составная часть гражданской войны...” (“Коммунист вооруженных сил”, 1972 г., стр.18-19). -

А вот что писал один из советников Л.Брежневца Константин Зародов в книге “Три революции в России и наше время”, “Мысль”, Москва 1977 г., стр.409:

“Восстание и партизанская война – два основных, нередко тесно взаимосвязанных средства вооруженной борьбы за власть. Но, разумеется, в рамках этих форм борьбы и вне их существуют и более мелкие пути революции: насильственные, с применением оружия, захваты поместий, тех или иных государственных учреждений, нападения на буржуазные банки с целью конфискации денежных средств на вооружение и подготовку восстания, или даже военные акции, карающие особо “отличившихся” палачей народа и т.д. и т.п.”

По сведениям западных разведслужб главарь организации “Народный фронт освобождения Палестины – общее командование” Ахмед Джибрил, находящийся на службе КГБ, принимал непосредственное участие в организации и подготовке убийства Башира Жмайеля.

22. См. “Единство народа – великая сила” (Встреча избирателей с Ю.В. Андроповым), “Правда” 12 февраля 1980 г., стр.2
23. См. “Партия наш рулевой” (Встреча избирателей с К.У. Черненко), “Правда” 16 февраля 1980 г., стр.2.
К.Черненко. “Авангардная роль партии коммунистов”, “Коммунист” №6, апрел 1983 г.
К.У.Черненко. “Вопросы работы партии и государственного аппарата”, “Политиздат”, Москва 1980 г.
К.Черненко. “Ленинская стратегия руководства”, “Коммунист” №18, сентябрь 1981 г.
24. См. “Коммунист-80” (календарь-справочник), изд-во Политическая литература, Москва 1979 г., стр.14-15.
25. См. “Выступление товарища Г.А.Алиева”, г-та “Вышка” 13 октября 1982 г.

- "Доклад... Г.А.Алиева на пленуме ЦК Компартии Азербайджана 22 октября 1982 г.", г-та "Вышка" 24 октября 1982 г.
- "Речь товарища Г.А.Алиева" (Торжественное заседание ЦК Компартии Азербайджана и Верховного Совета Азербайджанской ССР), г-та "Вышка" 27 сентября 1982 г., стр.3.
26. cf. Плу Zemtsov. *La corruption en Union sovietique*, Hachette, 1976.
27. См. А.Авторханов. "Технология власти", изд-во "Посев", стр.485-509; А.Авторханов. "Загадка смерти Сталина", изд-во "Посев", 1976 г.
28. См. "Хроника", ж-л "Посев" №8, 1982 г., стр.5.
29. См. "Накануне смерти Брежнева", "Русская мысль" 16 декабря 1982 г., стр.7.
30. См. Семен Резник. "За кулисами одного спектакля", ж-л "Посев" №2 1983 г., стр.56-57.
31. "Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс", "Известия" 23 апреля 1982 г.
32. "Сверяясь с Лениным, действовать по-ленински", "Известия" 23 апреля 1981 г.
33. "Ленинизм – неисчерпаемый источник революционной энергии и творчества масс", "Известия" 23 апреля 1982 г.
34. См. фотографии и комментарии к ним в ж-ле "Огонек" №№37-43, 1982 г.
35. См. там же.
36. "Совещание военачальников в Кремле", "Правда" 28 октября 1982 г.
37. См. там же.
38. См. "Плодотворность ленинской дружбы народов СССР" (Вручение Тбилиси ордена Ленина), речь тов. К.У.Черненко, "Правда" 30 октября 1982 г.
39. "Вручение Брежневым высших наград Родины", ж-л "Огонек" №№45, 1982 г., стр.2.
40. Там же.
41. См. "Информация из Москвы" (Дж.Т.Кеннан, Хедрик Смит, Серж Шлемен), "Нью-Йорк Таймс" 13,14,15,17, 18,20 ноября 1982 г.
42. См. "Правда" 13 февраля 1982 г.
43. Там же.
44. Там же.
45. См. "Информация из Москвы", "Нью-Йорк Таймс" 13,14 ноября 1982 г.

46. Зарубежная хроника, "Посев" №1, 1983 г., стр.31.
47. См. Патриция Блейк. "Начинается эра Андропова", "Тайм" 29 ноября 1982 г.
48. cf. Ilya Zemtsov. *La corruption en Union sovietique*.
49. См. "Правда" 25 ноября 1982 г.
50. См. А.Авторханов. "Технология власти", изд-во "Посев" 1976 г., стр.772-802.
См. Леонард Шапиро. "Коммунистическая партия Советского Союза", изд-во Edizioni Aurora, Firenze, 1975 г.
Р.А. Медведев. "К суду истории", изд-во Alfred A. Knopf, Нью-Йорк 1974 г.
А.Авторханов. "Сила и бессилие Брежнева", изд-во "Посев" 1979 г.
51. 18 июня 1957 г. группа Молотова (Каганович, Маленков, Булганин, Первухин, Сабуров), воспользовавшись отсутствием в Москве Никиты Хрущева, созвала экстренное заседание Политбюро ЦК КПСС (тогда оно называлось Президиумом), на котором потребовала его снятия. Сторонникам первого секретаря ЦК, однако, удалось предотвратить голосование до возвращения Хрущева. Дискуссия продолжалась неделю, и Хрущев, опираясь на армию, потребовал созыва Пленума ЦК КПСС. На Пленуме, открывшемся 22 июня, Хрущеву удалось сперва изолировать сторонников Молотова, а затем добиться их изгнания из центральных органов партии.
52. См. "Речь Генерального Секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г.", "Правда" 23 ноября 1982 г.
53. Jerry F. Hough. "Soviet Succession", *Problems of Communism*, September-October 1982, pp.32-34.
Boris Meissner. "Transition in the Kremlin", *Problems of Communism*, January-February 1983, pp.13-15.
54. См. "Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г."
55. Н.Макиавелли. Сочинения. Т.1, Москва-Ленинград 1934 г., стр.74.
56. cf. Roman Kolkowicz. "The Military and Soviet Foreign Policy", *Journal of Strategic Studies*, December 1981, volume 4, pp.338-354; "Soviet Military Power", Department of Defence, USA, 1983.
57. См. "Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В.Андропова на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г."

58. См. "Социальный облик членов ЦК и его изменения". Радио "Свобода": материалы исследовательского отдела, 1 апреля 1981 г.
"Члены Центрального Комитета КПСС, избранные 26 съездом КПСС в марте 1981 г." Радио "Свобода": материалы исследовательского отдела, 9 марта 1981 г.
59. См. "Москва разъясняет свои предложения", "Новое русское слово" 24 ноября 1982 г.
60. "О проекте закона о государственной границе СССР". Доклад председателя КГБ СССР, депутата В.В.Федорчука, "Правда" 25 ноября 1982 г.
61. См. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 11 декабря 1982 г., 17 декабря 1982 г., 29 января 1983 г., 25 февраля 1983 г., стр.1.
62. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 29 января 1983 г., стр.1
63. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 29 января 1983 г., "Правда" 25 февраля 1983 г., стр.1.
64. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 25 февраля 1983 г., стр.1.
65. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 29 января 1983 г., стр.1.
66. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 15 января 1983 г., стр.1.
67. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 17 декабря 1982 г., стр.1.
68. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 25 февраля 1983 г., стр.1.
69. Там же.
70. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 11 декабря 1982 г., стр.1.
71. См. там же.
72. См. там же.
73. См. там же.
74. См. там же.
75. См. там же.
76. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 29 января 1983 г., стр.1.
77. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 1 января 1983 г., стр.1.
78. "В Политбюро ЦК КПСС", "Правда" 25 февраля 1983 г.

79. См. А.Авторханов. "Технология власти", стр.689-691.
Леонард Шапиро. "Коммунистическая партия Советского Союза", стр.776-780.
80. См. "Встреча Ю.В.Андропова с московскими станкостроителями", "Известия" 1 февраля 1983 г.
81. См. там же.
82. См. там же.
83. См. там же.
84. См. там же.
85. См. там же.
86. См. там же.
87. См. там же.
88. См. там же.
89. См. там же.
90. См. там же.
91. См. там же.
92. См. там же.
93. См. там же.
94. См. "Соревнования и дисциплина", "Правда" 25 февраля 1983 г., стр.1.
Л.Борисов. "Дело всех, дело каждого", "Известия" 19 февраля 1983 г., стр. 2.
95. См. "Комсомольское Знамя" 14 декабря 1982 г.
96. В.Гавричкин. "За откровенность – в немилость", "Известия" 5 февраля 1983 г., стр.6.
97. См. "Бюллетень СМОТ" №№ 32-35, 1982г.
98. Ю.Кублановский. "Попытка рассказать о нерассказанном", "Русская мысль" 2 декабря 1982 г.
99. См. В.Маркин. "Бояться равнодушных", "Агитатор" №4 февраль 1983 г., стр.39-41.
Л.Капелюшный. "Бойтесь данайцев", "Известия" 26 февраля 1983 г., стр.2.
С.Троян. "Куда ведет дорожка левая...", "Известия" 22 февраля 1983 г., стр.6.
"Укреплять правопорядок, искоренять антиобщественные проявления", "Агитатор" 3 февраля 1983 г., стр.6-7.
См. Информационные бюллетени СМОТ №30,32,33, 1982 г.
100. См. "Махинации тов. Иванова", "Ньюсвик" 31 января 1983 г.
101. См. "Рою Медведеву угрожает тюрьма", "Новое русское слово" 21 января 1983 г., стр.1.
102. "Я предлагаю иной выход, – писал Владимов в письме к

- Андропову, – менее ущербный для нашего государственного престижа. Я готов покинуть Россию. Быть вынужденным к этому – больно и обидно для нас, свою любовь к ней мы доказали уже тем, с каким терпением сносили гонения, преследования, унижения нас самих и нашего жилища. Я не покинул свою страну добровольно в трудные для нее годы и надеюсь, в меру своих сил и способностей, еще послужить ей, живя за рубежом – до поры, когда мы сможем вернуться”. “Я готов покинуть Россию”, “Русская мысль” 3 марта 1983 г., стр.7.
103. Хроника. “Посев” №1, 1983 г., стр.8-9.
 “Лагеря, тюрьмы, ссылки”, “Русская мысль” 3 марта 1983 г., стр.2.
104. Там же.
105. “Бюллетень СМОТ” №№33,35, 1982 г.
106. “Бюллетень СМОТ” №№32,34, 1982 г.
 “Нам сообщают...”, “Русская мысль” 3 марта 1983 г., стр.2.
107. “Бюллетень СМОТ” №№32,35, 1982 г.
108. Там же.
109. “Аресты в столице Армении”, “Русская мысль” 6 января 1983 г., стр.2.
 Хроника. “Посев” №2, 1983 г., стр.6-7.
110. “Обращение” (Драгунский Д.А., Кабачник М.И., Гофман Г.Б., Зивс С.П., Шейнин Б.С., Бондаровский Г.П., Зиманас Г.О., Колесников Ю.А.), “Новое время” №15, 8 апреля 1983 г., стр.26.
111. См. “Похороны Леонида Ильича Брежнева. Траурный митинг на Красной Площади. Речь Ю.В. Андропова”, “Правда” 16 ноября 1982 г.
112. См. “Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова на Пленуме ЦК КПСС 22 ноября 1982 г.”, “Правда” 23 ноября 1982 г.
113. Там же.
114. Там же.
115. Там же.
116. Там же.
117. Заявление ТАСС, 1 января 1983 г., стр.4.
118. “Ответы Ю.В. Андропова на вопросы американского политического обозревателя Д.Кингсбери-Смита”, “Известия” 31 декабря 1982 г., стр.1.
119. “Отстоять мир на Земле”, “Правда” 9 января 1983 г.
 “Нет задачи важнее”, “Правда” 25 января 1983 г.

120. Сообщение ТАСС, "Правда" 8 июня 1982 г.
121. "Заявление Советского Правительства", "Правда" 31 марта 1983 г.
122. Пресс-конференция А.А.Громыко, "Известия" 4 апреля 1983 г.
123. "Джерузалем пост" 30 января 1983 г.
124. См. Allan C. Brownfeld. "Цель Советского Союза – военное превосходство в Европе", "To the Point International", February 1, 1978, p.1.
125. См. "Шестьдесят лет СССР" (Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Ю.В.Андропова), "Правда" 22 декабря 1982 г., стр.1-2.
Ответ товарища Ю.В.Андропова на вопрос газеты "Руде право", "Правда" 6 января 1983 г.
"Политическая декларация государств – участников Варшавского договора", "Правда" 7 января 1983 г., стр.1-2.
"Ответы товарища Ю.В.Андропова на вопросы корреспондента "Правды", "Правда" 2 февраля 1983 г., стр.1.
"Ответы Ю.В.Андропова на вопросы корреспондента "Правды", "Правда" 27 марта 1983 г., стр.1.
126. "Ответы Ю.В.Андропова на вопросы американского политического обозревателя Дж.Кингсбери-Смита", "Известия" 31 декабря 1982 г.
127. "Ответ Ю.В.Андропова на вопросы корреспондента "Правды", "Правда" 27 марта 1983 г.
128. См. "Выступление товарища К.У.Черненко". "Правда" 17 июня 1983 г.
129. Там же.
130. Там же.
131. "В Президиуме Верховного Совета СССР", "Известия" 3 июня 1983 г.
132. "Актуальные вопросы идеологической, массово-политической работы партии. Доклад члена Политбюро ЦК КПСС секретаря ЦК КПСС товарища К.У.Черненко на Пленуме ЦК КПСС", "Правда".
133. Там же.
134. Речь Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Ю.В.Андропова на Пленуме ЦК КПСС 15 июня 1983 г., "Правда" 16 июня 1983 г.
135. Там же.
136. Там же.
137. Там же.

38. См. А.П.Бутенко. "Противоречия развитого социализма как общественного строя". "Вопросы философии" №10, 1982, стр.16-29.
- М.Саков. "Проблема собственности в экономическом учении Маркса", "Коммунист" №4, март 1983 г., стр.15-28.
139. См. "О проекте закона СССР о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. Доклад заместителя Председателя Совета Министров СССР депутата Г.А.Алиева", "Правда" 18 июня 1983 г.
140. Там же.
141. См. "Закон Союза Советских Социалистических республик о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями и организациями", "Правда" 19 июня 1983 г.

содержание

1. Прелюдия власти	7
2. Путь к власти	13
3. Борьба за власть	55
4. У власти	91
5. Динамика власти	109
6. Андрологизация власти	143
7. Консолидация власти	201
8. Эпилог	223
Литература	230

*Генеральный секретарь
Центрального комитета КПСС*

Председатель Совета Оборонь

Герой Социалистического труда

Четырежды кавалер ордена Ленина

*Кавалер ордена
Октябрьской революции*

Кавалер ордена Красного Знамени

*Трижды кавалер ордена Трудового
Красного Знамени*

*16 июня 1983 года
Юрий Владимирович Андропов
избран председателем Президиума
Верховного Совета СССР*